A31 S/33

A 31 5/33

ПРАВА АВТОРСКІЯ

и

КОНТРАФАКЦІЯ.

В. СПАСОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1865.

ПРАВА АВТОРСКІЯ

и

КОНТРАФАКЦІЯ.

В. СПАСОВИЧА.

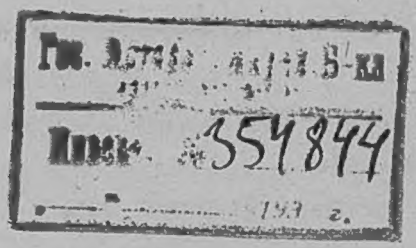
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1865.

ЯРОСЛАВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 13 Апрѣля 1864 г.



ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

ПРАВА АВТОРСКІЯ

и

КОНТРАФАКЦІЯ.

---

§ 1.

Исторія развитія этихъ понятій въ законодательствахъ положительныхъ.

Вопросъ объ исключительныхъ правахъ автора на размноженіе своихъ произведеній посредствомъ всевозможныхъ механическихъ пріемовъ и способовъ и о нарушеніи этихъ правъ или контрафакціи — возникъ послѣ изобрѣтенія и вслѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія.

До того времени сочиненій было мало, они обращались въ весьма небольшомъ кругу грамотныхъ людей, въ немногихъ и чрезвычайно дорогихъ спискахъ. Немногіе литераторы или были люди достаточные, обезпеченные содержаніемъ изъ другихъ источниковъ, или кормились крохами отъ щедротъ сильныхъ міра сего, которыхъ дворы они украшали, которыхъ дѣла они прославляли. Не видно, чтобы кто нибудь изъ нихъ воспрещалъ или затруднялъ переписываніе своихъ твореній, для извлеченія изъ нихъ дохода. Книгопечатаніе пробудило въ народѣ потребность читать; оно породило двѣ важныя отрасли промышленности— типографскую и книгопродавческую. Образовалось новое званіе

писателей по ремеслу, добывающихъ себѣ пропитаніе концемъ пера не изъ кармана королей и меценатовъ, но отъ публики, при посредствѣ типографщиковъ и книгопродавцевъ.—Но одновременно съ этими фактами, по мѣрѣ распространенія сбыта книгъ, явилась и контрафакція, дѣлающая самый чувствительный подрывъ производителямъ, разоряющая ихъ и причиняющая чрезъ то ущербъ цѣлому обществу. Издатель скупился гонораромъ автору, зная, что тотчасъ же это самое произведеніе будетъ перепечатано и пущено по низкой цѣнѣ въ продажу, ничего незаплатившимъ автору, спекулянтомъ. Издательство само становилось промысломъ убыточнымъ; издатель, терявшій на книгахъ, не имѣющихъ успѣха, не могъ возмѣстить этой потери на изданіяхъ, быстро расходящихся, вслѣдствіе соперничества съ нимъ перепечатчиковъ. Общественное мнѣніе порицало перепечатчиковъ *); но авторамъ и издателямъ суды не оказывали защиты, потому что вредъ, причиняемый контрафакціею, нельзя было подвести ни подъ одну изъ формъ гражданскихъ или уголовныхъ тогдашняго положительнаго законодательства ни римскаго, ни каноническаго, ни народнаго обычнаго. Авторамъ, а главное издателямъ, предстояло одно только средство спасенія отъ свирѣпствующей съ возрастающею силою язвы контрафакціи, а

---

*) *Лютеръ* слѣдующимъ образомъ укоряетъ перепе чатчиковъ (Auslegung der Episteln und Evangelien vom Advent an bis Ostern. Wittenberg, 1525). Eyn Vermanung an die Drücker. Gnade und Friede. Was sol doch das seyn, meine lieben Drückerherrn, das eyner dem andern so offentlich raubt und stillt das seyne, und unternander euch verderbt? Seyt yhr nu strassenreuber und diebe worden? Oder meynet yhr, das Gott euch segenen und erneeren wird durch solche böse tücke und stücke? Ich habe die Postillen angefangen von den heyligen Dreykünigetage an, bis auf Ostern, so faret zu eyn bube, der setzer, der von unsern schweys sich neeret, stilet meyne handschrifft, ehe ichs gar ausmache, und trags hynaus, und lesst es draussen ym lande drucken, unser kost und erbeyt zu verdrucken. Wolan, Gott wirds finden was Du dran gewynnest, da schmyre die schuch mit, Du bist ein dieb, und für Gott schuldig die widderstattung. — То же говоритъ и Эразмъ въ письмѣ къ Пиркгеймеру 27 янв. 1522: Ubi quid novi operis prodit, quod putent fore vendibile mox unus atque alter suffuratur, excudit ac venditat minimo. См. *Oskar Wächter*, Das Verlagsrecht. Stuttgard, 1857—1858.

именно: обращаться къ правительству и ходатайствовать у него о пожалованіи, въ видѣ милости, особыхъ привилегій на исключительное право печатанія и продажи книгъ, предполагаемыхъ къ изданію. Такова первоначальная форма, въ которую облекались права авторскія до тѣхъ поръ, пока съ учащеніемъ этихъ привилегій законодательство не обобщило ихъ и не возвело правъ авторскихъ на размноженіе своихъ произведеній печатью въ общій гражданскій законъ.

Первая по времени изъ извѣстныхъ привилегій издательскихъ дана венеціянскою республикою въ 1491 году профессору каноническаго права magistro Petro de Ravenna nuncupato a Memoria на изданіе его сочиненія подъ заглавіемъ *Phoenix* (ne alieni colligant fructus laborum et vigiliarum suarum). Въ Германіи подобныя привилегіи раздавали какъ императоръ на всю имперію, такъ и мѣстные земскіе владѣтели духовные и свѣтскіе, а равно и города. Въ привилегіяхъ обозначалось обыкновенно, какимъ денежнымъ пенямъ долженъ подвергнуться контрафакторъ. Привилегія помѣщалась въ началѣ или въ концѣ пользующейся ею книги. Во Франціи она имѣла форму посланія королевскаго ко всѣмъ судамъ (Lettres du Roi — à nos amis et feaux conseillers, les gens tenant nos cours de Parlement... et autres nos justiciers). Привилегіи бывали безъ означенія срока или срочныя, на 2 года, 5 лѣтъ, и т. д. Ихъ краткосрочность объясняется тѣмъ, что главными ходатайствующими о выдачѣ ихъ лицами были не авторы, но издатели-книгопродавцы. Авторъ обыкновенно довольствовался единовременнымъ гонораромъ, отдавалъ рукопись въ полное распоряженіе книгопродавцу, не требовалъ ничего больше. Книгопродавецъ хлопоталъ только о томъ, чтобы получить законную защиту отъ перепечатчиковъ, пока не разойдутся въ продажѣ экземпляры перваго изданія. Съ вѣроятностію сбыта оттиснутыхъ первымъ изданіемъ экземпляровъ соразмѣрялся и срокъ привилегіи правительственной. Въ случаѣ успѣшной распродажи изданія, по ходатайству издателя, привилегія его была продолжаема и возобновляема правительствомъ. Книгопродавецъ обогащался быстро

и вѣрно, ничего почти не рискуя и покупая лишь произведенія, обѣщающія скорый и вѣрный сбытъ; страдалъ только самъ авторъ, бѣдный труженикъ, получавшій подъ пышнымъ именемъ гонорара весьма скудную трудовую плату. Нигдѣ эта эксплоатація труда авторскаго издателями-капиталистами не достигла такихъ громадныхъ размѣровъ какъ въ Англіи *). Во второй половинѣ XVI столѣтія правительство англійское убѣдилось, что то благородное искусство, которое король французскій Людовикъ XII считалъ «d'invention plus divine qu'humaine» (declar. de Blois du 3 avril 1513), можетъ быть и опасно, потому что оно пускаетъ въ обращеніе множество книгъ еретическихъ и возмутительныхъ (many false fond books, and ballads, rhymes and other lewd treatises in the english tongue, both heretical and seditions). Дабы обезпечить правительство съ этой стороны, Филиппъ и Марія устроили всѣ отрасли промышленности, имѣющія связь съ книгопечатаніемъ, монополярно: Въ 1566 г. учреждена корпорація *стэшіонеровъ* (stationers), заключающая въ себѣ книгопродавцевъ, типографщиковъ, бумагопродавцевъ и переплетчиковъ, которой предоставлено исключительно право печатанія. Желающій печатать книгу долженъ былъ вписать ее въ особый реестръ корпораціи и получить, за уплатою извѣстной пошлины, письменное разрѣшеніе на печатаніе (licence). Эти стѣсненія открывали возможность ввести предварительную цензуру, которая установлена Елисаветою. Строгость постановленій о печати усиливается при Карлѣ I, котораго указъ 1637 г. ограничилъ 20-ю число типографщиковъ на всю Англію. Королевская власть защищалась отъ революціи, налагая руку на печать и заключая ее въ тиски. Контрафакція, конечно, становилась невозможностью, но участь писателей улучшилась весьма незначительно. Монополія шла впрокъ только книгопродавцамъ, которые, предоставляя себѣ львиную долю въ барышахъ, дѣлились ею иногда съ придворными и высшими сановниками государственными. Эти

*) *Ed. Laboulaye.* Études sur la propriété littéraire en France et en Angleterre. 1858.

послѣднія вліятельныя лица выпрашивали у короля для себя исключительное право издательства извѣстнаго рода книгъ, напр. или книгъ юридическихъ, или букварей, или календарей, или катехизисовъ, входили потомъ въ сдѣлки съ книгопродавцами и собирали этимъ путемъ налогъ съ литературы. Такимъ образомъ возникла нѣкотораго рода литературная собственность, но только въ пользу паразитовъ, ни въ какомъ смыслѣ неучаствовавшихъ въ производствѣ. Это злоупотребленіе устранено было революціею, которая однако не коснулась монополіи стэшіонеровъ и сохранила цензуру. Рядомъ срочныхъ (обыкновенно на 8 лѣтъ) парламентскихъ статутовъ, постепенно возобновляемыхъ, постановлялось, что разрѣшеніе цензуры обязательно для сочиненій. Послѣдній такой статутъ истекалъ въ 1695 г.; послѣ жаркихъ дебатовъ, парламентъ рѣшилъ, въ 1694 г., не возобновлять его, въ виду тѣхъ неудобствъ и притѣсненій, къ которымъ даетъ поводъ цензура. Такимъ образомъ установилась вдругъ полная свобода печати *). Прекращеніе дѣйствія licensing act'a подвергло опасности издателей, которымъ опять стала грозить контрафакція, потому что ихъ монополія только и охранялась предварительнымъ разрѣшеніемъ цензуры на печатаніе сочиненій. Они и стали подавать прошенія въ парламентъ объ огражденіи ихъ отъ перепечатчиковъ.

По выраженію французскихъ юристовъ, привилегія была только особенная милость монаршая (une grâce fondée en justice, говоритъ arrêt du conseil du Roy 30 августа 1777). Съ XVIII вѣка начинаются попытки возвести эти привилегіи въ общій гражданскій законъ, служащій всѣмъ писателямъ независимо отъ того, ходатайствовали ли они предварительно предъ правительствомъ объ охраненіи правъ своихъ или нѣтъ. Прослѣдимъ эти попытки по главнѣйшимъ государствамъ европейскимъ.

Великобританія. По предложенію Уортли (Wortley), изданъ въ 1709 г. (for the encouragement of learned men to compose and write useful books) законъ (8 Anne c. 19), по ко-

*) *Macaulay.* Исторія царствованія Вильгельма III, томъ 3, глава III.

торому авторамъ и законнымъ пріобрѣтателямъ книги, вписанной надлежащимъ порядкомъ въ реестръ компаніи стэшіонеровъ, предоставлено исключительное право перепечатывать ее въ теченіе 14-ти лѣтъ со дня перваго изданія; если же авторъ еще живъ при окончаніи этого срока, то въ теченіе 28-ми лѣтъ. Самовольный перепечатчикъ подвергался конфискаціи книгъ перепечатанныхъ и штрафу по одному пенни съ листа; половина штрафа поступала въ казну, половина доносчику. Въ видахъ противудѣйствованія дороговизнѣ книгъ, архіепископъ кентерберійскій, епископъ лондонскій, лордъ канцлеръ, лорды предсѣдательствующіе въ уэстминстерскихъ судахъ и вице-канцлеры университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго снабжены властью принимать жалобы на чрезмѣрно высокія цѣны книгъ и понижать эти цѣны по своему усмотрѣнію. Статутъ 1709 г. ограждалъ прессу отъ контрафакціи внутренней въ предѣлахъ Англіи, но не защищалъ ее отъ ввоза книгъ изъ-за границы (преимущественно изъ Голландіи) и даже изъ Ирландіи, на которую не распространялось тогда дѣйствіе англійскихъ законовъ. Въ царствованіе Георга II (8 Geor. II c. 13—12 Geor. II c. 36) ввозъ этотъ запрещенъ подъ страхомъ конфискаціи наличныхъ экземпляровъ, взысканія двойной цѣны распроданныхъ и 5 фунт. стерл. Съ тѣхъ поръ ирландскія контрафакціи могли расходиться только по Ирландіи, пока статутъ 41 Geor. III c. 167. (1801 г.) не распространилъ на Ирландію дѣйствія англійскихъ постановленій, ограждающихъ права сочинителей. Общественное мнѣніе стояло за права авторскія и склонялось все больше и больше въ пользу ихъ расширенія. Пользуясь связями въ парламентѣ, университеты оксфордскій и кембриджскій и нѣкоторыя другія учебныя заведенія (4 шотландскіе университета, коллегіи св. Троицы, близъ Дёблина, итонская, уэстминстерская и уинчестерская) успѣли выхлопотать законодательнымъ путемъ признаніе за ними права вѣчной собственности на всѣ сочиненія научныя или педагогическія, даримыя или завѣщеваемыя имъ, подъ условіемъ, однако, что они будутъ эти сочиненія печатать въ своихъ собственныхъ типографіяхъ (15 Georg III c. 83—41 Georg III c. 107).

Этимъ преимуществомъ университеты и учебныя заведенія великобританскіе пользуются и донынѣ. Статутъ Георга III 1801 г. (41 G. III c. 107) удвоилъ срокъ, положенный закономъ 1709 г. пользованію правами авторскими, и постановилъ, что авторъ или пріобрѣтатель сочиненія пользуются правами исключительнаго издательства въ теченіе 28-ми лѣтъ отъ перваго изданія или, если авторъ будетъ еще живъ въ это время, по самую смерть автора. Записка предполагаемой къ изданію книги въ реестръ стэшіонеровъ сдѣлана, по финансовымъ соображеніямъ, обязательною подъ страхомъ штрафа, но потеряла значеніе необходимаго условія для пользованія правами авторскими. Наконецъ, вопросъ о большемъ еще упроченіи литературной собственности возбужденъ былъ въ англійскомъ парламентѣ въ 1837 г. блестящимъ адвокатомъ и поэтомъ Тальфордомъ (sir Noon Talfourd). Пренія парламента привели въ результатѣ къ закону 1-го іюля 1842 г. (5 и 6. Vict. c. 45), который служитъ основаніемъ дѣйствующихъ нынѣ законоположеній по этому предмету. Срокъ монополіи авторской продолженъ значительно за предѣлы жизни автора, до 7-ми лѣтъ отъ момента его смерти, или до 42-хъ лѣтъ (3×14) со дня перваго изданія, смотря по тому, который изъ этихъ сроковъ выгоднѣе для пріобрѣтателя монополіи. Записка сочиненія въ реестръ компаніи стэшіонеровъ (at Stationner's hall) обязательна для авторовъ и пріобрѣтателей сочиненія не какъ источникъ правъ авторскихъ, но какъ законное доказательство, безъ представленія коего никакой искъ о нарушеніи авторскихъ правъ не принимается судами. Въ этомъ же реестрѣ могутъ быть отмѣчаемы и всевозможныя уступки и передачи правъ авторскихъ другимъ лицамъ. За ввозъ въ Великобританію изъ-за границы перепечатанныхъ сочиненій, виновный, сверхъ конфискаціи экземпляровъ, которые потомъ истребляются, подвергается еще штрафу 10 фунт. стерлинговъ и взысканію двойной цѣны каждаго противозаконно ввозимаго экземпляра. Изъ этого взысканія 5 фунтовъ стерлинговъ обращаются въ пользу задержавшаго контрабандные экземпляры таможеннаго чиновника, а остальное въ пользу владѣльца правъ

авторскихъ на сочиненіе. Авторъ можетъ наложить секвестръ на всѣ обращающіеся экземпляры своего сочиненія и въ правѣ требовать выдачи ему всѣхъ этихъ экземпляровъ какъ своей собственности, въ чьихъ бы рукахъ они не находились, или искать вознагражденія за всѣ понесенные имъ отъ перепечатки убытки.

Соединенные Сѣвероамериканскіе Штаты въ своихъ постановленіяхъ о правахъ авторскихъ подражаютъ законамъ своей прежней метрополіи. По конституціи 1787 г. этотъ предметъ включенъ въ кругъ вѣдомства конгресса. Конгрессъ законами 1790 и 1802 предоставилъ авторамъ права, которыми они пользовались по статуту королевы Анны, 1709 г. (14-ти-лѣтнюю привилегію, продолжаемую на такой же срокъ, если авторъ въ живыхъ). По закону 1831 года, нынѣ дѣйствующему, срокъ авторской монополіи 28-ми-лѣтній; но если при истеченіи этого срока авторъ живъ, или если онъ оставилъ вдову и дѣтей, то они могутъ ходатайствовать о продолженіи своей монополіи еще на 14-ть лѣтъ. Пользованіе монополіею авторскою обусловливается своевременною заявкою въ мѣстномъ окружномъ судѣ штата о предполагаемомъ изданіи сочиненія, что соотвѣтствуетъ англійской записке книги въ реестръ стэшіонеровъ.

Франція. Переходомъ отъ частныхъ привилегій къ общему закону гражданскому о правахъ авторскихъ служитъ постановленіе королевскаго совѣта 30 августа 1777 г., по которому привилегія, даваемая автору, должна служить безсрочно на вѣчныя времена (à perpétuité) ему и его наслѣдникамъ, если только онъ не уступилъ правъ своихъ постороннему издателю; въ противномъ случаѣ, срокъ привилегіи ipso facto уступки ограничивается жизнью автора. Когда вспыхнула революція и ниспровергла королевскую власть, права авторовъ, охраняемыя королевскими привилегіями, остались безъ всякой защиты. Учредительное собраніе, по докладу Шопелье, издало законъ 19-го января 1791 г., обезпечивающій за авторами драматическихъ произведеній и наслѣдниками ихъ исключительное право поставлять эти пьесы на театрахъ въ теченіе всей жизни автора и 5-ти лѣтъ послѣ его смерти. Народный конвентъ, по докладу

Ляканаля, закономъ 19-го іюля 1793 г., обобщилъ и расширилъ права авторскія, запретивъ перепечатываніе или воспроизведеніе какимъ бы то ни было образомъ произведеній литературы и искусства въ теченіе 10-ти лѣтъ со дня смерти автора. Указъ императорскій 5-го февраля 1810 г. и законъ 18-го апрѣля 1854 г., не уменьшая ни въ какомъ отношеніи правъ, признанныхъ за авторами предшествовавшими узаконеніями, даровали новыя преимущества вдовѣ автора, если она состояла съ мужемъ въ общности супружескихъ имуществъ, и его потомству. Вдова получила право пользоваться монополіею авторскою мужа пожизненно; срокъ пользованія нисходящихъ назначенъ закономъ 1810 г. двадцатилѣтній, а закономъ 1854 г. тридцатилѣтній со дня смерти автора предка ихъ. Такъ какъ оба закона, и 1810, и 1854 годовъ, не упоминаютъ ни о наслѣдникахъ авторовъ въ линіяхъ боковыхъ, ни о лицахъ постороннихъ, которымъ авторъ уступилъ свои права, то права авторскія на произведенія автора, не оставившаго послѣ себя ни жены, ни дѣтей, или уступившаго свою монополію при жизни постороннему лицу, прекращаются за истеченіемъ 10-ти-лѣтняго срока со дня смерти автора. Въ видахъ сообщенія правамъ авторскимъ еще бо́льшаго развитія, декретомъ 23-го декабря 1861 г. учреждена была коммиссія для составленія особаго по этому предмету устава, подъ предсѣдательствомъ государственнаго министра Валевскаго. Коммиссія представила въ апрѣлѣ прошлаго 1863 г. составленный ею проектъ, который не былъ еще до сихъ поръ разсмотрѣнъ палатами и къ постановленіямъ котораго придется намъ не разъ обращаться въ предѣлахъ настоящей статьи. Эта коммиссія, давъ правамъ авторскимъ, по примѣру декрета 1810 г., наименованіе *литературной и артистической собственности*, предполагаетъ уподобить ихъ всякой иной собственности, продолжая ихъ на будущее въ безконечность. Въ теченіе 50-ти лѣтъ, со дня смерти автора, лица, къ которымъ перешли права его на произведенія, должны по предположеніямъ коммиссіи пользоваться исключительнымъ правомъ издательства; затѣмъ, по истеченіи 50-ти лѣтъ, всякому желающему предоставляется издавать произведеніе автора, но

только подъ условіемъ взноса 5% съ продажной цѣны всѣхъ экземпляровъ изданія въ пользу собственниковъ изданія. Въ рапортѣ коммиссіи, подписанномъ Валевскимъ и нелишенномъ эмфаза и чванства, коммиссія ставитъ себѣ въ заслугу, что если предположенія ея сбудутся, то les droits des écrivains et des artistes ne seront plus limités que par la durée même de leurs œuvres. Quand des actes semblables ont pris place dans la législation d'un peuple, ils doivent y rester pour la gloire du souverain qui les a introduits,—pour l'honneur de la nation qui a sules comprendre et aussi pour servir d'exemple et d'enseignement *).

Бельгія *) руководствуется французскими законоположеніями и закономъ 25-го января 1817 г., по которому права авторскія прекращаются истеченіемъ 20 лѣтъ со дня смерти автора. Тотъ же законъ 1817 г. имѣетъ обязательную силу и въ Нидерландахъ, которые въ моментъ его изданія составляли одно политическое цѣлое съ Бельгіею. Такой же 20-ти-лѣтній срокъ существуетъ въ *Швеціи* и *Норвегіи*, по закону 16-го іюля 1812 года. *Данія* (законъ 13-го декабря 1837 г.) и *Португалія* (законъ 10-го іюня 1837 г.) даютъ правамъ авторскимъ 30-лѣтнее существованіе со дня смерти автора. Законъ *испанскій* (10-го іюня 1847 г.), весьма подробный и обстоятельный, установилъ два срока, смотря по роду произведеній и качеству имѣющихъ на нихъ права лицъ: двадцатилѣтній и пятидесятилѣтній. Въ *Греціи* кодексъ уголовный 1833 г. (§ 432) охраняетъ права авторскія только въ теченіе 15 лѣтъ со дня перваго изданія, если авторъ не выхлопоталъ у короля особой привилегіи на болѣе продолжительный срокъ. Въ *Швейцаріи* союзные кантоны заключили между собою конкордатъ въ защиту собственности литературной и артистической, вступившій въ дѣйствіе съ 1-го января 1857 года. По этому конкордату права авторскія обезпечиваются на

*) Commission de la propriété littéraire et artistique, in 4°, 1863. Paris. Imprimerie impériale.

**) *Os. Wächter*, Verlagsrecht. *Pataille et Huguet*, Code international de la propriété industrielle, artistique et littéraire. Paris. 1855.

30 лѣтъ со дня перваго изданія, или, если авторъ еще живъ, по конецъ жизни автора. Посмертныя изданія охраняются относительно правъ авторскихъ только въ такомъ случаѣ, если они сдѣланы въ теченіе 10 лѣтъ съ момента смерти автора *).

Германія. Съ половины XVIII столѣтія, отдѣльные государи, входящіе въ составъ священной римской имперіи, начинаютъ запрещать и преслѣдовать въ своихъ владѣніяхъ контрафакцію независимо отъ привилегіи, исходатайствованной авторомъ, на сколько эта контрафакція относилась къ произведеніямъ ихъ собственныхъ подданныхъ (въ *Ганноверѣ* указъ 22-го окт. 1745 г.; въ *Саксоніи* мандатъ 18-го декабря 1773 г.; въ Австріи многочисленные указы Маріи Терезіи и Іосифа II; въ Пруссіи, по ландрехту 1794 года, за перепечатку сочиненія, неохраняемаго особою привилегіею, принадлежащаго прусскому подданному, положена конфискація контрафактныхъ экземпляровъ и уничтоженіе ихъ или выдача ихъ лицу, имѣющему права авторскія на это сочиненіе (Th. II, tit. XX, §§ 1295—1297). При дряблости имперскихъ учрежденій, нельзя было и думать объ одинообразномъ опредѣленіи правъ авторскихъ по всей Германіи, посредствомъ имперскаго сейма. Послѣ паденія имперіи вопросъ этотъ крайне запутался, каждое отдѣльное государство пошло особымъ путемъ, нѣкоторыя допускали перепечатываніе безъ всякихъ ограниченій, иныя (напр. Баденъ въ своемъ ландрехтѣ 1809 г.) признавали за авторомъ право исключительнаго издательства, но только личное, погасающее со смертью его. Настояла крайняя необходимость установить какія нибудь нормы для усиливающагося быстро обмѣна произведеніями литературы и искусства. Это требованіе, заявленное при самомъ образованіи нынѣшняго Германскаго союза, занесено въ самый основный актъ союза 8-го іюня 1815 г. art. 18: Die Bundesversammlung wird sich bei ihrer ersten Zuzammenkunft mit Abfassung gleichförmiger Verfügungen über die Pressfreiheit und

*) Для современнаго законодательства Италіи о правахъ авторскихъ у меня нѣтъ подъ рукою данныхъ.

die Sicherstellung der Rechte der Schrifsteller und Verleger gegen Nachdruck beschäftigen. Союзный сеймъ германскій, столь же медлительный въ своихъ пріемахъ, какъ покойный имперскій, не торопился осуществленіемъ постановленія, заключающагося въ 18 ст. Bundesakt'a. Съ большимъ трудомъ удалось Пруссіи, и то только въ 1832 г. (6 сент.), провести на сеймѣ начало взаимности, по которому нѣмецкія государства обязаны въ будущихъ законоположеніяхъ о правахъ авторскихъ не дѣлать никакого различія между своими подданными и подданными другихъ державъ союза, и оказывать и тѣмъ и другимъ одинаковую защиту. Дальнѣйшіе переговоры потребовали 5 лѣтъ; наконецъ 9-го ноября 1837 г. состоялось постановленіе сеймовое, опредѣляющее *minimum* правъ, которыя должны быть предоставлены авторамъ по партикулярнымъ законодательствамъ нѣмецкимъ, а именно: 10-ть лѣтъ защиты отъ контрафакціи со дня выхода въ свѣтъ сочиненія для всѣхъ сочиненій вообще, и 20 лѣтъ для болѣе обширныхъ изданій, по части наукъ и искусствъ, которыя требовали значительныхъ издержекъ. Въ 1845 г. 19-го іюня состоялось новое постановленіе сейма, по которому права авторскія обезпечены на всю жизнь автора и на 30 лѣтъ послѣ его смерти. Постановленія сеймовыя суть не болѣе, какъ международные трактаты, и сами по себѣ не имѣютъ еще никакой обязательной силы въ отдѣльныхъ германскихъ державахъ, пока мѣстныя правительства, опубликованіемъ ихъ у себя, въ своихъ владѣніяхъ, не превратятъ эти сеймовыя постановленія въ свои партикулярные законы писанные. Не всѣ державы обнародовали у себя постановленія сейма *). Нѣкоторыя ограничились обнародованіемъ сеймовыхъ постановленій, не дополняя ихъ и не измѣняя партикулярными законами. Наконецъ, для бо́льшей части германскихъ державъ сеймовыя постановленія послужили только исходною точкою и основаніемъ подробной партику-

*) Виртембергъ не обнародовалъ постановленій 1837 и 1845; Ангальтъ-Кётенъ и Шварцбургъ-Рудольштадтъ не обнародовали постановленій 1845 г.; Лихтенштейнъ не обнародовалъ никакихъ постановленій сеймовыхъ, такъ какъ это государство не имѣетъ ни одной типографіи.

лярной регламентаціи правъ авторскихъ (Австрія, Пруссія, Саксонія).

Общими гражданскими законами о правахъ авторскихъ не были выведены изъ употребленія привилегіи. Авторамъ и пріобрѣтателямъ правъ авторскихъ предоставляется по законамъ многихъ германскихъ государствъ *) ходатайствовать о пожалованіи имъ посредствомъ привилегій пользованія этими правами на сроки болѣе продолжительные противъ установленныхъ общимъ гражданскимъ закономъ. Подобныя привилегіи могутъ быть даваемы не только отдѣльными правительствами, но и союзнымъ сеймомъ **).

Россія. Законодательство Россіи отличается отъ другихъ тѣмъ, что оно начало съ предоставленія привилегій исключительнаго издательства нѣкоторымъ юридическимъ лицамъ, нѣкоторымъ ученымъ корпораціямъ, учрежденнымъ правительствомъ и пользующимся его поддержкою, и потомъ уже, гораздо позднѣе, въ недавнія времена, занялось признаніемъ и обезпеченіемъ правъ авторскихъ за частными лицами ***).

Съ самаго основанія своего, академія наукъ издаетъ календарь и вѣдомости, и пользуется исключительнымъ правомъ на всѣ книги, напечатанныя въ академической типографіи. Изъ-за календаря академія вела споры и преслѣдовала частныхъ издателей и областные мѣсяцесловы. По жалобамъ ея, указомъ 26-го сент. 1732 г. запрещенъ ввозъ въ Россію перепечатанныхъ за границею ея изданій. Правительство сносилось съ императоромъ Карломъ VI (1735) о прекращеніи въ Германіи перепечатыванія академическихъ изданій. Коммиссіи народныхъ училищъ предоставлено, указами 1-го ноября 1784 и 5-го августа 1786 годовъ, исключительное право на перепечатываніе книгъ, издаваемыхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ. Права авторскія частныхъ лицъ опредѣлены впервые положеніемъ о правахъ со-

---

*) Напр. Ганноверъ, Гольштейнъ.

**) Сеймомъ даны двадцатилѣтнія привилегіи на сочиненія Шиллера (1848), Гёте (1841), Гердера (1842), Ж. П. Рихтера (1840), Виланда (1841).

***) Рѣчь проф. *Калмыкова:* объ исторіи правъ сочинителей въ Россіи, читанная на актѣ С.-Петербургскаго университета 8-го февраля 1851 года.

чинителей, 22-го апрѣля 1828 г., изданнымъ въ дополненіе къ цензурному уставу, и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, 8-го января 1830 г., о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей, составляющимъ дальнѣйшее развитіе положенія 22-го апрѣля 1828 г. Оба узаконенія, вмѣстѣ съ положеніемъ о собственности художественной, изданнымъ 21-го января 1846 года, и съ положеніемъ о собственности музыкальной — 9 января 1845 года, составляютъ основаніе нынѣ дѣйствующей системы гарантій для авторскаго труда. Послѣдующее время принесло съ собою въ этой системѣ гарантій ту только перемѣну, что по Высочайше утвержденному мнѣнію госуд. совѣта, 15-го апрѣля 1857 г., срокъ пользованія правами авторскими удвоенъ, такъ что изъ 25-лѣтняго онъ превратился въ 50-лѣтній.

Постановленія германскаго Bundesakt'a и французскаго союзнаго сейма вводятъ вопросъ о правахъ авторскихъ въ область международнаго права, и ставятъ его на новой почвѣ, на которой вопросъ этотъ когда нибудь въ будущемъ можетъ быть рѣшенъ однообразно для всѣхъ народовъ образованныхъ, находящихся между собою въ сообщеніи литературномъ. Долгое время правительства озабочивались огражденіемъ своихъ только туземныхъ произведеній, а не иностранныхъ, и то только внутри государственныхъ предѣловъ. Контрафакція могла открыто совершаться и свободно процвѣтать у самаго, такъ сказать, порога; никто ей не мѣшалъ, не противодѣйствовалъ; правительства наблюдали только, чтобы контрафактныя произведенія не пробирались сквозь таможенную цѣпь. Общій интересъ склонилъ правительства войти на путь взаимныхъ соглашеній, и, подъ условіемъ взаимности, охранять свои туземныя произведенія на иностранныхъ рынкахъ сбыта, воспретивъ у себя точно такимъ же образомъ контрафакцію иностранныхъ произведеній. Начиная съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, правительствами европейскими заключено множество срочныхъ трактатовъ о взаимномъ обезпеченіи правъ авторскихъ; особенную дѣятельность обнаружила на этомъ поприщѣ Франція, которой удалось по-

средствомъ конвенціи съ Бельгіею, 22-го апрѣля 1852 г., уничтожить бельгійскую контрафакцію, столь вредную и столь опасную для интересовъ французской литературной дѣятельности и французской книжной промышленности. Россіею заключены подобные же трактаты объ обезпеченіи правъ авторскихъ съ Франціею $\frac{\text{25-го марта}}{\text{6-го апрѣля}}$ 1861 г. и съ Бельгіею $^{19}/_{30}$ іюля 1862 года. Правительство французское, не довольствуясь трактатами, сдѣлало попытку къ возведенію противозаконности международной контрафакціи въ общій международный принципъ, независимо отъ трактатовъ. Надѣясь найти подражателей, оно декретомъ 28-го марта 1852 г. объявило, что запрещаетъ подъ страхомъ наказанія контрафакцію всякихъ иностранныхъ литературныхъ произведеній, безъ требованія какой бы то ни было взаимности со стороны державы, гдѣ произведеніе было напечатано.

§ 2.

Французская коммиссія литературной собственности и Прудонъ.

Вопросъ о правахъ авторскихъ затрогиваетъ за живое всю пишущую братью; для многихъ отъ обезпеченія этихъ правъ зависѣла возможность устроить безбѣдно свое существованіе, освободиться отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ и отъ необходимости срочной по заказу работы, наконецъ умереть спокойно, не сокрушаясь мыслью о судьбѣ жены и дѣтей; для болѣе даровитыхъ и геніальныхъ, или для счастливцевъ, вѣнчаемыхъ успѣхомъ, обезпеченіе правъ авторскихъ открывало путь къ богатству и къ образованію великолѣпныхъ состояній. Понятно, что литература не могла безмолвствовать, тѣмъ болѣе, что всѣ почти заинтересованные были и по званію своему литераторами; нѣтъ счета сочиненіямъ о правахъ авторскихъ, начиная съ конца XVII столѣтія. Количество ихъ увеличивалось съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ, который дѣлали законодательства положительныя; къ пространнымъ трактатамъ и краткимъ брошюрамъ прибавлялись пренія въ законодательныхъ собраніяхъ. Наконецъ, въ новѣйшее время,

когда вопросъ достаточно обобщился, были сдѣланы попытки къ дальнѣйшему его развитію и уясненію посредствомъ международныхъ съѣздовъ, состоящихъ изъ интересантовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Такихъ конгрессовъ было до сихъ поръ два, и оба собирались въ странѣ, которая еще недавно была классическою, можно сказать, страною контрафакціи; одинъ въ сентябрѣ 1858 г. въ Брюсселѣ, другой въ 1861 г. въ Антверпенѣ. Оба конгресса пришли къ одинаковымъ заключеніямъ, но первый изъ нихъ былъ гораздо многочисленнѣе и замѣчательнѣе.—Членамъ конгресса предстояла задача—условиться относительно возможно однообразнаго рѣшенія вопроса о правахъ авторскихъ по отдѣльнымъ странамъ и государствамъ, и подготовить такимъ образомъ элементы для международной его регламентаціи; составить нѣчто въ родѣ проекта будущей космополитической хартіи для правъ собственности литературной и артистической. Задача эта сводилась къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) опредѣлить самый коренной принципъ правъ авторскихъ, изъ котораго бы вытекали логически посредствомъ дедукціи всѣ гарантіи, которыми права эти должны пользоваться, и 2) условиться относительно тѣхъ гарантій, которыя можно и слѣдуетъ въ настоящее время требовать съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха. Вторая изъ этихъ статей несравненно сложнѣе первой, однако обсужденіе ея не было сопряжено ни съ какими особенными затрудненіями, и совершилось удобно, скоро, почти безъ преній. — Изъ 322 съѣхавшихся въ 1858 г. въ Брюсселѣ лицъ *), всѣ дѣйствовали въ одномъ направленіи, у всѣхъ была цѣль одна и та же: расширить какъ можно больше права авторскія и обставить трудъ литературный и художественный возможно бо̀льшимъ числомъ гарантій. Рѣшено требовать совершеннаго уравненія авторовъ и произведеній иностранныхъ съ туземными, стараться объ освобожденіи произведеній литературы и искусства отъ таможенныхъ

*) Въ томъ числѣ 62 литератора, 24 артиста, 47 депутатовъ отъ университетовъ, 54 депутата отъ ученыхъ обществъ, 21 экономистъ, 16 журналистовъ, 29 адвокатовъ, 29 книгопродавцевъ-издателей, 40 чиновниковъ, членовъ законодательныхъ собраній и др. лицъ.

пошлинъ и о пониженіи сборовъ за перевозку ихъ по почтѣ, уравнить по возможности относительно правъ авторскихъ произведенія музыкальныя, драматическія и художественныя съ литературными, предоставитъ автору на короткій срокъ исключительное право издавать переводы своего сочиненія на иностранныхъ языкахъ, не дѣлать различія въ правахъ между наслѣдниками автора по закону, по завѣщанію и посторонними пріобрѣтателями правъ авторскихъ на сочиненіе, наконецъ положить для правъ авторскихъ 50-лѣтній срокъ со дня смерти автора. За то первая часть задачи, относящаяся къ установленію кореннаго принципа правъ авторскихъ, возбудила сильнѣйшіе споры, обнаружившіе, какая страшная путаница господствуетъ въ понятіяхъ относительно сущности разбираемаго учрежденія. Что́ англичане называютъ *copy-right* или правомъ сниманія копій съ оригинальнаго произведенія, то-есть, правомъ размноженія экземпляровъ, а нѣмцы *Verlagsrecht*, или правомъ издательства, то французы именуютъ *propriété littéraire* или литературною собственностью. За различіемъ въ названіяхъ скрывалось глубокое различіе въ смыслахъ. Для предмета новаго недавно появившагося, требовалось отыскать въ прошедшемъ, въ законахъ и формахъ гражданскаго права, унаслѣдованнаго большею частью отъ римлянъ, такую норму, подъ которую бы этотъ предметъ могъ подойти. — Всего привлекательнѣе должна была показаться мысль подвести права авторскія подъ категорію собственности. Такъ какъ собственность по существу своему не ограничивается никакимъ срокомъ и продолжается въ безконечность, то почему же и права авторскія не могли бы быть продолжены въ безконечность, почему не допустить, что правнуки и праправнуки автора будутъ пользоваться безъ всякаго съ ихъ стороны труда личною рентою съ его книги, какъ они должны пользоваться доходами съ его пашни, луга, лѣсной дачи.—Предѣлъ пользованію полагалъ бы не законъ постановленіемъ срока, когда сочиненіе дѣлается достояніемъ общественнымъ, но совершенное истощеніе эксплоатируемой почвы.—Какъ ни заманчивы должны были казаться для литераторовъ эти соображенія, вслѣд-

ствіе которыхъ выведенный изъ толпы чернорабочихъ ученый или художникъ занялъ бы видное мѣсто въ почетной группѣ собственниковъ, однако ими не соблазнилось большинство членовъ брюссельскаго конгресса. Прельститься этими соображеніями не допускала логика, доказывая, что выраженіе литературная собственность есть только метафора, и что собственность литературная индивидуальная, еслибы она и была заведена, пришла бы тотчасъ въ столкновеніе съ не менѣе почтенными правами общественнаго пользованія произведеніемъ.—Въ секціи 2-ой, разбиравшей этотъ вопросъ, 56 голосами противу 36, отвергнута безсрочность правъ авторскихъ, то же начало подтверждено было и общимъ собраніемъ конгресса. — Къ тому же самому заключенію пришелъ и антверпенскій конгрессъ 1861 года.

Чего не рѣшались предлагать два конгресса, составленные изъ однихъ интересантовъ, то постановила сдѣлать правительственная коммиссія, учрежденная въ 1861 г. Люи-Наполеономъ III, для составленія устава о собственности артистической и литературной. Въ составъ коммиссіи вошли три министра (Walewski, Persigny, Rouland), четыре сенатора, большею частью изъ литераторовъ (Laguerонnière, Merimée, Lebrun, Dupin), три члена законодательнаго корпуса (Schneider, Nogent-Saint-Laurant, Verdier), шесть чиновниковъ государственнаго совѣта и министровъ (Vuillefroy, Suin, Devergier, Herbet, Imhaus, Doucet), семь членовъ института ученыхъ и артистовъ (Flourens, Nisard, Sylvestre de Sacy, Augier, Auber, Maury, Taylor) — и пять экспертовъ (Aug. Maquet, Fr. Wey, Ed. Thierry, Th. Gautier, Didot), всего 26 человѣкъ. — Коммиссія работала при закрытыхъ дверяхъ, обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ дѣлопроизводства. Открылъ ее, 22 января 1862 г., государственный министръ Валевскій пространною рѣчью, въ которой, дѣлая историческій выводъ литературной собственности, онъ началъ со слѣпца Гомера и съ трагиковъ греческихъ. Слѣпецъ-поэтъ, за свои дивныя пѣсни, былъ привѣтствуемъ и угощаемъ по городамъ греческимъ—вотъ и начало авторскихъ

правъ *); драматическимъ поэтамъ Эсхилу, Софоклу подносимы были лавровые вѣнки — вотъ и зародышъ гонораровъ, платимыхъ нынѣ сочинителямъ за ихъ произведенія. — Доказавъ святость и неприкосновенность авторской собственности ссылкою на множество почтеннѣйшихъ авторитетовъ, Валевскій предложилъ порядокъ совѣщаній, отличный отъ того, которому слѣдовали конгрессы, а именно: прежде всего рѣшить, какой принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе устава о правахъ авторскихъ; потомъ, нарядивъ особый редакціонный комитетъ, поручить ему дальнѣйшее развитіе и примѣненіе этого принципа въ составленномъ на основаніи его уставѣ. — Споры о коренномъ принципѣ заняли три засѣданія; членамъ коммиссіи предложено рѣшиться на одно изъ трехъ средствъ: 1) или на признаніе правъ авторскихъ безсрочными, 2) или на расширеніе ихъ только продолженіемъ срока ихъ съ 30 на 50 лѣтъ, или 3) на оставленіе того же срока 30–лѣтняго, который существуетъ до сихъ поръ. Весь интересъ сосредоточивался на томъ, будутъ ли права авторскія увѣковѣчены продолженіемъ ихъ въ безконечность или нѣтъ, то-есть, иными словами, будутъ ли они признаны настоящею собственностью или нѣтъ. Напрасно старикъ Дюпэнъ (генералъ–прокуроръ кассаціоннаго суда), знающій, въ качествѣ опытнаго юриста, всю силу точныхъ опредѣленій въ законѣ, доказывалъ, что нельзя унижать область мысли, уравнивая право на изданіе книги съ лугомъ или съ пашнею, что авторская собственность безсрочная, безусловная продолжается только до изданія, т. е., до обнародованія сочиненія, что публикація есть то же, что передача собственности публикѣ, что наконецъ весьма странно начинать съ установленія закономъ извѣстнаго рода собственности, потому что собственность есть фактъ, собственно не юридическій, предшествующій всякому закону, роль закона ограничивается только регламентаціею этого факта **). Напрасно Сю-

*) Quand Homère parcourait les villes de la Grèce en chantant ses vers sublimes, il recevait l'hospitalité en échange; c'était le premier droit d'auteur payé au plus grand des poëtes.

**) La déclaration du principe... lui semble un fait étrange et tout nouveau;

энъ вооружался противу самой терминологіи и утверждалъ, что къ правамъ авторскимъ не подходитъ наименованіе собственности, что оно ничто иное, какъ привилегія. — Напрасно ученый филологъ Низаръ заявлялъ, что онъ сомнѣвается, чтобы справедливость была на сторонѣ защитниковъ принципа литературной собственности; «что касается до меня, присовокуплялъ онъ, то я отстаиваю только то, что́ можетъ обезпечить существованіе моему семейству, остальное я считаю лишнимъ *)». Всѣ эти выраженія оказались напрасными; рѣчистый боецъ за право литературной собственности, бывшій адвокатъ Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, извѣстный сотрудникъ Дюма по фабрикаціи повѣстей и романовъ Огюстъ Маке и Дювержье, увлекли за собою собраніе, тѣмъ легче, что большая часть членовъ его состояла изъ лицъ заранѣе убѣжденныхъ. Большинствомъ 19 голосовъ противу 3-хъ коммиссія постановила слѣдующее: принявъ въ соображеніе, что произведенія ума и искусства составляютъ настоящую собственность, и что посему справедливость требуетъ, чтобы эта собственность длилась безконечно, коммиссія полагаетъ нарядить редакціонный комитетъ для написанія проекта устава о собственности литературной и артистической, съ тѣмъ, чтобы комитетъ взялъ за основаніе своей работы принципъ безсрочности **). Въ комитетъ назначены предсѣдателемъ Лебренъ, членами Лагеронъеръ, Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, Гербе, Имгаусъ и Дусэ,—и редакторомъ Дювержье.

---

jamais on n'a vu une classe de propriétaires démandant qu'on recconnut la propriété. La loi ne décide pas le droit de propriété, elle le réglemente.

*) Pour sa part il fait bon marché de ses droits d'écrivain au delà de ce qui peut assurer le bien-être à sa famille.

**) La Commission,

Considérant que les œuvres d'ésprit et de l'art constituent une véritable propriété et que, par cela même, il est juste que cette propriété se perpétue indéfinitivement,

Est d'avis,

Qu'une sous-commission soit chargée de proposer un projet de loi pour réglementer la propriété littéraire et artistique en prenant pour base de son travail le principe de la perpétuité.

Комитетъ занялся прежде всего приглашеніемъ и выслушиваніемъ экспертовъ. На зовъ его явились книгопродавцы и музыкальные издатели, члены общества литераторовъ, артисты-гравировщики и члены общества живописцевъ, скульпторовъ и рисовальщиковъ. Всѣ спеціалисты, спрошенные комитетомъ, стояли грудью за самое широкое осуществленіе принципа собственности, разсматривая предметъ большею частью съ точки зрѣнія собственнаго кармана и своихъ личныхъ интересовъ. Одинъ изъ нихъ (Goupil, Editeur des gravures) домогался, чтобы контрафакція была уподоблена просто кражѣ и преслѣдуема на томъ же основаніи. — Другой (книгопродавецъ Hachette) старался очистить писателей и артистовъ отъ дѣлаемаго имъ упрека, будто бы они, носясь на крыльяхъ чувства и фантазіи въ заоблочной странѣ мысли, не умѣютъ устраивать практически своихъ дѣлишекъ; онъ доказывалъ, что и писатели не лишены той мудрости житейской, которою одаренъ классъ собственниковъ *). Третій (литераторъ Cellier) доказывалъ серьезно, что писатели современные достаточно благовоспитаны и подготовлены къ тому, чтобы носить съ честью высокое и многоуважаемое званіе собственниковъ и цѣнить его какъ слѣдуетъ **).

---

*) Les auteurs administrent leurs biens avec autant de sagesse, que beaucoup d'autres propriétaires. En dehors de la Bohême qui ne forme qu'une exception, la partie saine et intelligente de la littérature, celle que le législateur doit avoir en vue, sait parfaitement à quoi s'en tenir sur la valeur de ses productions et ne néglige rien pour en tirer tout le parti possible.—Elle traite avec ses libraires comme le propriétaires fonciers avec leurs fermiers et si le succès de l'ouvrage grandit, le prix du bail s'accroit en proportion égale.

**) Ce qu'ils demandent, c'est d'être relevés de cette espèce d'exclusion de la loi commune, et, lorsqu'ils auront une propriété au même titre que les autres, ils sauront l'administrer et la défendre tout comme les autres. Une fois entrés dans la classe des propriétaires, admettant même qu'ils puissent y perdre sous le point de vue des interêts matériels (?), ce qui n'est pas, ils y gagneront en dignité personnelle; alors non seulement ils se défendront eux mêmes, mais encore ceux avec qui ils traiteront seront les premiers à veiller à leurs intérets. Cette éducation se fera plus tôt qu'on ne pense, et les auteurs réfléchiront plus attentivement sur ce qu'ils auront à faire pour la conservation de leur propriété, le jour où ils la verront ainsi émancipée.

Комитетъ наткнулся на слѣдующую дилемму: или проводить по всему уставу начало собственности, не отступая ни передъ какими его послѣдствіями, или стѣснить и ограничить это начало такъ, чтобы обойти и по возможности сгладить шероховатости и несообразности примѣненія къ дѣлу неподходящаго принципа. Первый способъ былъ логичнѣе, его и добивался съ большою послѣдовательностью Ножанъ-Сенъ-Лоранъ, планъ котораго отличался необыкновенною простотою: объявивъ права авторскія собственностью, не спеціализировать ее, но просто сослаться на общіе законы гражданскіе о собственности, присовокупивъ, что за истеченіемъ 30-ти лѣтъ со дня послѣдняго изданія (общій срокъ давности земской, по французскому праву), права литературной собственности прекращаются вслѣдствіе предполагаемаго оставленія этой собственности ея владѣльцами и произведеніе дѣлается достояніемъ общественнымъ. — Комитетъ предпочелъ другой способъ рѣшенія, примирительный, половинчатый. — «Мы отступили, говоритъ рапортъ комитета, передъ оппозиціею, которую бы вызвалъ радикальный проектъ, и передъ предубѣжденіями, которыя, повидимому, еще продолжаютъ господствовать въ умнѣйшихъ головахъ, даже въ средѣ высшихъ государственныхъ совѣщательныхъ собраній.» Двумя голосами противу 5-ти рѣшено предоставить владѣльцамъ литературной собственности, по истеченіи 30-ти лѣтъ со дня смерти творца-автора, довольствоваться только налогомъ пяти-процентнымъ съ продажной цѣны экземпляровъ всѣхъ будущихъ изданій. «Проектируемый законъ, говоритъ рапортъ, есть законъ переходный, умѣренный, благоразумный. Требовать нынѣ же всего, значитъ рисковать потерею всего. Надобно только усвоить и привести въ движеніе принципъ, потомъ этотъ принципъ проложитъ самъ себѣ дальнѣйшую дорогу.» Въ довершеніе своего труда, комитетъ рѣшилъ дать проектируемому закону обратное дѣйствіе и обратить въ частную литературную собственность произведенія, давно умершихъ сочинителей, сдѣлавшіяся уже достояніемъ общественнымъ, мотивируя этотъ выводъ слѣдующими соображеніями: законодатель можетъ сообщить обратное дѣйствіе закону, если за-

конъ возвращается къ истиннымъ принципамъ, отъ которыхъ уклонились было прежнія узаконенія; обратное дѣйствіе закона предосудительно, когда оно несправедливо, но законно, когда оно составляетъ возвращеніе къ справедливости.

Выработанный комитетомъ проектъ представленъ былъ въ общее собраніе комитета. Пренія начались въ январѣ 1863 года.— Въ проектѣ сдѣлано слѣдующее важное измѣненіе: 30-ти-лѣтній срокъ исключительнаго издательства оставленъ лишь для произведеній, изданныхъ правительствомъ или академіями и иными обществами учеными и артистическими (art. 17). Для произведеній частныхъ лицъ онъ продолженъ до 50 лѣтъ со дня смерти автора, по истеченіи которыхъ владѣльцы правъ собственности литературной пользуются только взимаемыми при самомъ поступленіи въ продажу 5% съ цѣны всѣхъ отпечатанныхъ экземпляровъ (art. 5). По изданію посмертному, если оно сдѣлано супругомъ автора или его наслѣдниками по закону или по завѣщанію, означенныя лица вступаютъ во всѣ права, даже личныя, автора такъ, что срокъ 50-ти-лѣтній считается съ момента ихъ кончины. По изданіямъ посмертнымъ, сдѣланнымъ иными лицами, издатели пользуются исключительнымъ правомъ издательства въ теченіе 50 лѣтъ со дня смерти автора, потомъ только пятипроцентною рентою (art. 11). При жизни автора его литературная собственность не подвергается секвестру, ни аресту, а равно и обращенію на общественную пользу (art. 8). Литературная собственность выморочная не обращается въ фискъ, но дѣлается достояніемъ общественнымъ (art. 18). Въ теченіе 5-тилѣтняго срока со дня перваго изданія авторъ пользуется исключительнымъ правомъ издавать переводы своего произведенія на иностранныхъ языкахъ (art. 20). При отчужденіи артистомъ своей статуи или картины, право на воспроизведеніе ихъ посредствомъ копій остается за авторомъ, съ тѣмъ однако, чтобы владѣльцу статуи или картины не было чинимо въ обладаніи ими никакого безпокойства (art. 9). Подъ страхомъ значительныхъ денежныхъ пеней (отъ 16 до 2,000 fr.) и потери правъ литературной собственности, вмѣнено въ обязанность автору и пріобрѣтателямъ

правъ авторскихъ на исключительное издательство, предварительно всякому новому изданію, какъ первому, такъ и послѣдующимъ, подать объ немъ объявленіе въ Парижѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ департаментахъ въ канцелярію префектуры, которая о томъ доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ обозначеніемъ числа предполагаемыхъ къ печатанію экземпляровъ (art. 21, 22 и 28). Передача правъ литературной собственности совершается посредствомъ сдѣлокъ, являемыхъ въ вышеупомянутыхъ установленіяхъ (art. 23). По истеченіи срока исключительнаго издательства сочиненія и по превращеніи правъ авторскихъ въ ренту, всякій издатель сочиненія обязанъ, подъ страхомъ такихъ же пеней, сдѣлать предварительно изданію, троекратную публикацію о немъ въ Монитёрѣ, въ Journal de la librairie и въ одной изъ газетъ департаментскихъ своего мѣста жительства (art. 26). Съ правомъ литературной собственности уравнено во всѣхъ отношеніяхъ право драматическихъ сочинителей и композиторовъ разрѣшать публичныя представленія своихъ твореній (art. 12). За контрафакцію положены слѣдующія наказанія: въ первый разъ пеня отъ 300 до 2,000 фр., во второй—пеня отъ 600 до 4,000 фр. и заключеніе въ тюрьмѣ отъ 1-го мѣсяца до 1-го года, независимо взысканія за убытки. Контрафактные предметы и орудія контрафакціи конфискуются и истребляются, если владѣлецъ собственности не потребуетъ выдачи ихъ себѣ въ счетъ слѣдующаго въ пользу его взысканія (art. 32) *). Одинаковому наказанію съ контрафакторами подвергаются укрыватели, продавцы контрафактныхъ сочиненій и лица ввозящія эти сочиненія въ предѣлы Франціи (art. 33). Предложеніе о распространеніи устава на прошедшее отвергнуто послѣ весьма жаркихъ споровъ слабымъ большинствомъ 12-ти голосовъ противу 10-ти. Старикъ Дюпенъ объявилъ, что его рука не подымется подписать нарушеніе одного изъ коренныхъ основаній права. Готье и Ожье доказывали, что новый законъ долженъ

*) Нынѣшній законъ уголовный полагалъ только пеню отъ 100 до 2,000 фр. и не грозилъ тюрьмою за повтореніе (Code pénal 1810 г. art. 427).

идти впрокъ и живымъ и мертвымъ *). Собраніе поколебалось, но сомнѣнія рѣшены были денежными разсчетами и вычисленіями книгопродавца Дидо, который доказывалъ, что 5% налога, взимаемаго впередъ съ изданія, возвысятъ издержки на 12-ть и болѣе %, что они ограничатъ или прекратятъ распродажу дешевыхъ изданій французскихъ классиковъ, изъ которыхъ Мольеръ печатается ежегодно въ количествѣ 20,000 экземпляровъ, а Расинъ въ количествѣ 25,000 экземпляровъ **), что слѣдовательно для блага литературы, для славы великихъ умершихъ авторовъ и для распространенія французской словесности за границею нельзя давать обратнаго дѣйствія уставу. Коммиссія прекратила свои засѣданія, убѣжденная въ томъ, что она сдѣлала великое дѣло, провозгласивъ принципъ вѣковѣчности правъ авторскихъ, и что всѣ образованные народы пойдутъ немедленно по стопамъ великой націи ***). Послѣднее ея засѣданіе было 20-го марта 1863 года.

До окончанія работъ коммиссіи въ Брюсселѣ появилось (1862 г.) небольшая брошюра, написанная съ необыкновеннымъ талантомъ, въ которой доказывалось сильнѣйшими и неопровержимыми, по нашему мнѣнію, доводами, что предметъ, надъ которымъ трудилась коммиссія, не существуетъ, что литературная собственность есть очевидная нелѣпость, и что установленіе ея не только не есть шагъ впередъ въ цивилизаціи и не можетъ считаться «эманципаціею мысли человѣческой» по шумному выраженію Ламартина ****), но равносильно закованію этой мысли

*) La loi nouvelle doit profiter aussi bien aux morts qu'aux vivants.

**) По этому случаю замѣтилъ Дювержье: c'est un fait littéraire de grande importance et qui témoigne que le goût français n'est pas au fond aussi détourné qu'on le suppose de la bonne et saine voie, puisqu'il va ainsi invariablement chaque année se retremper aux sources les plus pures.

***) Duvergier: en prenant l'initiative de la reconnaissance des droits des auteurs étrangers en France, l'Empereur a donné un exemple que presque toutes les nations ont suivi. Il en sera infailliblement de même à l'avenir. La perpétuité une fois admise en France ne tardera pas à l'être chez toutes les nations civilisées.

****) Въ рѣчи его въ палатѣ депутатовъ въ 1841 г.

въ кандалы. Брошюра носила заглавіе: *Majorats littéraires*, авторъ ея, Прудонъ, знаменитъ во многихъ отношеніяхъ; онъ человѣкъ желчный, угрюмый, неуживчивый; даже люди, нераздѣляющіе его мнѣній, даже враги его и противники, называющіе его софистомъ, признаютъ за нимъ громадный діалектическій талантъ и отдаютъ честь оригинальности взглядовъ этого мощнаго литературнаго бойца. Съ содержаніемъ брошюры уже познакомилъ недавно публику одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ *). Не вдаваясь въ подробности и не дѣлая изъ Прудоновой брошюры извлеченій, постараюсь въ самыхъ краткихъ словахъ изложить сущность его аргументаціи. На этотъ разъ софистъ не вооружается противу собственности, не отвергаетъ дохода съ капитала, не трогаетъ и ренты, но онъ утверждаетъ, что съ какой стороны ни подходить къ произведеніямъ литературы и искусства, никакимъ образомъ нельзя изъ нихъ вывести права литературной собственности. Творчество въ литературѣ и искусствѣ подчиняется точно также экономическимъ законамъ всякаго вообще производства, какъ выдѣлка холста или сукна; въ немъ участвуютъ точно тѣ же производители: силы природы, капиталъ и трудъ. Авторъ почерпаетъ содержаніе сочиненія изъ фонда обращающихся въ общежитіи понятій, идеаловъ, образовъ, мотивовъ; этотъ фондъ и соотвѣтствуетъ тому, что́ экономія политическая называетъ силами природы; пособіями ему служатъ работы, изслѣдованія, произведенія его предшественниковъ; это то́ же, что́ капиталъ. Трудомъ своимъ авторъ сообщаетъ новую форму обрабатываемому имъ матеріалу, соотвѣтствующую требованіямъ вѣка. Въ результатѣ выходитъ произведеніе, которое составляетъ въ полномъ смыслѣ слова, собственность труженика, но собственность не литературную, а точно такую, какъ хлѣбъ или ленъ, которые собраны съ поля земледѣльцемъ, или дичь, которую застрѣлилъ охотникъ. Всякое произведеніе или потребляется самимъ производителемъ, или обмѣнивается. Пока авторъ хранитъ сочиненіе для себя, не пуская

*) Ю. Жуковскій въ «Современникѣ» за октябрь 1863 г.

его въ продажу, до тѣхъ поръ онъ властенъ дѣлать съ нимъ что́ угодно, сжечь его или подарить читать друзьямъ, или самому имъ наслаждаться, и всякое другими лицами, помимо воли его, пользованіе этимъ сочиненіемъ (напр. списываніе съ него копій) будетъ посягательствомъ на собственность автора. Но авторъ отпечаталъ произведеніе и пустилъ его въ продажу. По общему неизбѣжному закону всякой мѣны, съ сего момента, этотъ своего рода товаръ перестаетъ существовать для производителя и дѣлается собственностью покупателя. Авторъ далъ покупщику экземпляръ, получилъ въ замѣнъ деньги, — они квиты. Пущенный въ обращеніе товаръ становится съ того самаго момента достояніемъ общественнымъ. Всякій пріобрѣтатель одного изъ экземпляровъ властенъ сдѣлать съ нимъ что̀ угодно, переписать его или истребить и даже перепечатать, черезъ что́ онъ ни чьихъ правъ собственности не нарушаетъ. Но такъ какъ всякое изданіе, съ коммерческой точки зрѣнія, есть дѣло рискованное, такъ какъ авторское званіе требуетъ долговременной подготовки, такъ какъ трудъ автора тяжелъ и не вознаграждается достаточно распродажею перваго изданія, такъ какъ наконецъ авторъ не могъ бы воспользоваться выгодами съ этого перваго изданія, еслибы всякій былъ въ правѣ дѣлать автору подрывъ, перепечатывая и пуская въ продажу по болѣе дешевой цѣнѣ то же самое произведеніе, то по всѣмъ симъ соображеніямъ справедливость требуетъ, чтобы въ этомъ спеціальномъ случаѣ производителю предоставлена была спеціальная гарантія относительно выручки эквивалента за свой трудъ. Пуская въ публичную продажу свой товаръ, авторъ имѣетъ дѣло не съ тѣмъ, или другимъ продавцомъ, но вообще съ публикою. Между нимъ и публикою или обществомъ возникаетъ родъ подразумѣваемаго договора, въ силу котораго, въ замѣнъ за услугу, оказанную авторомъ опубликованіемъ сочиненія, общество даетъ ему извѣстный срокъ на выручку своей рабочей платы распродажею экземпляровъ своего произведенія. Испоконъ вѣка торговля исполнена несправедливости, она давала поводъ къ ажіотажу, была одною изъ формъ корыстованія чужимъ трудомъ. Мѣна литера-

турныхъ произведеній требуетъ особаго рода гарантій противъ этого корыстованія, которыя и даются ей. Назовите эту гарантію привилегіей, монополіей — изъ-за словъ не стоитъ спорить. Предоставьте автору эту монополію на 10, 20, 30 лѣтъ, или по жизнь его; такъ какъ у него могутъ быть жена, дѣти, которыхъ существованія онъ, можетъ быть, не обезпечилъ умирая, то продолжите эту монополію на нѣкоторое время по смерти автора въ пользу его родныхъ; о числѣ лѣтъ не будемъ торговаться. Такое преимущество, предоставленное автору, вполнѣ справедливо, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, устраняетъ всѣ возраженія, воздастъ должное всѣмъ интересамъ, но оно ничего не имѣетъ общаго съ собственностью. Изъ законовъ мѣны никакъ нельзя вывести права на безсрочную ренту съ мѣняемаго произведенія.

Могутъ возразить, что объясненіе правъ авторскихъ мѣною грѣшитъ въ своемъ основаніи, что пущеніе въ оборотъ произведенія науки или искусства есть явленіе, подчиняющееся условіямъ не мѣны, но кредита. Такое произведеніе есть капиталъ, и притомъ капиталъ постоянный, непотребляемый производствомъ; между авторомъ и публикою происходитъ не мѣна, но отдача въ наемъ; доходъ, которымъ пользуется авторъ, есть плата за наемъ. — На это возраженіе отвѣтъ готовъ: произведенія ума старѣются очень скоро, сравнить ихъ съ постоянными капиталами нельзя; лѣтъ черезъ нѣсколько форма, которая дана была авторомъ идеямъ, обветшала, износилась, остался только фондъ, сама идея, но этотъ фондъ никому не принадлежитъ въ собственность. Если сравнивать произведенія ума съ капиталами, то развѣ съ капиталами оборотными, потребляемыми при новомъ производствѣ. Оборотные капиталы приносятъ доходъ, называемый процентами. Нельзя ли подвести правъ авторскихъ подъ форму ссуды въ займы? — Но кредитъ есть не что иное, какъ одна изъ формъ мѣны. Въ настоящемъ случаѣ отношеніе между авторомъ и публикою есть нѣчто въ родѣ купли — продажи съ разсрочкою платежа покупной суммы. Всякій заемъ погашается возвратомъ капитала съ процентами. Всякой куплѣ — продажѣ

конецъ со взносомъ послѣдняго платежа. Требовать бо́льшаго, домогаться непрерывныхъ платежей, значитъ торговать нечестно, брать больше, чѣмъ въ тридорога за свой товаръ, значитъ становиться внѣ законовъ мѣны и кредита, значитъ быть хуже ростовщика, потому что и лихва имѣетъ свой конецъ, значитъ закрѣпостить все общество, всю публику въ пользу нѣсколькихъ талантливыхъ писателей и неталантливаго ихъ потомства.— Прудонъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ мысль о возможности такого закрѣпощенія.

Авторъ не можетъ претендовать на непрерывный доходъ, ни какъ работникъ, ни какъ капиталистъ. Единственный способъ пріискать основаніе для непрерывнаго дохода заключается въ томъ, чтобы подвести доходъ, извлекаемый авторомъ изъ своего произведенія, подъ понятіе ренты, а литераторовъ уподобить собственникамъ-землевладѣльцамъ. Одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго производства — силы природы, заключающіяся прежде всего въ условіяхъ почвы, въ землѣ. Почва ограничена, ее и раздѣлили когда-то съ незапамятныхъ временъ люди, положивъ тѣмъ основаніе поземельной собственности. До сихъ поръ вопросъ о логическомъ выводѣ этого понятія собственности споренъ: одни производятъ ее изъ завладѣнія, другіе изъ закона положительнаго, третьи изъ труда, но въ сущности это фактъ, предшествовавшій всякой исторіи и существовавшій гораздо ранѣе того, чѣмъ въ голову пришло кому нибудь его осмысливать. Для всякой собственности необходимъ извѣстный фондъ реальный, нужный для производства, отъ пользованія которымъ владѣлецъ его можетъ устранить другія лица. Такого фонда у литераторовъ пока нѣтъ, но есть фондъ идеальный, заключающійся въ общей суммѣ знаній, идей, представленій, обращающихся въ общежитіи. Этотъ фондъ идеальный считался до сихъ поръ достояніемъ общественнымъ, никому въ частности не принадлежащимъ. Если бы можно было его присвоить и раздѣлить, провести по этой идеальной области точно такіе же межники, сдѣлать нарѣзы, прорыть рвы и поставить такіе же знаки, какіе устанавливаются землемѣрами, то вопросъ о

литературной собственности былъ бы рѣшенъ и литературная рента получила бы незыблемое основаніе. Такъ какъ въ наукѣ и искусствѣ форма неразрывно связана съ самою идеею, то предоставленіемъ автору права собственности на воспроизведеніе этой формы, вы предоставите ему въ собственность самую идею, что приведетъ въ концѣ концовъ къ слѣдующему результату. Изобрѣлъ кто нибудь новую науку, сгруппировавъ извѣстный рядъ явленій, которыхъ связи никто до сихъ поръ не замѣчалъ; заслуга его, конечно, велика, и даетъ право назвать его отцомъ науки, хотя очень вѣроятно, что еслибы не онъ, то ее современемъ открыли бы второй, третій, десятый. По праву собственности онъ въ этой наукѣ хозяинъ, никто не смѣй ее разрабатывать. Изобрѣлъ кто нибудь новый методъ изслѣдованій—никто не смѣй имъ пользоваться. Живописецъ написалъ картину — никто не смѣй передавать ея основныя мысли, даже перомъ или карандашемъ. Актеръ представилъ въ роли извѣстный типъ— никто не смѣй ему подражать. Вслѣдъ за перепечатываніемъ подвергнутся отвѣтственности и взысканію заимствованія всевозможныхъ видовъ и размѣровъ; всѣ они пойдутъ понятіе *plagiata*. Всякому автору будетъ предоставлено печатать только свое, только оригинальное, а такъ какъ оригинальныхъ писателей весьма мало, а огромное большинство литераторовъ занимается только пережевываніемъ чужаго, перефразированіемъ заимствованнаго, то можно себѣ представить, какой гвалтъ подымется, когда всякій сочинитель или артистъ станетъ искать со всѣхъ тѣхъ подражателей, коментаторовъ, переводчиковъ, которые пользовались его трудами. Вслѣдъ за литературою пойдетъ промышленность, — привилегіи на изобрѣтенія превратятся изъ срочныхъ въ безсрочныя, обременяя трудъ огромными налогами. Однимъ словомъ, воскреснетъ и утвердится въ области мысли средневѣковой порядокъ, и странствующій по этой области долженъ будетъ останавливаться и платить мыто у каждой заставы, на каждомъ мосту и перевозѣ. Учрежденіе литературной собственности нисколько не улучшитъ общественнаго положенія литераторовъ или артистовъ, потому что по смерти авто-

ровъ, она будетъ переходить въ руки потомковъ ихъ, чуждыхъ литературѣ, паразитовъ, и въ руки спекулянтовъ-книгопродавцевъ. Съ точки зрѣнія правительственной, это учрежденіе представило бы двоякаго рода удобства: во-первыхъ, на собственность литературную, какъ и на всякую иную, могли бы быть налагаемы подати; во-вторыхъ, облегчено было бы значительно полицейское наблюденіе за очищенною литературою, явилась бы возможность подмѣчать господствующія направленія, и во-время имъ противодѣйствовать, но зато эта инфеодація мысли человѣческой подрѣзала бы творчество народное въ самомъ его корнѣ, замедлила бы вѣками развитіе человѣчества и завела бы насъ въ Египетъ, въ край мумій, іероглифовъ и сфинксовъ, повторяющій въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій въ искусствѣ одни и тѣ же типы, одни и тѣ же мотивы.

Этими соображеніями заканчиваетъ Прудонъ свою полемическую брошюру, направленную противу работъ французской коммиссіи по вопросу о собственности литературной и артистической. Опасность, на которую онъ указываетъ, весьма далека; притомъ неизвѣстно, намѣрено ли правительство поставить на своемъ, и скоро ли оно предложитъ на обсужденіе законодательному собранію и сенату изготовленный коммиссіею проектъ устава съ предполагаемою въ немъ безсрочною рентою, въ пользу потомства авторовъ. Замѣтимъ, что, опровергая побѣдоносно фикцію юридическую, на которой построено понятіе собственности литературной, Прудонъ самъ не можетъ освободиться отъ фикцій и основываетъ свое объясненіе правъ авторскихъ на небываломъ, подразумѣваемомъ контрактѣ, который будто бы заключается между авторомъ и публикою, относительно предоставленія автору срочно исключительнаго права на извлеченіе матеріяльныхъ выгодъ изъ своего произведенія. Такой, какъ бы контрактъ не можетъ выдержать серьезной критики, да и нужды въ немъ нѣтъ никакой; этотъ фиктивный какъ бы контрактъ есть только искусственный пріемъ для подведенія правъ авторскихъ подъ одну изъ двухъ категорій, на которыя цивилисты привыкли дѣлить права гражданскія. То, что́ нѣмцы называютъ Verlags-

recht, англичане copy-right, а французы propriété littéraire et artistique, есть въ сущности право имущественное. Всѣ имущественныя права раздѣлены римскими юристами на права вещныя и права по обязательствамъ, — но право авторское не подходитъ ни подъ ту, ни подъ другую рамку. Съ правами вещными оно сходится въ томъ отношеніи, что оно есть право безусловное, защищаемое противу всѣхъ и каждаго, кто бы вздумалъ его нарушить. Съ этой стороны оно никакимъ образомъ не можетъ быть пріурочено къ правамъ обязательственнымъ. Но право авторское не можетъ считаться правомъ вещнымъ, потому что право вещное должно имѣть предметомъ своимъ извѣстную вещь, а не дѣйствія другихъ лицъ; такой же вещи въ томъ, что называется литературною собственностью, нѣтъ *). Цивилисты поставлены были въ затруднительное положеніе. Пришлось признать авторское право явленіемъ, не подходящимъ подъ общеупотребительныя формы, изъятіемъ изъ общихъ законовъ оборота имуществъ. Этого никакъ не хотѣли допустить многіе сочинители; потому что наше время вообще не благопріятствуетъ развитію всякаго рода изъятій изъ общаго закона и привилегій; они силились доказать, что ихъ право никакъ не можетъ считаться привилегіею и выставляли его, какъ особеннаго рода идеальную собственность. «Собственность или привилегія, говоритъ Эдуардъ Лабулэ, вотъ дилемма, которую надобно рѣшить; если право авторское собственность, то нѣтъ предѣловъ его расширенію; если оно привилегія, то благоразумно ограничивать его» **). Точно въ такомъ же смыслѣ выразился Жюль Симонъ на брюссельскомъ конгрессѣ въ 1858 году ***): «знаете ли причину, почему мы домогаемся безсрочности? мы домогаемся ея по чувству чести. Мнѣ больно было слышать, будто бы обще-

*) См. Berthauld—De la nature du droit des auteurs sur leurs œuvres, въ майской книжкѣ «Revue de la législ. et de jurispr.» за 1863 г.

**) Etudes sur la propriété littéraire, p. XXII.

***) Le congrès de la propr. lit. et artis. tenu à Bruxelles, par Victor Foucher. 1858.

ство обязано давать литераторамъ что-то въ родѣ подаянія (голоса: никто этого не говорилъ). Если не было произнесено слово подаяніе, то было произнесено другое слово: привилегія. Господа! я предпочитаю подаяніе привилегіи, потому что подаяніе я могу взять, но привилегіи никогда.» Сочинителямъ нечего оскорбляться пустяками. Амбиція ихъ можетъ оставаться въ покоѣ. Не всякая привилегія по существу своему ненавистна; есть привилегіи справедливыя, основательныя, противу которыхъ никто не вооружается, таковы, напримѣръ, привилегіи на изобрѣтенія. Право авторское однородно по существу и назначенію съ привилегіею на изобрѣтеніе; они родные братья, члены одной семьи. Право авторское и выросло на нашихъ почти глазахъ изъ привилегіи, жалуемой каждому сочинителю порознь, по милости правительства; разница только та, что право изобрѣтателя въ промышленности и до сихъ поръ является только въ видѣ привилегіи частной, между тѣмъ какъ авторское право превратилось, посредствомъ обобщенія, въ особенное право, принадлежащее безъ спеціальнаго пожалованія со стороны правительства цѣлому классу производителей на поприщѣ литературы и искусства. Въ заключеніе настоящей статьи постараюсь представить краткій очеркъ русскаго законодательства о правахъ авторскихъ, которое становится важнѣе съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, чѣмъ бо́льшіе успѣхи дѣлаютъ у насъ литература и искусство. Постановленія русскаго законодательства подлежатъ разбору съ трехъ сторонъ: гражданской, уголовной и судопроизводственной.

§ 3.

Русское законодательство о правахъ авторскихъ.

Статья 1.

Гражданская сторона авторскаго права.

А. *Существо авторскаго права.* По примѣру законодательства французскаго, права авторскія на произведенія литературы и искусствъ носятъ наименованіе собственности литературной, худо-

жественной или музыкальной (2 прим. къ 420 ст. 1 ч. X т. свода зак. гражд.) *). Они отнесены къ разряду имуществъ благопріобрѣтенныхъ (ст. 282 т. XIV уст. ценз.). Право авторское на произведенія литературы ограничивается исключительнымъ издательствомъ этихъ произведеній (ст. 282: исключительное право пользоваться изданіемъ и продажею книги). Авторы книгъ ученыхъ, требовавшихъ особыхъ изысканій, пользуются особою льготою: исключительнымъ правомъ издавать и разрѣшать переводы этихъ сочиненій на иностранные языки (ст. 302 ценз. уст.). Собственность художественная опредѣляется ст. 321 ценз. уст., какъ исключительное право повторять, издавать или размножать оригинальное произведеніе всѣми возможными способами, тому или другому искусству свойственными. Право авторское на музыкальныя произведенія еще обширнѣе и совмѣщаетъ въ себѣ: а) исключительное право на печатаніе и продажу этихъ произведеній (ст. 347 ценз. уст.) и b) право разрѣшать публичное исполненіе этихъ произведеній. Ораторіи и оперы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть играемы предъ публикою безъ разрѣшенія автора; другія произведенія музыкальныя не могутъ быть играемы публично до изданія ихъ въ свѣтъ или послѣ изданія, если на печатныхъ экземплярахъ авторъ объявилъ, что онъ не допускаетъ публичнаго разыгрыванія ихъ (ст. 349 уст. ценз.). Особой драматической собственности уставъ цензурный не признаетъ, но она установлена 2276 статьею уложенія о наказаніяхъ (по изд. 1857 г.), запрещающею подъ страхомъ наказанія представлять драматическое произведеніе въ публичномъ собраніи.

B. *Субъектами* права авторскаго могутъ быть лица, какъ физическія, такъ и юридическія, какъ-то: общества художественныя и ученыя, академіи, университеты (ст. 308, 331 ценз. уст.). Законъ не дѣлаетъ различія относительно произведеній литера-

*) Въ трактатахъ съ Франціею, 25 марта 1861 года, и съ Бельгіею, 18 іюля 1862 года, употреблены выраженія: право собственности или авторства (droit de propriété ou d'auteur).

турныхъ и художественныхъ между русскими подданными и иностранцами; онъ защищаетъ, не смотря на національность автора, всякое произведеніе автора, изданное въ Россіи (ст. 297 ценз. уст.), и всякое произведеніе художественное, предъявленное опредѣленнымъ порядкомъ надлежащими властями въ Россіи (ст. 322 ценз. уст.), а равно литературныя и художественныя произведенія, изданныя въ тѣхъ государствахъ, съ которыми Россія заключила конвенціи о литературной и художественной собственности (такіе трактаты заключены до сихъ поръ съ двумя державами: Франціею въ 1861 г. и Бельгіею въ 1862 г.). Относительно музыкальной собственности законодательство русское придерживается иныхъ началъ и обращаетъ вниманіе на національность сочинителей. Оно охраняетъ отъ контрафакціи всякое произведеніе композитора русскаго или даже иностраннаго, пребывающаго въ Россіи, пока онъ пребываетъ въ Россіи, хотя бы это произведеніе издано было за границею (ст. 354 ценз. уст.). Такое различіе между собственностями литературною или художественною съ одной, и музыкальною съ другой стороны, не можетъ быть логически осмыслено и основывается только на томъ, что положеніе 1828 г. о правахъ сочинителей усвоило себѣ одно начало, а положеніе 1845 г. о музыкальной собственности — другое начало. Едва ли заслуживаетъ одобренія принципъ національности, введенный для опредѣленія авторскихъ правъ композиторовъ, потому что онъ крайне усложняетъ и запутываетъ вопросъ, ставя его въ зависимость отъ такихъ обстоятельствъ и условій, которыя съ трудомъ могутъ быть доказаны. При рѣшеніи дѣлъ о собственности литературной и художественной спрашивается только объ одномъ: гдѣ издано произведеніе? Если оно издано въ Россіи или въ государствѣ, съ которымъ Россія условилась относительно взаимной защиты правъ авторскихъ на это произведеніе, ничего больше и не требуется. Напротивъ того, при рѣшеніи дѣлъ о собственности музыкальной, требуется предварительно опредѣлить: a) издано ли музыкальное произведеніе и гдѣ именно? b) кто композиторъ его: русскій или иностранецъ? c) если иностранецъ, то находился ли онъ въ Россіи или

нѣтъ въ моментъ, когда совершилась контрафакція его произведенія?

С. Относительно *объектовъ* авторскаго права законодательство русское подраздѣляетъ ихъ на произведенія наукъ и словесности, произведенія художественныя и произведенія музыкальныя. Можно бы спорить противъ этой терминологіи, доказывая во-первыхъ, что къ художественной собственности слѣдуетъ отнести и музыкальныя композиціи и беллетрическія произведенія словесности; во-вторыхъ, что анатомическіе рисунки, географическія карты и т. под. ни въ какомъ случаѣ художественными произведеніями называемы быть не могутъ. Впрочемъ, споръ подобный былъ бы только изъ-за словъ; это трехчленное дѣленіе основывается не на преобладаніи въ его членахъ той или другой творческой собственности ума человѣческаго, критики или фантазіи, но на способахъ передачи и воплощенія мысли. Мысль эта или выражается словомъ устнымъ, письменнымъ или печатнымъ (словесность), или изображеніемъ (искусства пластическія), или звукомъ (музыка). Право авторское обусловливается слѣдующими качествами произведенія: a) оно должно принадлежать къ области литературы и искусства, выходя изъ ряда простыхъ издѣлій фабричныхъ и ремесленныхъ; b) оно должно представлять цѣнность мѣновую, не предназначенную, еще до его обнародованія, для безмезднаго пользованія общественнаго; c) по содержанію своему произведеніе должно являться плодомъ творчества литературнаго или артистическаго со стороны автора; d) по внѣшности своей произведеніе должно представляться чѣмъ-то сдѣланнымъ, законченнымъ, способнымъ къ воспроизведенію и къ коммерческому пользованію имъ въ этомъ самомъ видѣ непосредственно. Разсмотримъ каждое изъ этихъ четырехъ условій.

a) Весьма легко провести предѣльную черту между словесностью и музыкальными композиціями съ одной, и издѣліями промышленности технической съ другой стороны. Цѣль первыхъ — распространеніе знаній или эстетическое наслажденіе; цѣль вторыхъ — удовлетвореніе извѣстнымъ матеріальнымъ потребностямъ человѣка. Впрочемъ, даже и въ словесности есть

родъ произведеній, относительно которыхъ немыслима авторская монополія, потому что они не подходятъ ни подъ науку, ни подъ искусство, и вслѣдствіе того, не могутъ быть охраняемы отъ перепечатыванія закономъ; таковы тѣ объявленія, которыя наполняютъ послѣднія страницы газетъ и журналовъ и составляютъ содержаніе «Полицейскихъ Вѣдомостей», приглашенія на похороны, на торги, программы празднествъ, афишки театральныя, репертуаръ спектаклей и т. п. Гораздо труднѣе отдѣлить издѣлія ремесленныя и фабричныя отъ произведеній искусствъ пластическихъ. Мебель, посуда, одежда не могутъ быть предметами авторскаго права. Точно то же можно сказать и о всѣхъ произведеніяхъ архитекруры. Строеніе служитъ прежде всего для извѣстнаго матеріальнаго употребленія, украшенія же составляютъ въ немъ дѣло второстепенное. Съ успѣхами образованности искусство проникаетъ въ промышленность, въ быть домашній и старается дать изящную форму скромнѣйшимъ орудіямъ домашняго обихода. Законодательство не должно препятствовать этому явленію. Ст. 336 цензурнаго устава допускаетъ всевозможныя заимствованія фигуръ и орнаментовъ (почему же и не цѣлыхъ картинъ?) для мануфактурныхъ и ремесленныхъ издѣлій. Ст. 384 допускаетъ сниманіе плановъ, фасадовъ и деталей съ выстроенныхъ уже зданій (а слѣдовательно и возведеніе въ натурѣ по этимъ копіямъ зданій, точь-въ-точь похожихъ на выстроенныя), и запрещаетъ только возведеніе зданій по чужимъ архитектоническимъ рисункамъ, безъ разрѣшенія автора рисунковъ. Облагороженная художествомъ утварь становится чѣмъ-то среднимъ между искусствомъ и промышленностью, такъ что часто не знаешь, куда отнести застольную серебряную чашу, камею, рѣзной мраморный каминъ, севрскій фарфоръ или, напримѣръ, трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости. Всѣ подобнаго рода сомнѣнія могутъ быть рѣшены не закономъ, который не способенъ предрѣшить ихъ a priori, но академіею художествъ, утверждающею за авторомъ права художественной собственности (ст. 322 ценз. уст.), судьями при пособіи экспертовъ. Учебники и трактаты спеціально юридическіе совѣтуютъ, при рѣ-

шеніи спорныхъ этого рода вопросовъ, отдѣлять мысленно изображеніе отъ того общеупотребительнаго предмета, который представляется его носителемъ или вмѣстилищемъ и признаютъ права авторскія на одно только изображеніе, а не на формы предмета, которыми это произведеніе украшено. Если нельзя выдѣлить мысленно изображеніе изъ предмета, то о правахъ авторскихъ не можетъ быть и рѣчи *).

b) Нѣкоторыя произведенія словесности и искусства не допускаютъ никакого коммерческаго пользованія ихъ со стороны авторовъ, потому что эти произведенія предназначены для пользованія общественнаго, даровaго, безмезднаго. Таковы надгробныя надписи, публичные монументы, памятники, статуи; таковы въ особенности законы, постановленія и распоряженія правительственныя, международные трактаты, судебные приговоры и всѣ вообще акты и дѣловыя бумаги; сюда же слѣдовало бы отнести и все то, что помѣщается въ офиціальной части журналовъ и газетъ, издаваемыхъ отъ правительства разными министерствами и управленіями. Новые законы перепечатываются у насъ свободно газетами и журналами, хотя при изданіи отдѣльными книгами и брошюрами собраній законовъ практика нашихъ цензурныхъ комитетовъ требуетъ предварительнаго разрѣшенія отъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, но подобный обычай не можетъ быть основанъ ни на одной статьѣ закона положительнаго **).

Законъ, дополненный комментаріями, нотами, объясненіями автора становится литературною собственностью комментатора въ той части изданія, которая прибавлена къ тексту комментаторомъ и составляетъ плодъ его обработки. Такимъ образомъ, если бы частное лице предприняло изданіе котораго-нибудь тома свода законовъ, со включеніемъ въ текстъ его добавокъ, содержащихся

---

*) *Wächter*, Verlagsrecht, S. 136; ***E. Blanc,*** Traité de la contrefaçon. 1855, p. 308—311.

**) Въ Москвѣ издается съ 1863 г. частными лицами сборникъ новыхъ законовъ и распоряженій правительства.

въ продолженіяхъ и съ выпускомъ статей, отмѣненныхъ послѣдующими узаконеніями, то подобное изданіе должно быть защищаемо отъ контрафакціи, потому что оно превратилось посредствомъ обработки изъ собственности общественной въ частную собственность издателя (подобное изданіе I ч. X т. Св. Зак. 1842 г. сдѣлано было у насъ въ прежнее время Усовымъ). Можетъ ли быть предметомъ авторскаго права официальный отчетъ, рапортъ, донесеніе должностнаго лица? Обнародованію подобнаго рода трудовъ могутъ помѣшать соображенія политики, требующія соблюденія тайны о извѣстнаго рода дѣлахъ. Если въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ препятствій и трудъ можетъ быть преданъ гласности, то право издательства принадлежитъ прежде всего правительству, у котораго авторъ донесенія, рапорта, отчета состоитъ на жалованьѣ, или которое собираетъ отъ знатоковъ-экспертовъ ихъ мнѣнія и соображенія, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ мнѣній приличное по своему усмотрѣнію употребленіе. Если правительство, отпечатавъ трудъ, пустило его въ продажу, то этимъ самымъ оно устранило всякую возможность авторской монополіи въ отношеніи къ труду, который можетъ быть съ тѣхъ поръ перепечатываемъ, какъ авторомъ, такъ и посторонними лицами. Если правительство не отпечатало трудъ официальный или хотя и отпечатало, но не пустило его въ продажу и ограничилось сообщеніемъ его нѣкоторымъ лицамъ, пользующимся его довѣріемъ и вниманіемъ *), вслѣдствіе чего трудъ этотъ не былъ пущенъ въ коммерческій оборотъ и не можетъ считаться обнародованнымъ, то авторъ труда охраняетъ всѣ права авторскія на свое произведеніе, можетъ издать его самъ и можетъ на общемъ основаніи воспретить всякому перепечатываніе этого произведенія. Можетъ ли быть предметомъ авторскаго права рѣчь публичная, сказанная въ парламентѣ, академіи, судѣ, церкви, университетѣ? Законъ нашъ признаетъ полное право авторское

*) Напр. тѣ собранія мнѣній знатоковъ о проектахъ судебной реформы, которыя составлялись и печатались съ 1859 г. до настоящаго времени въ типографіи II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

на всѣ подобныя публичныя рѣчи. Ст. 279 ценз. уст. запрещаетъ безусловно печатаніе какой бы то ни было рѣчи, произнесенной или читанной публично. Замѣтимъ, что цензурный уставъ писался въ то время, когда и судъ производился не гласно, и всѣ отправленія жизни общественной совершались канцелярскимъ порядкомъ. Съ тѣхъ поръ произошли важныя перемѣны въ общественномъ быту, которыя потребуютъ, конечно, спецификаціи рѣчей въ цензурномъ уставѣ относительно права на воспроизведеніе ихъ. Что касается до лекцій публичныхъ и проповѣдей, то онѣ не возбуждаютъ никакого сомнѣнія и спора; исключительное право автора на изданіе ихъ въ свѣтъ признано повсемѣстно. До прочтенія лекція составляла полную собственность автора, которой онъ могъ дать то или другое назначеніе. Если онъ ее прочелъ публично, то значитъ, что онъ хотѣлъ, чтобы его слушали и усвоили ея содержаніе, но это не значитъ еще, чтобы онъ дозволилъ всякому изъ слушателей издать ее въ свѣтъ. Гласность, которую онъ сообщилъ лекціи публичнымъ прочтеніемъ ея, меньше той, которую бы лекція получила, если бы онъ ее напечаталъ; если по изданіи труда за авторомъ остается право изданія во 2-й, въ 3-й и т. д. разъ, то тѣмъ болѣе послѣ простаго прочтенія лекціи. Большая часть лекцій составляется на-скоро, и имѣетъ всѣ недостатки спѣшной, срочной работы; авторъ можетъ не желать появленія ихъ въ свѣтъ въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онѣ читались, дабы не уронить своей ученой репутаціи. Наконецъ, предоставленіе всякому печатать чужія лекціи публичныя, уменьшило бы значительно число публичныхъ лекцій, даже оплачиваемыхъ слушателями, въ особенности же безплатныхъ. Безплатныя лекціи читались бы только лицами, не нуждающимися ни въ какомъ вознагражденіи за свой трудъ; плата за входъ на лекціи оплачиваемыя, повысилась бы, потому что читающій разсчитывалъ бы на эту плату, какъ на единственное свое вознагражденіе. Хотя лекція публичная или проповѣдь въ цѣломъ ея составѣ не можетъ быть печатаема помимо воли автора, но она составляетъ все-таки фактъ въ жизни общественной и подлежитъ обсужденію и оцѣнкѣ со

стороны прессы. Журналистъ можетъ ее критиковать, передавать ея содержаніе своими словами и даже дѣлать изъ нея заимствованія въ границахъ, допускаемыхъ для заимствованій закономъ. Перейдемъ къ рѣчамъ адвокатскимъ и къ преніямъ въ законодательныхъ и всякихъ вообще публичныхъ собраніяхъ. Здѣсь авторское право ограничивается требованіями общественнаго блага, принципомъ безусловной и полнѣйшей гласности судебныхъ и иныхъ засѣданій. Въ залѣ суда или въ палатѣ законодательной публики помѣщается немного; иногда и это небольшое пространство, отведенное для публики, остается пустымъ; но во время засѣданія работаютъ три или четыре стенографа, и на другой день всѣ узнаютъ посредствомъ газетъ о томъ, что происходило въ палатѣ или въ судѣ, какъ будто бы они сами тамъ присутствовали. Принципъ гласности засѣданій судебныхъ и законодательныхъ не уничтожаетъ однако авторскаго права; онъ требуетъ, чтобы всякій, кто хочетъ, могъ сообщить о ходѣ преній и совѣщаній въ засѣданіи публичномъ цѣликомъ in extenso или въ сокращеніи. Этимъ и удовлетворяется гласность; всякое другое употребленіе рѣчей адвокатскихъ или иныхъ, выходящихъ за черту требованій гласности и не оправдываемое цѣлью гласности засѣданій публичныхъ, должно считаться нарушеніемъ авторскаго права (напр., если бы кто извлекъ изъ отчета засѣданія одну только рѣчь какого-нибудь оратора и издалъ ее особо, или если бы кто составилъ собраніе рѣчей извѣстнаго оратора, произнесенныхъ имъ въ разныя времена по одному или по разнымъ вопросамъ).

Произведеніе способно по своей коммерческой цѣнности быть предметомъ авторскаго права, хотя бы оно первоначально и не предназначалось вовсе для изданія въ свѣтъ, то-есть хотя бы мысль о пущеніи его въ оборотъ литературный явилась гораздо позже его составленія. Частная и иная бумага составляетъ точно такую же авторскую собственность сочинителя, какъ и всякая другая рукопись, и тотъ, для кого она писана или въ чьихъ рукахъ она находится, не можетъ по ст. 294 ценз. уст. опубликовать ее безъ согласія на то сочинителя или, если онъ умеръ,

безъ согласія его наслѣдниковъ. Точно то же самое начало примѣняется и ко всякаго рода частной перепискѣ. Есть обширныя сочиненія, которыя пишутся въ формѣ посланій; о подобныхъ сочиненіяхъ не можетъ быть и спора; въ нихъ эпистолярна только внѣшняя ихъ оболочка, а не содержаніе. Я здѣсь разумѣю письма частныя не на заданную себѣ авторомъ тему, безъ всякой задней мысли объ опубликованіи ихъ въ послѣдствіи. Подобныя письма вообще не занимательны для публики, но если бы оказалось, что они могутъ быть интересными по личнымъ свойствамъ писавшаго ихъ, или по литературному таланту его, или почему-либо иному, то писавшему ихъ принадлежитъ исключительное право на издательство этихъ писемъ. Впрочемъ, такъ какъ эти письма часто касаются самыхъ интимныхъ отношеній между переписывавшимися лицами, ихъ дѣлъ домашнихъ, семейныхъ, которыхъ раскрытіе можетъ быть и нежелательно тому, къ кому письмо адресовано, то посему ст. 293 ц. у. требуетъ для изданія ихъ въ свѣтъ совокупнаго согласія какъ писавшаго письма, такъ и того, къ кому они адресованы или, послѣ смерти этихъ лицъ, согласія ихъ наслѣдниковъ.

c) Предметомъ права авторскаго можетъ быть не простой снимокъ съ натуры, но плодъ творческой дѣятельности автора литературной или артистической; произведеніе защищается отъ контрафакціи только тогда, когда оно носитъ на себѣ печать индивидуальности автора, его ума, его фантазіи. Впрочемъ, это вопросъ спорный, который нигдѣ еще не рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, но который пріобрѣтаетъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе. На этомъ основаніи не долженъ бы пользоваться защитою закона гипсовый снимокъ съ чьего-нибудь черепа или лица, спорно даже, можетъ ли считаться художественною собственностью чья-нибудь фотографическая карточка. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что фотографическія изображенія должны быть разсматриваемы какъ предметы авторскаго права, когда снятое съ натуры свѣтописное изображеніе докончено и усовершенствовано фотографщиковъ, такъ что оно послужило только за матеріалъ для дальнѣйшей обработки. Исключеніе изъ общаго

правила составляютъ народныя пѣсни, пословицы, сказки, повѣсти, сохранившіяся однимъ устнымъ преданіемъ, а также древнія рукописи. По 285 ст. ц. у., первый издатель означенныхъ чужихъ, но никому въ частности не принадлежащихъ произведеній, хотя бы самъ ничего отъ себя не прибавилъ, пользуется въ отношеніи къ нимъ правомъ авторскимъ. Законодатель очевидно хотѣлъ пріохотить къ труду собирателей народныхъ пѣсень и повѣстей, а также археологовъ, уравнивъ ихъ трудъ, хотя и не самостоятельный, съ трудомъ авторскимъ, и предоставилъ имъ монополію пользованія открытымъ ими источникомъ. Само собою разумѣется, что приведенная нами статья 285 не можетъ препятствовать никому въ обнародованіи тѣхъ же пѣсень, сказокъ и т. п., заимствованныхъ изъ инаго источника, и облеченныхъ въ иную форму разсказа. Относительно древнихъ рукописей въ ст. 285 сказано прямо: что̀, однакожъ, не препятствуетъ другимъ издавать тѣ же лѣтописи или другіе древніе манускрипты, съ полнѣйшаго, вѣрнѣйшаго или, почему-либо иному, отличнаго списка.

Отъ произведенія нельзя требовать, чтобы оно было вполнѣ оригинальное; судить объ оригинальности не можетъ судъ; это дѣло критики. Требуется только, чтобы произведеніе не было простымъ воспроизведеніемъ чужаго, то есть, чтобы авторъ, даже и пользуясь чужими произведеніями въ смыслѣ матеріаловъ, вложилъ въ свое твореніе нѣчто собственное, хотя бы это собственное заключалось въ группировкѣ заимствованныхъ матеріаловъ, въ системѣ ихъ расположенія. Съ этой точки зрѣнія, правами авторскими пользуются и переводчикъ сочиненія на иной языкъ относительно своего перевода (что не препятствуетъ однако другимъ лицамъ дѣлать новые переводы того же сочиненія, ст. 282 ц. у.), и копистъ по отношенію къ копіи, (если она не контрафактная), а также составитель альманаха, сборника (ст. 291), христоматіи, или иной учебной книги, составленной изъ статей или отрывковъ изъ другихъ сочиненій (ст. 298), составитель словаря, географической карты, таблицы логариѳмовъ, таблицы исторической, указателя, или книги, со-

стоящей изъ однихъ цифръ или собственныхъ именъ (ст. 301 ц. у.) (напр. адресъ-календаря). Подъ понятіе сборниковъ, представляющихъ собою самостоятельные предметы авторскаго права, подходятъ всевозможныя сочетанія прозы, стиховъ, музыки и рисунковъ, напр. стихотвореніе иллюстрированное или текстъ, переложенный на музыку.

Наконецъ, предметами авторскаго права являются журналы, повременныя изданія, газеты. Разберемъ составные элементы этихъ произведеній. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе названіе журнала, его фирма, титулъ. Само по себѣ это названіе, равно какъ и заглавіе книги или вымышленное имя автора, которымъ онъ замаскировалъ свою личность, не составляютъ еще самостоятельнаго литературнаго изданія; они не больше, какъ клеймо или мѣтка, отличающая произведеніе отъ другихъ произведеній того же рода, какъ способъ удостовѣренія въ дѣйствительности существованія произведенія. Названіе изданія составляетъ принадлежность редактора, и притомъ принадлежность гораздо болѣе полную и исключительную, нежели такъ-называемая литературная собственность, потому что оно не ограничивается никакимъ срокомъ и продолжается непрерывно въ безконечность, не дѣлаясь никогда достояніемъ общественнымъ. Въ изданіе входятъ труды различныхъ авторовъ по разнымъ вопросамъ, соединенные единствомъ цѣли, направленія, обширныя статьи и легкія корреспонденціи, разныя извѣстія, не имѣющія никакой литературной цѣнности, и потому даже и не могущія претендовать на то, чтобы ихъ считали литературною собственностью, и матеріалы, не лишенные литературной обработки, которыхъ воспроизведеніе редакторъ можетъ воспретить всякому, если заимствованія выйдутъ за предѣлы, установленные закономъ для заимствованій. Наконецъ, въ цѣломъ его составѣ изданіе есть продуктъ, способный служить предметомъ авторскаго права (ст. 291 ц. у.), хотя бы ни одна изъ статей, содержащихся въ немъ, не могла служить, порознь взятая, предметомъ авторскаго права (напр. газета, состоящая изъ однихъ только объявленій или афишекъ).

d) Внѣшняя отдѣлка произведенія должна быть доведена до такой степени закопченности, чтобы въ томъ самомъ видѣ непосредственно оно уже годилось для литературнаго или артистическаго оборота. Объяснимъ эту мысль примѣромъ. Два великіе писателя ведутъ живой и интересный разговоръ; ихъ подслушало третье лице, списало этотъ разговоръ и издало его; оно не нарушило правъ авторскихъ разговаривавшихъ лицъ, потому что разговоръ въ первоначальномъ своемъ видѣ не годится для печати, его передача требуетъ извѣстной литературной обработки, вслѣдствіе которой разговоръ превратился бы въ литературное произведеніе разсказчика. Возьмемъ другой примѣръ. Музыкантъ сыгралъ свою новую композицію, поэтъ прочелъ свой новый сонетъ или балладу; одаренный хорошею памятью слушатель списалъ тотчасъ заслышанное и издалъ въ свѣтъ; такое опубликованіе будетъ нарушеніемъ авторскаго права. Механическій способъ сообщенія произведенія посторонпимъ лицамъ не имѣетъ никакого вліянія на права автора; эти права автора защищаются одинаково, существуетъ ли произведеніе въ устномъ лишь преданіи или на письмѣ, въ изображеніи, въ печати, или въ видѣ телеграфической депеши. Само по себѣ и телеграммы не могутъ быть безусловно исключены изъ области авторскаго права, потому что, хотя обыкновенно онѣ употребляются для передачи простыхъ извѣстій, не имѣющихъ никакого литературнаго достоинства, и потому не защищаемыхъ отъ контрафакцій, но ничто не препятствуетъ сообщенію по телеграфу корреспонденцій болѣе обширныхъ и цѣнныхъ въ литературномъ отношеніи; можно, пожалуй, по телеграфу передать цѣлую поэму.

То обстоятельство, что авторъ издалъ произведеніе подъ своимъ именемъ или подъ псевдонимомъ, или пустилъ его безъимянно, не оказываетъ никакого вліянія на его право авторское.

D. Теперь разсмотримъ, какъ права авторскія возникаютъ, какъ они переходятъ по наслѣдству и отчуждаются, наконецъ, какъ они погасаютъ и прекращаются.

Права авторскія возникаютъ или посредствомъ изданія авторомъ произведенія литературнаго или художественнаго, или посредствомъ открытія кѣмъ-либо и обнародованія произведеній, никому въ частности не принадлежавшихъ, но не бывшихъ въ литературномъ и артистическомъ оборотѣ, какъ-то: народныхъ пѣсень, сказокъ, повѣстей, древнихъ рукописей. Первоначальное въ авторѣ право авторское становится производнымъ въ тѣхъ лицахъ, которымъ оно досталось отъ первоначальнаго владѣльца. Это различіе авторскаго права по способу его пріобрѣтенія субъектомъ имѣетъ важное значеніе по своимъ послѣдствіямъ, въ примѣненіи, напримѣръ, къ изданіямъ посмертнымъ. Монополія сочинителя на изданіе его произведеній продолжается, по 283 ст. ц. у., не долѣе 50 лѣтъ со дня его смерти, послѣ чего, по 295 ст. ц. у., книга становится собственностью публики. Положимъ, что наслѣдники умершаго позаботились издать въ свѣтъ его сочиненія до истеченія 50-лѣтняго срока со дня его смерти; право ихъ на эти сочиненія только производное; по 284 ст. ц. у. срокъ его опредѣляется днемъ изданія сочиненій и продолжается съ этого момента 50 лѣтъ. Но если наслѣдники не воспользовались своимъ правомъ производнымъ, пропустили срокъ, и по истеченіи онаго посторонній издатель сдѣлалъ посмертное изданіе сочиненій автора, то изъ факта изданія этихъ сочиненій, бывшихъ уже достояніемъ общественнымъ, но недоступнымъ пользованію, рождается для издателя право авторское первоначальное, котораго срокъ не 50 лѣтъ со дня изданія, но 50 лѣтъ со дня смерти самого издателя. Такое изданіе можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ уподоблено изданію древней рукописи, о которой говоритъ ст. 285 ц. у. Принадлежность авторскаго права извѣстному лицу не представляетъ затрудненія, когда авторъ былъ одинъ, но вопросъ запутывается, когда въ изданіи одного и того же произведенія участвовало нѣсколько лицъ. Такъ какъ законъ нашъ не предвидѣлъ этихъ случаевъ, то установить главныя основанія для разрѣшенія сомнѣній приходится наукѣ и судебной практикѣ. Если въ изданіи произведенія одно лице является главнымъ дѣятелемъ, другія второсте-

ценными, то авторское право принадлежитъ главному, хотя бы трудъ пособниковъ былъ весьма значителенъ и требовалъ особеннаго умѣнья и таланта (напр. скульпторъ поручаетъ ученикамъ своимъ отдѣлку аксессуаровъ своей статуи по составленному имъ рисунку). Что касается до отношеній, раждающихся изъ заказа, то, по закону русскому, заказчикъ ни въ какомъ случаѣ не пользуется правомъ авторскимъ первоначальнымъ, а можетъ имѣть только право производное, переданное ему авторомъ, хотя бы онъ далъ автору и идею сочиненія, и планъ его, и всѣ матеріалы для работы. Если изданіе состоитъ изъ частей, составленныхъ разными лицами и соединенныхъ въ одно, то оно даетъ начало двоякому авторскому праву: каждаго сочинителя на составленную имъ часть и редактора этого сборника, альманаха, журнала на цѣлое изданіе, которое онъ можетъ сколько разъ хочетъ перепечатывать на осн. 291 ст. ц. у., въ той же самой формѣ. Въ случаѣ спора о собственности между нѣсколькими основателями одного и того же изданія или журнала, изъ которыхъ одинъ, напримѣръ, далъ деньги на изданіе, другой завѣдываетъ редакторскою частью, и т. д., споръ этотъ рѣшается на практикѣ въ пользу того лица, на чье имя дано было разрѣшеніе на это изданіе отъ цензурныхъ властей. Если произведеніе есть плодъ авторской дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, между которыми нѣтъ второстепенныхъ, но всѣ они главныя, то монополія авторская на произведеніе принадлежитъ всѣмъ этимъ лицамъ, вмѣстѣ взятымъ, на правѣ *общаго владѣнія* (ст. 543—556 ч. 1 т. X св. зак. граж.) въ разныхъ частяхъ, если можно опредѣлить количественно степень участія каждаго сотрудника (напр. по числу листовъ), или въ равныхъ частяхъ, если участіе каждаго сотрудника въ общемъ дѣлѣ ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія. Лица юридическія, академіи, университеты и т. п., въ отношеніи къ своимъ изданіямъ пользуются не первоначальнымъ, но только производнымъ правомъ авторскимъ, перешедшимъ къ нимъ отъ настоящаго автора.

Право авторское, какъ всякое имущественное право, переходитъ по смерти владѣльца къ его наслѣдникамъ по духовному

завѣщанію или по закону (ст. 283 ц. у.) на общемъ основаніи. При жизни владѣльца оно можетъ быть у него въ извѣстныхъ случаяхъ отнято въ силу самаго закона или по распоряженію правительства, или уступлено имъ другимъ лицамъ. Владѣлецъ авторскаго права лишается этого права или при лишеніи всѣхъ правъ состоянія, или за долги на удовлетвореніе кредиторовъ, или при обращеніи его произведенія на общественную пользу по распоряженію правительства съ выдачею ему приличнаго за то вознагражденія. Въ послѣднемъ случаѣ законъ дѣлаетъ различіе между произведеніями словесности и произведеніями искусствъ пластическихъ (о музыкальныхъ не говорится ни слова; вѣроятно, они уподобляются произведеніямъ литературнымъ). По 330 ст. ц. у., картины, статуи и другія изящныя произведенія могутъ быть проданы съ публичнаго торга на уплату долговъ художника, при чемъ однако къ покупщику не переходитъ право художественной собственности. Но произведенія литературныя, пока они принадлежатъ лицу, пользующемуся правомъ авторскимъ первоначальнымъ, или его наслѣдникамъ по закону, не подлежатъ продажѣ съ публичнаго торга (286 ст. ц. у.); они подвергаются этой продажѣ только тогда, когда перешли въ руки третьяго лица, по завѣщанію, или посредствомъ уступки. Въ случаѣ, если продается за деньги и по конкурсу имущество книгопродавца и издателя, а въ томъ числѣ и рукописи (или книги), которыя онъ обязался издать, то право на изданіе этой рукописи (или книги) переходитъ къ покупщику подъ условіемъ исполненія всѣхъ обязательствъ, взятыхъ на себя по этому предмету прежнимъ хозяиномъ рукописи (или книги) (ст. 286 ц. у.). Объ обращеніи произведенія на пользованіе общественное скажемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ будемъ разбирать вопросъ о прекращеніи авторскаго права.

Право авторское можетъ быть отчуждаемо всѣми, закономъ допускаемыми, способами отчужденія, напр. отреченіемъ владѣльца авторскаго права отъ своей монополіи, заявленнымъ публично въ газетахъ или инымъ образомъ, или передачею права другому лицу безмездно въ формѣ даренія, возмездно въ

формѣ мѣны, купли — продажи и т. д. Всѣ возможные виды отчужденія права авторскаго по договору могутъ быть подведены подъ два главные случая: а) когда авторское право уступается владѣльцемъ этого права другому лицу въ цѣломъ его объемѣ, или б) когда владѣлецъ авторскаго права уступастъ другому лицу не самое право, но пользованіе имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Разсмотримъ оба случая порознь.

1-*й случай:* Отчужденіе авторскаго права въ цѣломъ его объемѣ. Здѣсь надобно дѣлать различіе между произведеніями словесности и музыки съ одной и произведеніями искусствъ пластическихъ съ другой стороны. Въ перваго рода произведеніяхъ рукопись, какъ оригиналъ, только и важна потому, что служитъ средствомъ для размноженія произведенія автора въ безпредѣльномъ почти числѣ экземпляровъ; въ произведеніяхъ втораго рода оригиналъ имѣетъ высокую мѣновую цѣнность самъ по себѣ, независимо отъ того, будетъ ли онъ воспроизводимъ посредствомъ копій, снимковъ, гравюръ, фотографій. Всѣ сдѣлки, имѣющія предметомъ рукопись, касаются обыкновенно авторскаго права на эту рукопись; законъ требуетъ (ст. 288 и 325 ц. у.), чтобы всѣ подобныя сдѣлки между сочинителями и издателями облекаемы были въ письменную форму, писались на простой гербовой бумагѣ и совершались явочнымъ порядкомъ. Въ области искусствъ пластическихъ купля-продажа произведенія художественнаго совершается какъ и купля-продажа всякой другой движимости, словесно, при чемъ можетъ возникнуть сомнѣніе, продалъ ли художникъ вмѣстѣ съ произведеніемъ свое авторское на него право или оставилъ это право за собою. Въ пользу перваго изъ этихъ предположеній, котораго придерживается большая часть современныхъ законодательствъ, можно привести то соображеніе, что продавъ свое произведеніе безъ всякихъ оговорокъ въ чужія руки, художникъ не можетъ потомъ тревожить покупщика въ спокойномъ обладаніи пріобрѣтенною симъ послѣднимъ собственностью, слѣдовательно покупщикъ властенъ не допустить его снять копію или фотографію съ купленной имъ картины или статуи. Наше

законодательство рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Оно, во-первыхъ, различаетъ произведенія, сдѣланныя по заказу отъ сдѣланныхъ не по заказу (ст. 326 и 327 ц. у.). Если произведеніе сдѣлано по заказу, то будь закащикъ правительство или частное лице, право авторское становится уже исключительнымъ достояніемъ закащика послѣ уплаты художнику денегъ за работу. Цѣль сего постановленія вѣроятно та, чтобы избавить правительство отъ всякихъ споровъ съ художникомъ относительно сниманія копій съ произведенія, и чтобы предохранить частныя лица отъ выпуска въ свѣтъ портретовъ и семейныхъ картинъ, которыя бы означенныя лица не хотѣли видѣть въ обращеніи. Если произведеніе сдѣлано не по заказу, то вопросъ о переходѣ авторскаго права отъ художника къ покупщику рѣшается различно, смотря по личнымъ качествамъ покупщика. Если покупщикъ частное лице, то онъ не пріобрѣтаетъ правъ авторскихъ на произведеніе покупкою произведенія; если же покупщикъ правительство, то авторское право пріобрѣтается имъ вмѣстѣ съ произведеніемъ на основаніи 326 ст. ц. у., и произведеніе считается полнымъ достояніемъ тѣхъ храмовъ божіихъ, дворцовъ, музеевъ, казенныхъ мѣстъ и вѣдомствъ, для которыхъ оно куплено. Художникъ не только не въ правѣ снимать оттиски или списывать произведеніе съ оригинала, послѣ оговоренной или подразумѣваемой уступки, сдѣланной имъ въ пользу другаго лица, но онъ не въ правѣ и повторить это произведеніе съ памяти или съ оставшихся у него эскизовъ (ст. 328 ц. у.), за исключеніемъ только случая, когда онъ предпринялъ изданіе всѣхъ своихъ твореній въ совокупности. Въ полномъ изданіи своихъ твореній онъ можетъ помѣстить даже написанные имъ портреты или семейныя картины, не испрашивая разрѣшенія на то закащиковъ.

2-й случай: Уступка пользованія правомъ авторскимъ другому лицу совершается посредствомъ разныхъ сдѣлокъ, изъ которыхъ въ германской юриспруденціи выработалось обстоятельно ученіе о такъ называемомъ договорѣ объ изданіи (Verlagsvertrag), который не подходитъ ни подъ одну изъ формъ договорныхъ, заимствованныхъ изъ римскаго права, и состоитъ въ томъ, что

одна сторона уступаетъ другой право на изданіе сочиненія, а другая беретъ на себя обязанность издать его въ свѣтъ. Нашъ законъ требуетъ въ 285 ст. ц. у., чтобы всѣ подобныя сдѣлки совершались письменно явочнымъ порядкомъ; но этотъ законъ идетъ въ разрѣзъ съ практикою и обычаемъ: тысячи сдѣлокъ возникаютъ между сочинителями и переводчиками съ одной, а издателями-типографщиками, книгопродавцами или журналистами съ другой стороны, не облекаясь въ письменную форму, на словахъ, сообразно установившимся въ книгопродавческой и литературной промышленности обычнымъ нормамъ, по которымъ и рѣшаются раждающіеся сомнѣнія и споры. Само собою разумѣется (ст. 1539 1 ч. X т. св. зак.), что эти нормы употребляются, когда спорный вопросъ не предусмотрѣнъ и не предопредѣленъ заключеннымъ между сторонами договоромъ. Въ ст. 303 ц. у. говорится по этому поводу слѣдующее: всѣ ограниченія (литературной собственности), постановленныя въ предшедшихъ статьяхъ, уничтожаются письменнымъ позволеніемъ законнаго издателя, или инымъ добровольно заключенными условіями. Не вдаваясь въ подробный разборъ нормъ обычая, употребляемыхъ при изъясненіи по намѣренію и доброй совѣсти сомнительныхъ пунктовъ договора объ изданіи, укажемъ только на нѣкоторыя, болѣе рельефныя или чаще другихъ примѣняемыя.

Положимъ, что договоръ не опредѣлилъ ни числа изданій, уступаемыхъ авторомъ издателю, ни количества экземпляровъ каждаго изданія. Коль скоро не выражено въ договорѣ, что авторъ уступаетъ свое право издателю въ цѣломъ его объемѣ, то слѣдуетъ предполагать, что онъ предоставилъ издателю сдѣлать одно только изданіе, тѣмъ болѣе, что при выпускѣ въ свѣтъ сочиненія еще неизвѣстно, будетъ ли оно имѣть успѣхъ или нѣтъ, а слѣдовательно придется ли приступить къ новому изданію или нѣтъ. Въ практикѣ книгопродавческой считается общимъ правиломъ, что послѣ отпечатанія изданія въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ, сообразномъ ожидаемому сбыту, уничтожается самая форма, служившая для оттисковъ (въ книгопеча-

танія наборъ), и только послѣ успѣшной распродажи оттиснутыхъ экземпляровъ приступается къ новому изданію по новому набору. Издатель, имѣющій право на одно только изданіе, не въ правѣ стереотипировать наборъ или оставить наборъ, по которому сдѣлано изданіе неразобраннымъ, съ тѣмъ, чтобы получать по этому набору новые оттиски впослѣдствіи и пускать ихъ по мѣрѣ надобности въ продажу, потому что такимъ образомъ вышло бы, что издатель пользуется, въ ущербъ автору, полнымъ правомъ литературной собственности. Но съ другой стороны, если въ договорѣ объ одномъ изданіи не обозначено число экземпляровъ, которое издатель можетъ оттиснуть, то издатель властенъ оттиснуть какое ему угодно количество экземпляровъ по одному и тому же набору, потому что по 1539 ст. 1 ч. X т. св. зак. граж. сила договора изъясняется въ пользу того, кто обязался что либо исполнить, и что отъ противной ему стороны (т. е. автора) зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ бо́льшею точностью.

Уступивъ издателю право на изданіе, авторъ чрезъ то самое обязался воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, которыя могли бы мѣшать издателю въ пользованіи уступленнымъ ему правомъ. Онъ обязанъ не дѣлать издателю подрыва въ сбытѣ экземпляровъ изданія посредствомъ выпуска въ свѣтъ новаго изданія, конкуррирующаго съ прежнимъ. Это ограниченіе авторскаго права договоромъ объ изданіи сочиненія должно бы продолжаться до тѣхъ только поръ, пока издатель не выручитъ сполна своей прибыли распродажею всѣхъ экземпляровъ, изданія. На этомъ основаніи надлежало бы полагать, что авторъ властенъ сдѣлать новое изданіе сочиненія, коль скоро или у издателя нѣтъ для продажи цѣльныхъ экземпляровъ, или авторъ можетъ доказать, что издатель могъ бы распродать всѣ экземпляры изданія, но не захотѣлъ этого сдѣлать (напр., что къ нему обращались покупщики съ требованіями на сочиненіе, но онъ имъ отказалъ, желая сберечь остатокъ въ запасѣ, съ тѣмъ, чтобы продавать потомъ эти остаточные экземпляры по высшей цѣнѣ, какъ библіографическую рѣдкость). Если изданіе прежнее

не распродано, то автору слѣдовало бы дозволить напечатаніе новаго изданія подъ условіемъ, что онъ предварительно выкупитъ всѣ остающіеся отъ продажи экземпляры у издателя по той цѣнѣ, по которой они были пущены въ оборотъ. Вмѣсто такого простаго рѣшенія вопроса, законъ нашъ прибѣгаетъ къ другому, основанному на предположеніи, на фикціи, что всякое изданіе расходится приблизительно въ теченіе пяти лѣтъ. По 287 ст. ц. у., если между сочинителемъ и издателемъ не было никакого уговора о новомъ изданіи, сочинитель можетъ сдѣлать новое изданіе книги, по прошествіи пяти лѣтъ со дня выдачи изъ цензуры позволительнаго билета на выпускъ въ свѣтъ прежняго изданія. Это постановленіе не имѣетъ твердаго основанія, потому что предположеніе, на которомъ оно построено, чисто произвольное, и что безъ всякой причины публика можетъ быть лишена возможности въ теченіе значительнаго времени имѣть новое изданіе разошедшагося быстро сочиненія, изданіе, которое появленіемъ своимъ ни чьихъ бы интересовъ не нарушило, никому бы ущерба не причинило.

Можетъ ли договоръ, заключенный между авторомъ и издателемъ, помѣшать обнародованію авторомъ новаго, дополненнаго и усовершенствованнаго изданія того же сочиненія? Наука идетъ впередъ, къ фактамъ, прежде извѣстнымъ, прибавляются новые факты, мысленный кругозоръ автора расширяется, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ скорѣе замѣчаетъ онъ пропуски и недостатки въ своемъ прежнемъ произведеніи. Такъ какъ несравненно легче дополнить и усовершенствовать уже имѣющееся, нежели писать новое сочиненіе по тому же предмету, то для общества желательно, чтобы усовершенствованныхъ, исправленныхъ изданій появилось побольше. Общество непосредственно заинтересовано въ этомъ вопросѣ и можетъ не допускать никакихъ договорныхъ стѣсненій авторской производительности; слѣдовательно, если бы авторъ заключилъ съ издателемъ условіе, по которому бы онъ обязался не дѣлать никакихъ поправокъ въ будущихъ изданіяхъ своего сочиненія, то такое условіе, какъ направленное ко вреду общества, надлежало бы считать недѣйствитель-

нымъ. Такой смыслъ, повидимому, имѣетъ ст. 289 ц. у., въ которой сказано, что сочинитель, *не смотря* ни на какія условія, можетъ дѣлать новыя, измѣненныя и дополненныя изданія своего сочиненія. Но предположимъ, что подобное стѣсненіе автора, по отношенію къ усовершенствованію своего произведенія не было условлено въ договорѣ объ изданіи, что объ исправленномъ новомъ изданіи не было въ этомъ договорѣ и рѣчи. Въ такомъ случаѣ, хотя несомнѣнно, что авторъ имѣетъ полное право обнародовать, когда хочетъ, усовершенствованное изданіе, однако, нельзя не признать, что въ то же самое время авторъ обязанъ не дѣлать подрыва прежнему изданію, уступленному имъ издателю. Слѣдовательно, можно бы положить, что если договоръ заключенъ на одно только изданіе, то авторъ обязанъ, предварительно новому усовершенствованному изданію, выкупить всѣ не распроданные издателемъ экземпляры прежняго изданія; если же договоръ заключенъ на нѣсколько изданій, то авторъ обязанъ предложить свои поправки издателю и можетъ пустить въ ходъ новое изданіе съ поправками только въ такомъ случаѣ, если издатель откажется его печатать. Нашъ законъ пошелъ инымъ путемъ и старается посредствомъ количественныхъ нормъ согласить права автора на усовершенствованіе своего произведенія съ правами издателя на сбытъ прежняго изданія. Авторъ въ правѣ во всякое время, по ст. 289 ц. у., сдѣлать новое усовершенствованное изданіе, если въ сочиненіи перемѣнены или прибавлены, по крайней мѣрѣ, двѣ трети или, если книгѣ дана совершенно другая форма, такъ что она можетъ быть почитаема за новое сочиненіе.

Перейдемъ къ сборникамъ и повременнымъ изданіямъ. Покупая статью отъ автора, редакторъ журнала или сборника пріобрѣлъ право напечатать ее на страницахъ журнала, но не отдѣльною монографіею. Издавъ ее разъ, онъ можетъ ее перепечатывать вторично только въ такомъ случаѣ, если ему придется по какимъ нибудь причинамъ перепечатывать свой журналъ или сборникъ въ цѣломъ его составѣ. Съ другой стороны, авторъ, уступившій свою статью для помѣщенія въ журналѣ или сбор-

никѣ, не лишенъ права сдѣлать изъ этой статьи иное еще употребленіе, лишь бы только онъ не сдѣлалъ этимъ подрыва журналу или сборнику, слѣдовательно, онъ можетъ издать въ свѣтъ эту статью отдѣльною монографіею или помѣстить ее въ полномъ изданіи своихъ сочиненій. Въ ст. 292 ц. у. прямо сказано: помѣщеніемъ сочиненія въ журналѣ или иномъ собраніи сочинитель не лишается права напечатать оное особо. Ст. 311 ц. у. присовокупляетъ: напечатаніе произведенія въ трудахъ какого-либо ученаго общества не лишаетъ сочинителя или наслѣдниковъ его права напечатать оное самимъ, если сіе не противно уставу общества или же данному сочинителемъ особому обѣщанію. Со стороны автора было бы недобросовѣстно и незаконно, еслибы онъ издалъ свою статью отдѣльною монографіею, еще до появленія въ журналѣ статьи, уступленной журналу, или если бы онъ продалъ свою статью въ два конкуррирующіе одинъ съ другимъ журнала. Впрочемъ, законъ нашъ не обращаетъ вниманія на то, что собраніе собранію рознь, и что есть изданія энциклопедическія, объемистыя, многотомныя, въ которыхъ каждая составная часть образуетъ самостоятельное цѣлое и можетъ быть продаваема отдѣльно издателемъ (напр. составилось, положимъ, общество для изданія всемірной исторіи по методу этнографическому, одинъ изъ сотрудниковъ написалъ исторію Рима, другой Франціи, третій Италіи и т. д.); если бы авторъ отдѣльной части въ такомъ собраніи хотѣлъ издать ее особо, то этимъ онъ причинилъ бы весьма существенный подрывъ успѣху цѣлаго собранія.

Авторъ обязанъ доставить издателю произведеніе, имъ самимъ обработанное, въ такомъ видѣ, въ какомъ оно годится для печати. Издатель можетъ требовать, чтобы рукопись была четкая, въ противномъ случаѣ онъ можетъ забраковать ее и домогаться новаго списка. Въ случаѣ неисполненія авторомъ принятыхъ на себя обязательствъ, издатель можетъ требовать отъ него вознагражденія; при опредѣленіи количества этого вознагражденія, должна быть принимаема за основаніе чистая прибыль, которой могъ ожидать издатель отъ несостоявшагося изданія.

Съ другой стороны издатель обязанъ приступить къ печатанію не медля послѣ полученія оригинала и, отпечатавъ, пустить его въ продажу. Изъ факта договора еще никакъ не слѣдуетъ обязанность уплаты издателемъ автору гонорара, потому что есть авторы-диллетанты, которые не только не берутъ денегъ за трудъ свой, но еще приплачиваютъ на изданіе изъ собственнаго кармана. Если авторъ не условился съ издателемъ относительно гонорара, то гонораръ долженъ быть взысканъ съ издателя въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: a) если издатель самъ заказалъ автору извѣстную работу; b) если авторъ по ремеслу своему литераторъ или художникъ, получающій деньги за трудъ, о чемъ издателю было извѣстно при заключеніи договора. Въ случаѣ спора о высотѣ гонорара, количество гонорара должно быть опредѣляемо судомъ. Обыкновенно оно разсчитывается по числу печатныхъ листовъ.

Остается опредѣлить причины, уничтожающія права авторскія на произведеніе. Монополія авторская погасаетъ: 1) вслѣдствіе отказа владѣльца авторскаго права отъ этого права въ пользу общества; 2) посредствомъ экспропріаціи или обращенія произведенія, составляющаго собственность литературную или художественную, въ пользу общественную; 3) вслѣдствіе истеченія срока, установленнаго закономъ для монополіи авторской.

Правомъ отказаться отъ авторской монополіи въ пользу публики пользуется только тотъ, кому эта монополія принадлежитъ въ полномъ ея объемѣ; слѣдовательно, самъ авторъ и его наслѣдники или, наконецъ, посторонній издатель, получившій право на всѣ послѣдующія изданія извѣстнаго сочиненія, но имъ не пользуется издатель, имѣющій право на одно лишь изданіе или на опредѣленное число изданій, потому что отказомъ отъ своего производнаго и ограниченнаго участія въ чужой монополіи онъ нанесъ ущербъ тому, кѣмъ былъ допущенъ къ этому участію. Отказъ полнаго владѣльца авторскаго права отъ этого права можетъ быть или явный, положительный, напр. посредствомъ опубликованія въ газетахъ о томъ, что всякому предоставляется перепечатывать сочиненіе, или подразумѣваемый, отрицательный,

посредствомъ такихъ дѣйствій, изъ коихъ слѣдуетъ заключить, что авторъ не намѣренъ пользоваться своею монополіею. Изъ того, что авторъ раздаетъ экземпляры безмездно, еще никакъ нельзя заключить, что онъ отказался отъ своей монополіи, потому что, даже раздавъ даромъ цѣлое изданіе, онъ можетъ быть разсчитываетъ на то, что изъ послѣдующихъ изданій онъ выручитъ матеріальное вознагражденіе за трудъ свой, пуская ихъ въ продажу. Но если авторъ выбросилъ на улицу единственный списокъ сочиненія, имъ написаннаго, то подобное дѣйствіе заставляетъ предполагать, что онъ отрекается отъ всякой мысли воспользоваться этимъ сочиненіемъ, какъ своею литературною собственностью. Отказа отъ собственности литературной или артистической не слѣдуетъ смѣшивать съ отказомъ отъ иска противъ контрафакторовъ. Не преслѣдуя перваго, втораго, третьяго контрафактора, авторъ не лишается еще права начать искъ противъ четвертаго и десятаго. Искъ о контрафакціи погашается давностью; но, не смотря на то, что вслѣдствіе давности контрафакторъ освободился и отъ гражданскихъ, и отъ уголовныхъ послѣдствій своего преступленія, авторскія права на произведеніе продолжаютъ существовать въ полной своей силѣ. Относительно уничтоженія монополіи авторской, по распоряженію правительства въ видахъ пользы общественной, хотя объ этомъ случаѣ законъ не упоминаетъ, хотя и на практикѣ онъ доселѣ не встрѣчался, но онъ возможенъ, и къ нему должны быть прилагаемы правила, изложенныя въ ст. 575—608, ч. 1, т. X св. зак. гр. о вознагражденіи за имущества частныя, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства. Экспропріація весьма удобоприменяема къ литературной собственности, чему можетъ служить доказательствомъ законъ англійскій 1-го іюля 1842 года (5 и 6 Vict., c. 45 sec. 5), котораго постановленія заслуживаютъ подражанія со стороны другихъ законодательствъ. Сущность этого узаконенія заключается въ слѣдующемъ: принято на видъ, что наслѣдники умершаго автора могутъ ко вреду публики лишить ее, въ теченіе почти полувѣка, возможности пользоваться его сочиненіями, если они не станутъ ихъ печа-

тать или по нерадѣнію къ своимъ собственнымъ интересамъ или по несочувствію къ его идеямъ. Посему постановлено, что если изданіе извѣстнаго сочиненія распродано, наслѣдники же умершаго автора не хотятъ ни сдѣлать новаго изданія, ни разрѣшить сдѣлать новое изданіе третьему лицу, то всякій желающій можетъ обратиться съ жалобою на то въ судебный комитетъ государственнаго совѣта, который и дозволяетъ жалующемуся, подъ извѣстными условіями, предпринять новое изданіе.

Право авторское, по существу своему срочное, погасаетъ съ истеченіемъ закономъ установленнаго срока, послѣ котораго оно теряетъ печать исключительности, такъ что, съ тѣхъ поръ, соучастникомъ этого права является вся публика, и всякій можетъ по желанію печатать, издавать и продавать произведеніе, сдѣлавшееся собственностью общественною (ст. 295 ц. у.). При опредѣленіи момента, до котораго продолжается авторская монополія, можно взять за исходную точку, съ которой считается срокъ ея существованія, или день смерти автора, или день выхода въ свѣтъ произведенія. Первый изъ этихъ способовъ преобладаетъ въ законодательствахъ современныхъ, второй употребляется въ видѣ исключенія, когда первый способъ непримѣнимъ. Первый способъ поддерживается нижеслѣдующими доводами. Ближайшее право пользоваться плодами трудовъ своихъ имѣетъ, конечно, самъ авторъ; прожить онъ можетъ долго; справедливость требуетъ, чтобы онъ былъ обезпеченъ, въ особенности, на старости лѣтъ, когда умъ отказывается работать, когда силы слабѣютъ, когда дрожаніе дряхлой руки отражается въ новыхъ произведеніяхъ, вслѣдствіе чего они уже меньше цѣнятся обществомъ. Итакъ, защиту правъ авторскихъ со стороны закона слѣдуетъ продолжить во всякомъ случаѣ по смерть автора. Но этого мало. Такъ какъ жизнь всякаго подвержена случайностямъ, то съ трудомъ найдется издатель, который бы предложилъ порядочный гонораръ автору, или который бы рѣшился отпечатать сочиненіе въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, зная, что случись смерть автора, онъ останется въ страшнѣйшемъ убыткѣ. Гонораръ этотъ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ слабѣе здоровьемъ и

чѣмъ старѣе авторъ, слѣдовательно, чѣмъ больше онъ нуждается въ обезпеченіи. Притомъ бываютъ случаи, что авторъ умираетъ, совершивъ какой нибудь многолѣтній литературный или артистическій подвигъ, но не успѣвъ изъ него извлечь никакой для себя выгоды матеріальной, и оставляя жену и дѣтей безъ всякихъ средствъ существованія. Руководствуясь этими соображеніями, всѣ современныя законодательства отодвинули предѣльный срокъ авторской монополіи за моментъ смерти автора. Самый обыкновенный срокъ тридцатилѣтній; онъ положенъ всѣми законодательствами: нѣмецкими, французскимъ, итальянскимъ, бельгійскимъ, датскимъ, португальскимъ. Въ законодательствѣ русскомъ замѣтно стремленіе къ постепенному увеличенію сроковъ. Положеніе о правахъ сочинителей, 22-го апрѣля 1822 г., положило весьма умѣренный срокъ 25-лѣтній (§ 7). Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей присовокуплено, что если въ теченіе послѣдняго пятилѣтія до истеченія этого 25-ти-лѣтняго срока владѣлецъ авторскаго права сдѣлалъ новое изданіе произведенія, то право сіе остается еще въ его пользу на 10 лѣтъ сверхъ 25-лѣтняго срока (§ 3). Наконецъ, въ 1857 г. 15-го апрѣля, послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ назначенъ срокъ самый продолжительный изъ тѣхъ, какіе извѣстны въ современныхъ законодательствахъ, удвоенный противъ прежняго — пятидесятилѣтній *), но безъ всякихъ уже новыхъ продолженій, обусловленныхъ изданіемъ вновь сочиненія въ послѣднее пятилѣтіе. Разсчетъ одинаковъ къ кому бы ни перешли права авторскія, принадлежатъ ли они наслѣдникамъ по закону, по завѣщанію, или постороннимъ пріобрѣтателямъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ. Таковы постановленія, нынѣ обязательныя для русскихъ произведеній. Въ своихъ трактатахъ съ Франціею 1861 г. (art. 4) и Бельгіею 1862 г. (art. 4) правительство рус-

*) Въ то время имѣлись въ виду права авторскія наслѣдниковъ Карамзина и Пушкина, которымъ приближался ихъ конечный срокъ.

ское, распространяя и на французскія, и на бельгійскія произведенія защиту закона отъ контрафакціи и другихъ преступленій противу правъ авторскихъ, уставило болѣе короткіе сроки, и притомъ сроки разные для разныхъ субъектовъ. На основаніи этихъ трактатовъ, право литературной или художественной собственности французовъ и бельгійцевъ въ Россійской имперіи продолжается для авторовъ всю жизнь и переходитъ къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ по завѣщанію на 20, а къ боковымъ наслѣдникамъ на 10 лѣтъ со времени кончины автора.

Опредѣлимъ случаи, въ которыхъ, по невозможности обозначить моментъ смерти автора, за исходную точку авторской монополіи берется другой моментъ, а именно моментъ выхода въ свѣтъ произведенія, или, лучше сказать, моментъ выдачи изъ цензуры позволительнаго билета на выпускъ онаго въ свѣтъ (ст. 287 ц. у.). Къ такимъ случаямъ цензурный уставъ относитъ изданія посмертныя (ст. 284) и изданія обществъ, академій и университетовъ (ст. 308); къ нимъ слѣдовало бы причислить и изданія безъимянныя или псевдонимныя, которыхъ авторъ неизвѣстенъ *). Въ развитой литературѣ тысячи произведеній появляются безъ имени автора. Кто знаетъ всѣхъ сотрудниковъ газеты или журнала, пишущихъ передовыя статьи, критики, обозрѣнія? Бываютъ періодическія изданія, которыя поставляютъ себѣ правиломъ не объявлять именъ своихъ сотрудниковъ (напр. англійскіе Reviews; у насъ было такое изданіе въ 1859 году подъ фирмою: *Московское Обозрѣніе*). Если до истеченія 50-ти лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ сочиненія безъименнаго или псевдонимнаго, коего авторъ неизвѣстенъ, сочиненіе это потомъ перепечатано съ обозначеніемъ имени автора, имъ самимъ или его наслѣдниками по его смерти, то чрезъ то оно превратилось въ именное и ограждается отъ контрафакціи на цѣлыя 50 лѣтъ со дня смерти автора. Но если наслѣдники оза-

*) Коль скоро извѣстно лице, употребляющее извѣстный псевдонимъ, то срокъ авторской собственности для произведеній этого автора считается не со дня выхода ихъ въ свѣтъ, но со дня смерти автора.

ботились сдѣлать это новое именное изданіе по истеченіи 30 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ прежняго, то они черезъ то не могутъ воскресить погасшую монополію авторскую на сочиненіе, которое уже превратилось, до воспослѣдованія именнаго изданія, въ достояніе общественное. Права юридическихъ лицъ на ихъ изданія суть права производныя и обусловливаются правами самихъ авторовъ, уступившихъ юридическому лицу свои произведенія (ст. 308 ц. у.). Если авторъ не поименованъ въ изданіи, то произведеніе принадлежитъ къ той же категоріи, какъ и всѣ сочиненія безъименныя. Права издателей на посмертныя изданія составляютъ нѣчто среднее, относительно продолжительности своей, между правами на изданія, до смерти автора послѣдовавшія, и правами на изданія старинныхъ рукописей, пословицъ, сказокъ и др. Право авторское на сочиненіе предшествуетъ изданію; оно возникаетъ въ минуту написанія, но погасаетъ, если изданіе не послѣдовало, истеченіемъ 30 лѣтъ со смерти автора. Законъ, поощряя наслѣдниковъ къ посмертнымъ изданіямъ, обѣщаетъ имъ продолжить срокъ исключительнаго пользованія произведеніемъ, замѣнивъ для нихъ счетъ срока отъ смерти автора счетомъ срока отъ воспослѣдованія посмертнаго изданія. Если сочиненіе безъименное выходило отдѣльными выпусками, томами, книжками, образующими одно непрерывное цѣлое, то срокъ авторской монополіи долженъ считаться съ выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска, книжки или тома. (Союзный сеймъ нѣмецкій постановилъ въ 1837 году, что подобный рядъ выпусковъ или томовъ только тогда считается непрерывнымъ цѣлымъ, когда между выходомъ въ свѣтъ отдѣльныхъ выпусковъ или томовъ не было трехлѣтнихъ промежутковъ). Для статьи безъименной, помѣщаемой въ газетѣ или журналѣ, срокъ считается со дня выхода въ свѣтъ послѣдняго нумера газеты или журнала, въ которой помѣщалась статья. Сами по себѣ газета или журналъ, составляя неизмѣняющуюся форму, независимую отъ перемѣны редактора, могутъ быть во всѣхъ отношеніяхъ уподоблены безъименнымъ изданіямъ. Въ изданіи собирательномъ, составляющемъ плодъ совокупной дѣятельности многихъ сочини-

телей, слѣдуетъ различать, состоитъ ли оно изъ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ каждая можетъ образовать самостоятельное цѣлое, или части ея такъ спаяны и слиты, что отдѣлить одну отъ другой нѣтъ никакой возможности. Въ первомъ случаѣ срокъ считается для каждой части особо со дня смерти ея автора; въ послѣднемъ случаѣ авторская монополія прекращается не раньше, какъ съ истеченіемъ 50 лѣтъ со дня смерти послѣдняго изъ соучастниковъ въ произведеніи.

Е. Законъ положительный ставитъ пользованіе правомъ авторскимъ въ зависимость отъ соблюденія субъектами этого права нѣкоторыхъ формальностей, при неисполненіи коихъ собственность артистическая и литературная лишается законной защиты. Эти формальности предназначены отчасти служить средствами удостовѣренія о принадлежности авторскаго права данному лицу, отчасти способами доведенія этого факта до свѣдѣнія общественнаго. Формальности эти заключаются въ слѣдующемъ: въ видахъ полицейскихъ существуетъ въ Россіи цензура предварительная, разсматривающая произведенія словесности, наукъ и искусствъ, назначаемыхъ къ изданію, посредствомъ печати, гравированія или литографіи (ст. 1 ц. у.). Защитою закона отъ контрафакціи пользуются тѣ только изъ размножаемыхъ вышеупомянутыми способами произведеній, которыя цензурою дозволены (ст. 306 ц. у.). Такимъ образомъ, вопросъ о существованіи предмета авторскаго права рѣшается на основаніи удостовѣреній и отзывовъ цензурныхъ комитетовъ. Авторы книгъ, изданныхъ во Франціи, доказываютъ свое право свидѣтельствомъ, выдаваемымъ имъ отдѣленіемъ книжной торговли министерства внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ или секретаріатомъ префектуры въ департаментахъ (art. 3 трактата 1861 г.). Авторы книгъ, издаваемыхъ въ Бельгіи, доказываютъ свое право свидѣтельствомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Брюсселѣ (art. 3 трактата 1862 г.). О музыкальныхъ произведеніяхъ, издаваемыхъ за границею и, не смотря на то, ограждаемыхъ на основаніи 354 ст. ц. у. отъ контрафакціи въ предѣлахъ имперіи,

сочинитель долженъ сдѣлать письменное заявленіе комитету цензуры иностранной (ст. 354 ц. у).

Иной порядокъ удостовѣренія установленъ въ области искусствъ пластическихъ, для собственности художественной, подлежащей или неподлежащей цензурѣ (для живописи, скульптуры, архитектуры, гравернаго и медальернаго дѣла и иныхъ изящныхъ искусствъ). Порядокъ этотъ столь тяжелъ и сложенъ, что немногіе художники его употребляютъ, вслѣдствіе чего произведенія ихъ остаются не огражденными отъ контрафакціи. Владѣлецъ правъ авторскихъ обязанъ предъявить и записать свое произведеніе въ уѣздномъ судѣ или у маклера, съ подробнымъ описаніемъ сюжета. Если предметъ громоздокъ, то судъ или маклеръ досматриваютъ его въ самой мастерской художника. Потомъ владѣлецъ беретъ отъ уѣзднаго суда или отъ маклера выписку за скрѣпою и представляетъ ее въ академію художествъ. Академія публикуетъ о томъ въ вѣдомостяхъ на счетъ просителя. Съ тѣхъ только поръ право художественной собственности утверждается за художникомъ положительно, то есть получаетъ законную защиту (ст. 322 ц. у.).

Сочинитель ученаго сочиненія, желающій воспользоваться исключительнымъ правомъ на изданіе переводовъ этого сочиненія на иностранные языки, обязанъ объявить о томъ при изданіи подлинника и издать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня выдачи изъ цензуры позволительнаго билета на выпускъ въ свѣтъ подлинника (ст. 302 ц. у.). Законъ не опредѣляетъ, какого рода должно быть объявленіе; можно полагать, что оно можетъ быть сдѣлано или въ самомъ подлинникѣ, въ текстѣ, предисловіи или на оберткѣ, или опубликованіемъ въ вѣдомостяхъ. Такъ какъ права авторскія передаются изъ рукъ въ руки, то сочинитель не обязанъ самъ лично составить переводъ, но можетъ уступить право на изданіе перевода другому лицу. Ст. 307 ц. у. вмѣняетъ въ обязанность издателямъ при новыхъ изданіяхъ обозначать на заглавныхъ листахъ, что такое-то сочиненіе печатано съ изданія такого-то года, съ исправленіями или безъ оныхъ.

Особенныя формальности обязательны на случай смерти автора для лицъ, которымъ онъ отказалъ свои права авторскія на произведенія литературныя или артистическія по духовному завѣщанію или инымъ образомъ. Они обязаны объявить о принадлежности имъ правъ авторскихъ и представить на то доказательства не позже года, со дня смерти автора, если они пребываютъ въ Россіи, и не позже двухъ лѣтъ, если они пребываютъ за границею (ст. 290, 329). За неисполненіемъ ими сего условія они теряютъ свои права авторскія, которыя переходятъ къ наслѣдникамъ автора по закону.

§ 4.

Статья 2.

Уголовная защита правъ авторскихъ отъ контрафакціи и другихъ преступленій.

Слово *контрафакція* обозначаетъ въ обширномъ смыслѣ всякія вообще посягательства на права авторскія *). Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ контрафакція обозначаетъ противузаконное механическое воспроизведеніе чужаго авторскаго труда и образуетъ одинъ только спеціальный видъ преступленій противъ литературной и художественной собственности, однородный съ плагіатомъ, незаконнымъ копированіемъ и представленіемъ или розыгрываніемъ чужихъ драматическихъ или музыкальныхъ произведеній. Такъ какъ контрафакція важнѣе и чаще другихъ преступленій противъ правъ авторскихъ, то съ нея слѣдуетъ и начать.

А. *Контрафакція* (contrefaçon, Nachdruck, по-англійски *piracy* или литературный разбой) передается въ цензурномъ уставѣ словами: *самовольное изданіе*. Ни цензурный уставъ, ни уложеніе о наказаніяхъ не даютъ никакого опредѣленія этому преступленію; но, сообразивъ всѣ случаи контрафакціи, можно изъ нихъ вывести слѣдующую формулу: контрафакція есть ме-

*) Théorie du code pénal, par *Chauveau* et *Hélie*, édition Nypels № 3,726.

ханическое воспроизведеніе труда литературнаго или артистическаго, составляющаго предметъ чьего-либо чужаго авторскаго права, посредствомъ печати или иныхъ тому подобныхъ способовъ размноженія произведеній въ неопредѣленномъ количествѣ экземпляровъ, безъ присвоенія, однако, этого труда (т. е. безъ выдаванія издателемъ этого труда за свой собственный). Разложимъ это довольно объемистое опредѣленіе на его составные элементы.

1. *Субъектомъ* преступленія можетъ быть какъ самъ авторъ, создатель произведенія (ст. 297 п. *а*, и 352 ц. у.), такъ и постороннее лицо. Если авторъ уступилъ свое авторское право другому лицу, то это право стало для него чужимъ. Авторъ сдѣлается контрафакторомъ, если онъ самовольно издастъ уступленное другому лицу свое произведеніе. Если авторъ продалъ двумъ или нѣсколькимъ лицамъ порознь, безъ ихъ на то согласія, свои права авторскія на одно и то же произведеніе, и сдѣлался, или могъ сдѣлаться причиною выхода въ свѣтъ нѣсколькихъ изданій, изъ коихъ одно законное, а остальныя контрафактныя, то таковой его поступокъ статья 305 ц. у. именуетъ *подлогомъ*, хотя собственно этотъ поступокъ не заключаетъ въ себѣ ничего подходящаго къ подлогу, а скорѣе могъ бы быть пріуроченъ къ разряду преступленій по куплѣ-продажѣ имуществъ (ст. 2290—2294 улож. о нак.).

2. *Объектомъ* преступленія бываетъ произведеніе, не только способное служить предметомъ авторскаго права, но и дѣйствительно принадлежащее другому лицу на правахъ собственности литературной или художественной. На составъ контрафакціи не имѣетъ вліянія то обстоятельство, было ли произведеніе напечатано или нѣтъ, слѣдовательно, подъ ея понятіе подходитъ и напечатаніе неизданнаго стихотворенія, а равно и напечатаніе рѣчи, сказанной публично (ст. 297 ц. у.). Такъ какъ авторское право простирается и на произведеніе въ цѣломъ его объемѣ, и на каждую изъ его частей, то отсюда слѣдуетъ заключить, что для понятія контрафакціи не требуется перепечатанія цѣлаго произведенія, но достаточно перепечатанія одной какой-либо части,

безъ всякихъ измѣненій противъ подлинника или даже и съ измѣненіями, напр. въ видѣ извлеченія, сокращенія. Чѣмъ меньше такихъ выдержекъ изъ чужаго сочиненія, чѣмъ онѣ короче, чѣмъ въ большемъ растворѣ добавленнаго собственнаго текста утопаютъ онѣ, тѣмъ труднѣе доказать фактъ контрафакціи, тѣмъ труднѣе отличить контрафакцію отъ тѣхъ ссылокъ на чужія сочиненія или цитатъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись почти ни одно серьезное произведеніе научное. При рѣшеніи этого рода недоумѣній, надобно имѣть въ виду, что авторское право установлено для обезпеченія авторамъ матеріальнаго вознагражденія за ихъ труды, и что законъ воспрещаетъ посторонпимъ только такого рода пользованіе ихъ произведеніями, которое бы приносило матеріальный ущербъ авторамъ, мѣшая сбыту ихъ произведеній въ публикѣ, посредствомъ продажи. Чѣмъ мельче произведеніе, тѣмъ менѣе важна для автора его перепечатка; чѣмъ короче выдержка изъ книги, тѣмъ менѣе вреда отъ ея помѣщенія въ чужомъ сочиненіи, такъ что при очень незначительныхъ заимствованіяхъ всякое преслѣдованіе должно пріостановиться. Для предотвращенія споровъ и сомнѣній, законъ ставитъ для руководства писателямъ слѣдующія количественныя нормы.

а) Каково бы ни было произведеніе, большое или малое, изданіе его въ свѣтъ отдѣльною статьею запрещено и считается контрафакціею. Сомнителенъ вопросъ о томъ, какъ смотрѣть на изданія отдѣльныхъ статей иллюстрированныя или переложенныя на музыку. Иллюстраціи и аккомпанименть видоизмѣняютъ изданіе, даютъ ему иное назначеніе и сообщаютъ ему такую цѣнность, какой бы никогда не имѣлъ въ продажѣ самъ текстъ. Если въ данномъ случаѣ очевидно, что изданіе иллюстрированное или переложенное на музыку не можетъ дѣлать конкурренціи и подрыва издателю текста, то слѣдовало бы признать, что контрафакціи въ этомъ случаѣ нѣтъ *). Въ подобныхъ дѣлахъ не-

*) Въ с.-петербургскихъ судахъ производилось дѣло между книгопродавцами Исаковымъ, издателемъ сочиненій Пушкина, и Вольфомъ, пустившимъ въ свѣтъ иллюстрированное изданіе пушкинской сказки: «О Рыбакѣ

обходимо обращать вниманіе на то, что̀ главное, по художественному достоинству, въ изданіи: текстъ или акомпаниментъ и иллюстрація, и наблюдать, чтобы ноты и картинки не служили только способомъ замаскированія убыточной для владѣльца правъ авторскихъ перепечатки.

b) Перепечатываніе цѣлыхъ статей и отрывковъ допускается въ журналахъ, газетахъ и другихъ какихъ-либо собраніяхъ, лишь бы только статья или отрывки, взятые изъ одного источника, не занимали болѣе одного печатнаго листа въ послѣднемъ изданіи книги, изъ коей взяты статья или отрывки (а если статья взята не изъ книги, но изъ газеты???), лишь бы только при помѣщеніи заимствованныхъ извѣстій политическихъ или иныхъ указаны были источники, откуда эти извѣстія почерпнуты, наконецъ лишь бы только журналистъ или газетчикъ перепечатывалъ чужія мелкія статьи не *постоянно* и не *вполнѣ* (ст. 297 ц. у.). Эти постановленія, вѣроятно, имѣли цѣлью предупредить тотъ родъ редакторскаго наѣздничества на чужія газеты и журналы, вслѣдствіе котораго недобросовѣстный редакторъ можетъ вести успѣшно свое дешевое повременное изданіе, не платя ни копѣйки корреспондентамъ, ни фельетонистамъ, при сотрудничествѣ однихъ только ножницъ своихъ редакторскихъ. Между газетчиками идутъ часто перебранки за такого рода пиратство; но сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ жалующихся не затѣвалъ иска о контрафакціи, да если бы онъ и затѣялъ, то едва ли бы выигралъ дѣло, потому что законъ нашъ не оказываетъ газетамъ надлежащей защиты. Журнальный корсаръ можетъ почти всегда уклониться отъ преслѣдованія, доказавъ, что онъ заимствовалъ всякій разъ менѣе одного печатнаго листа (никто никогда не перепечатывалъ цѣликомъ огромнаго газетнаго листа), что онъ подписывалъ подъ заимствованными статьями началь-

---

и Рыбкѣ». Исаковъ продавалъ сказку отдѣльными оттисками по 5 к. с., а Вольфъ по 2 рубля. Суды рѣшили, кажется, въ пользу Исакова; но трудно предполагать, чтобы изданіе Вольфа могло, по цѣнѣ своей, дѣлать какой-нибудь подрывъ Исакову.

ныя буквы источника, наконецъ, что хотя онъ и перепечатывалъ постоянно чужія статьи, но перепечатывалъ ихъ не вполнѣ, кой-что обрѣзывая, дополняя или измѣняя.

c) Заимствованія въ размѣрѣ болѣе одного печатнаго листа допускаются въ хрестоматіяхъ и другихъ учебныхъ книгахъ (ст. 298 ц. у.).

d) Книги, размѣромъ болѣе одного печатнаго листа, защищаются отъ заимствованій на слѣдующемъ основаніи: заимствующій можетъ взять изъ чужаго сочиненія не болѣе одной трети этого сочиненія и долженъ дать своего текста вдвое болѣе противу отрывковъ изъ сочиненія, вставляемыхъ въ этотъ текстъ (ст. 299 ц. у.).

e) Контрафактнымъ переводомъ книги уже переведенной считается такой переводъ, въ которомъ двѣ трети *сряду* выписаны слово въ слово изъ прежнихъ *переводовъ*, на которые кто-либо имѣетъ право исключительной собственности (ст. 300 ц. у.). Слово *переводовъ*, употребленное во множественномъ числѣ, ведетъ къ заключенію, что контрафакціею считаться будетъ переводъ, заимствованный не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ имѣющихся уже переводовъ одного и того же сочиненія. Мы имѣемъ два перевода исторіи цивилизаціи Бокля, одинъ Бестужева-Рюмина, другой Буйницкаго; положимъ, что явился спекулянтъ, который перепечаталъ одну половину тома, по переводу Бестужева-Рюмина, другую по переводу Буйницкаго; такой спекуля́нтъ будетъ очевидно контрафакторомъ. Труднѣе объяснить логически значеніе слова *сряду*, помѣщеннаго въ той же 300-й статьѣ ц. у. По буквальному его смыслу слѣдуетъ заключить, что переводъ считается контрафактнымъ, когда заимствованія не перемежаются съ собственными вставками издателя, какъ бы незначительны эти вставки ни были, потому что эти вставки уничтожаютъ непрерывность и подрядность заимствованій, слѣдовательно, что издателю перевода книги въ 500 страницъ достаточно, для избѣжанія отвѣтственности, вставить на каждыя 100 страницъ одну своего собственнаго издѣлія.

f) При рѣшеніи вопросовъ о контрафакціи словарей, требуется, чтобы большая часть опредѣленій, толкованій и примѣровъ не была взята изъ другаго подобнаго же словаря. Отъ новыхъ географическихъ картъ, историческихъ таблицъ, логарифмовъ, указателей, требуется, чтобы они не были списаны съ прежнихъ изданій слово въ слово (цифра въ цифру) или съ весьма незначительными измѣненіями (ст. 301 ц. у.).

Заимствованіе заглавія сочиненія или фирмы газеты, или изданіе сочиненія подъ чужимъ именемъ авторскимъ (но не подъ собственнымъ самого издателя), не подходятъ подъ контрафакцію, потому что заглавіе и имя не составляютъ предметовъ авторскаго права, и если присвоеніе ихъ можетъ быть преслѣдуемо, то на совершенно иномъ основаніи. Авторъ тогда только можетъ претендовать на исключительное употребленіе изобрѣтеннаго имъ заглавія, когда это заглавіе не только обозначаетъ предметъ сочиненія, но и запечатлѣно субъективностью автора, то-есть выражаетъ его индивидуальные взгляды, его направленіе. Исторія Россіи С. Соловьева или «Областныя Учрежденія Б. Чичерина не мѣшаютъ никому въ будущемъ назвать свой трудъ Исторіею Россіи и Областными Учрежденіями, но едва ли въ правѣ кто нибудь дать своему роману заглавіе: Отцы и Дѣти или Взбаламученное Море, или издавать журналъ или газету подъ названіемъ «Отечественныя Записки» или «Современникъ», «Сѣверная Пчела» или «Голосъ».—При несуществованіи уголовнаго закона, наказывающаго за подобныя присвоенія, за авторомъ и журналистомъ слѣдуетъ признать, по крайней мѣрѣ, право искать судомъ того, чтобы лицу, присвоившему названіе, запечатлѣнное его субъективностью, или фирму его журнала воспрещено было употреблять это названіе или эту фирму. Еще преступнѣе изданіе кѣмъ-либо своего сочиненія подъ чужимъ именемъ авторскимъ, принадлежащимъ лицу, живущему или умершему. Подобное дѣйствіе, не составляя контрафакціи, можетъ подлежать отвѣтственности, или какъ клевета и обида, на основаніи 2093 и 2099 ст. улож. (когда учинено съ цѣлію очернить кого-нибудь въ общественномъ мнѣніи), или какъ воров-

ство-мошенничество (обманъ) на основаніи 2252—2267 ст. улож. (когда учинено съ цѣлію способствовать скорѣйшему сбыту произведенія посредствомъ выставленія на этомъ произведеніи чужаго громкаго имени, любимаго публикою). Въ подобнаго рода литературныхъ подлогахъ, которые близко подходятъ къ случаю, опредѣленному въ 1863 ст. улож. (кто поддѣластъ чужіе клейма или знаки, прикладываемые въ издѣліяхъ мануфактуръ, фабрикъ или заводовъ), время смерти автора не имѣетъ никакого вліянія на отвѣтственность, потому что имя автора, даже и послѣ 50 лѣтъ отъ его смерти, не дѣлается достояніемъ общественнымъ.

3. *Внѣшнее дѣйствіе* въ контрафакціи должно состоять въ механическомъ воспроизведеніи оригинала, безъ присвоенія его себѣ преступникомъ, посредствомъ печати или иныхъ тому подобныхъ способовъ размноженія произведеній въ неопредѣленномъ количествѣ экземпляровъ. Воспроизведеніе должно быть механическое, то-есть такое, для совершенія коего не требовалось бы никакого участія творчества научнаго или артистическаго. Этою чертою контрафакція отличается отъ противозаконнаго *копированія* или отъ подражательнаго воспроизведенія оригинала, которое требуетъ извѣстной степени учености, искусства. Воспроизведеніе оригинала не должно сопровождаться присвоеніемъ его, то-есть изданіемъ его контрафакторомъ подъ своимъ именемъ. Этою особенностью контрафакція отличается отъ плагіата. Наконецъ, пріемы механическіе, употребляемые преступникомъ, должны быть такого рода, чтобы представляли серьезную опасность для матеріальныхъ интересовъ автора, то-есть, чтобы они способны были сдѣлать значительный подрывъ сбыту его произведеній въ публикѣ. Простое переписываніе произведенія литературнаго или музыкальнаго столь дорого стоитъ, по количеству требуемаго на это дѣло труда, что воспрещаемо быть не можетъ, хотя бы кто завелъ цѣлую контору для переписки сочиненій на нѣсколько рукъ. Вреднѣе для интересовъ автора воспроизведеніе посредствомъ гравированія или литографіи, но и эти способы воспрещаются закономъ (ст. 351 ц. у.) только въ примѣненіи къ размноженію музыкальныхъ (а не литератур-

ныхъ) произведеній. Въ области литературы контрафакція совершается только посредствомъ одного перепечатыванія (ст. 296 и 297 ц. у.). Можно оспаривать подобное ограниченіе контрафакціи словесныхъ произведеній одною только печатью, на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и литографія можетъ дѣлать сильный подрывъ сбыту печатныхъ сочиненій, наконецъ, что есть еще способъ новый, дешевый, скорый, удобный, болѣе опасный, нежели всѣ другіе для авторской собственности, но о которомъ въ цензурномъ уставѣ почти и не упоминается. Этотъ способъ — фотографія, искусство, которое должно получить въ будущемъ громадное развитіе.

4. Контрафакція обусловливается наличностью злаго умысла въ преступникѣ. Этотъ элементъ столь важенъ, что при отсутствіи его перепечатаніе чужаго сочиненія теряетъ уголовный характеръ, и можетъ быть преслѣдуемо только гражданскимъ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, и то только въ такомъ случаѣ, когда доказано, что перепечатчикъ поступилъ неосторожно, не освѣдомившись надлежащимъ образомъ о принадлежаніи кому-нибудь перепечатываемаго произведенія на правахъ авторской собственности (напр., когда онъ не освѣдомился съ точностью о днѣ смерти автора). Если заблужденіе перепечатчика было совершенно случайное, такъ что даже и въ неосторожности обвинить его нельзя, напр., если авторъ, всѣми считаемый умершимъ, окажется живымъ, или если третье лице обмануло издателя, предложивъ ему подъ своимъ именемъ чужое произведеніе, которое издатель купилъ, не подозрѣвая обмана, то перепечатчикъ не можетъ быть присужденъ даже и къ уплатѣ вознагражденія за причиненные перепечатаніемъ убытки. Умыселъ контрафактора долженъ состоять въ рѣшимости на преступленіе завѣдомо о принадлежности кому-нибудь другому авторскихъ правъ на воспроизводимый предметъ, причемъ личныя цѣли перепечатчика, бывшія мотивами его дѣйствія, не принимаются въ разсчетъ, такъ что все равно, дѣйствовалъ ли онъ съ корыстною цѣлью, то-есть, съ намѣреніемъ получить прибыль отъ продажи контрафактныхъ экземпляровъ, или просто

для того только, чтобы дарить эти экземпляры друзьямъ и знакомымъ.

5. Остается опредѣлить моментъ *совершенія преступленія.* Существенный ущербъ матеріальнымъ интересамъ автора причиняетъ не само заготовленіе контрафактныхъ экземпляровъ, но распространеніе ихъ въ публикѣ, даровое или коммерческое, открытое (съ публикаціею объ изданіи въ вѣдомостяхъ и продажею въ лавкахъ) или секретное (безъ публикаціи, въ кругу однихъ только знакомыхъ). Но контрафакція принадлежитъ къ разряду такихъ преступленій, какъ подлогъ или поддѣлка монеты, въ которыхъ приготовленіе затруднительно, требуетъ и времени, и многихъ сложныхъ операцій, наконецъ обнаруживаетъ почти несомнѣннымъ образомъ преступные замыслы виновника, между тѣмъ, какъ совершеніе дѣлается скоро, легко, мгновенно. Не дожидаясь причиненія дѣйствительнаго вреда, законодательство воспрещаетъ само заготовленіе, ничьихъ еще правъ ненарушающее, какъ самостоятельный полицейскій проступокъ, и наказываетъ его независимо отъ того, успѣлъ ли контрафакторъ распространить контрафактные экземпляры или нѣтъ. Количество заготовленныхъ экземпляровъ не имѣетъ существеннаго вліянія на преступность дѣйствія, потому что преступникъ, который дошелъ до того, что отпечаталъ одинъ экземпляръ, можетъ легко оттиснуть по готовому набору сотни и тысячи подобныхъ же экземпляровъ. Если моментомъ совершенія контрафакціи считается отпечатаніе, то самый наборъ типографскій сочиненія или вырѣзаніе музыкальнаго произведенія на доскѣ металлической или написаніе его на камнѣ литографическомъ должны считаться покушеніемъ на контрафакцію.

Само собою разумѣется, что наказуемость контрафакціи начинается съ отпечатанія только въ такомъ случаѣ, если печатаніе происходило въ предѣлахъ Россіи. Если оно происходило внѣ предѣловъ Россіи, то оно не подлежитъ дѣйствію россійскихъ законовъ, и уголовная отвѣтственность контрафактора начинается только или съ момента ввоза контрафактныхъ экземпляровъ въ Россію, или съ момента распространенія ихъ въ пу-

бликѣ. Законъ нашъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи различіе между произведеніями музыкальными и литературными. Самый ввозъ контрафактныхъ произведеній музыкальныхъ запрещенъ въ количествѣ, превышающемъ десять экземпляровъ. Сочинитель, уступившій кому-либо въ имперіи право на изданіе произведенія и, не смотря на то, ввозящій въ имперію болѣе десяти его экземпляровъ, напечатанныхъ за границею, подвергается наказанію, какъ за контрафакцію (ст. 352 ц. у.). Постороннія лица подвергаются той же отвѣтственности за ввозъ и распространеніе болѣе десяти контрафактныхъ экземпляровъ, посредствомъ продажи или даровой раздачи (ст. 353 ц. у.). Что касается до произведеній наукъ и словесности, то за ввозъ ихъ въ Россію и даровую раздачу не положено наказанія уголовнаго; наказуемость начинается съ продажи. Контрафакторомъ признается, по п. *б.*, ст. 297 ц. у., кто, перепечатавъ въ чужихъ краяхъ книгу, изданную въ Россіи, будетъ продавать напечатанные такимъ образомъ экземпляры въ Россіи, не имѣя на то письменнаго дозволенія законнаго издателя.

В. *Противозаконное копированіе* (ст. 333 и 334 ц. у.). Контрафакція воспроизводитъ предметъ чисто механически, безъ посредства труда ученаго или артистическаго. До самаго изобрѣтенія дагерротипа и фотографіи, подобное воспроизведеніе чисто механическое возможно было только въ области музыки и словесности, но не въ области искусствъ пластическихъ. Только рука художника способна списать масляными красками картину, вырубить изъ мрамора копію статуи, вырѣзать на мѣди или на деревѣ гравюру или политипажъ, даже для снятія гипсоваго слѣпка съ оригинала требуется нѣкоторое артистическое умѣнье при окончательной отдѣлкѣ слѣпка. Замѣтимъ притомъ, что подобное воспроизведеніе, берущее много времени и труда, менѣе опасно и менѣе убыточно для автора, такъ что ему можно противодѣйствовать болѣе слабыми уголовными мѣрами. Такимъ образомъ контрафакція и противозаконное копированіе шли рядомъ; первая господствовала въ области словесности и музыки, вторая—въ области пластики. Появленіе дагерротипіи, а впослѣд-

ствіи фотографіи произвели замѣшательство въ этихъ понятіяхъ и неминуемо должны разрушить межевые знаки, отдѣлявшіе копированіе отъ контрафакціи, потому что фотографія воспроизводитъ чисто механически произведенія пластики. Въ настоящее время законодательство не пріурочило еще воспроизведенія посредствомъ фотографіи ни къ контрафакціи, ни къ копированію (въ ст. 334 п. 1 ц. у. упоминаются только дагерротипы). Въ будущемъ, вѣроятно, придется измѣнить самое понятіе копированія и противопоставить контрафакціи, какъ воспроизведенію чисто механическому, воспроизведеніе артистическое, *подражательное*, не сопровождаемое присвоеніемъ себѣ оригинала. Это понятіе противузаконнаго *подражанія* тѣмъ болѣе удобно и практично, что оно примѣнимо и къ областямъ словесности и музыки, потому что подъ это понятіе подойдутъ и такія нарушенія литературной, музыкальной и художественной собственности, которыя контрафакціею названы быть не могутъ, какъ-то: переложеніе музыкальной композиціи на иные инструменты, аранжировка романа или поэмы для сцены, наконецъ переводъ сочиненія на иностранный языкъ. Объ аранжировкѣ чужаго романа или поэмы законъ нашъ не упоминаетъ вовсе, изъ чего надобно заключить, что если эта передѣлка не издана, но находится только въ рукописи и съ рукописи представляется актерами, то она считается дѣйствіемъ вполнѣ законнымъ; если же она напечатана, то она разсматривается какъ контрафакція. — Законъ нашъ запрещаетъ, въ ст. 348 ц. у. (п. *в*), издавать переложеніе музыкальнаго произведенія съ одного инструмента на другой или на цѣлый оркестръ, или съ оркестра на одинъ какой либо инструментъ, наконецъ, издавать чужія музыкальныя пьесы съ измѣненіемъ акомпанимента; но такъ какъ за подобныя дѣйствія не положено ни въ цензурномъ уставѣ, ни въ уложеніи о наказаніяхъ, никакого наказанія, то они могутъ считаться только правонарушеніями гражданскими, а не уголовными, раждающими только обязательство о вознагражденіи автора за причиненные убытки.

Вопросъ о противозаконности переводовъ сочиненія на другіе языки принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ. Переводы

допускаются безъ всякаго ограниченія теперешнимъ законодательствомъ французскимъ, разрѣшены положительно законодательствомъ англійскимъ (6 и 7 Vict. c. 12 — законъ 10-го мая 1844 года), они ограничиваются и стѣсняются законодательствами нѣмецкими, да и то не всѣми *). Переводъ требуетъ много времени, много труда самостоятельнаго со стороны переводчика, можетъ считаться скорѣе переработкою, нежели воспроизведеніемъ оригинала, появляется въ свѣтъ обыкновенно тогда, когда оригиналъ разошелся и имѣлъ успѣхъ, слѣдовательно переводъ не дѣлаетъ значительнаго подрыва сбыту оригинальнаго произведенія. Притомъ полная свобода переводовъ содѣйствуетъ въ значительной степени быстрому международному обороту мыслей, науки, просвѣщенія. Для нѣкоторыхъ литературъ, въ особенности для такихъ, которыя производятъ мало оригинальнаго и питаются заимствованіями, свобода переводовъ составляетъ самый жизненный вопросъ, отъ котораго зависитъ въ значительной степени ихъ существованіе и развитіе. Во что же, напримѣръ, обратилась бы теперешняя русская литература, если бы изъ нея исключить то огромное количество переводовъ, надъ которыми столь усердно работаютъ сотни рукъ и цѣлыя общества литераторовъ? Законодательство наше ограждаетъ отъ переводовъ на другіе языки только книги, для которыхъ были необходимы особенныя ученыя изысканія, если самъ авторъ объявилъ при изданіи подлинника, что онъ удерживаетъ за собою исключительное право перевода (ст. 302 ц. у.). Монополію перевода авторъ сохраняетъ только въ теченіе двухъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ подлинника. По истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, книгу можетъ переводить всякій, хотя бы авторъ и успѣлъ издать свой переводъ въ теченіе этого времени, потому что авторъ, переводчикъ или издатель разрѣшеннаго авторомъ перевода имѣютъ право собственности только на этотъ переводъ съ того же самаго оригинала **). — Отвѣтственность не-

*) *O Wächter*, Verlagsrecht. S. 567 — 572.

**) Въ трактатѣ Россіи съ Франціею, 1861 г. art. 5, и съ Бельгіею, 1862 г. art. 5, постановлено: статьи, извлеченныя изъ журналовъ или изъ

реводчика за противозаконное изданіе перевода ранѣе истеченія срока авторской монополіи ограничивается взысканіемъ съ него вознагражденія за убытки. Никакой уголовной отвѣтственности не подвергается онъ по уложенію.

Перейдемъ къ противозаконному копированію на основаніи цензурнаго устава. Статья 333 устава даетъ слѣдующее опредѣленіе: противозаконнымъ копированіемъ признается всякое повтореніе, для денежныхъ выгодъ, художественнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ, безъ формальнаго согласія лица, имѣющаго на то произведеніе законное право художественной собственности. Это опредѣленіе весьма неточно въ томъ отношеніи, что копированіе наказывается по 2276 ст. улож. даже и тогда, когда оно совершено не съ корыстною цѣлію, не для *денежныхъ выгодъ*. Законъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ виды противозаконнаго копированія (334 ст. ц. у.):

1. *Въ живописи и рисованіи:* списываніе масляными, восковыми и иными красками, карандашемъ, перомъ и тушью, гравированіе на металлахъ и деревѣ, литографированіе, дагерротины, мозаики и т. под., наконецъ составленіе картинъ и рисунковъ по чужимъ эскизамъ.

2. *Въ ваяніи:* отливка изъ всякаго рода веществъ въ заимствованныя съ чужаго произведенія формы, вырубка изъ мрамора и другихъ камней по отливкамъ или по самымъ оригиналамъ, съ пунктовъ или другими способами, гальванопластика; перенесеніе скульптурнаго произведенія въ цѣломъ его составѣ на медали и, наоборотъ, съ медалей на барельефы и статуи.

періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ одномъ изъ обоихъ государствъ, могутъ быть воспроизводимы въ журналахъ или въ періодическихъ сборникахъ другаго государства, но съ тѣмъ, чтобы указывался источникъ, изъ котораго онѣ заимствованы. Это дозволеніе однако на распространяется на воспроизведеніе въ одномъ изъ обоихъ государствъ статей изъ журналовъ или изъ періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ другомъ государствѣ, когда авторы этихъ статей формально объявятъ въ томъ же журналѣ или сборникѣ, въ которомъ оныя напечатаны, что воспроизведеніе ихъ запрещается. — Это запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей, относящихся до политики.

3. *Въ гравированіи:* повтореніе гравюры на мѣди, камнѣ, деревѣ и т. п. *въ ту же величину* (слѣдовательно, повтореніе гравюры въ увеличенномъ или уменьшенномъ размѣрѣ допускается закономъ. Это дозволеніе основано, вѣроятно, на томъ, что воспроизведеніе гравюры по иному масштабу представляетъ столько затрудненій техническихъ, что оно будетъ нечастое и неопасное для оригинала въ коммерческомъ отношеніи. Всѣ подобныя предположенія обойдены нынѣ фотографіею, которая воспроизводитъ изображенія съ совершенною точностью въ какихъ угодно размѣрахъ и даетъ возможность гравировать въ измѣненныхъ размѣрахъ съ такою же легкостью, какъ и въ ту же величину).

4. *Въ архитектурѣ:* строеніе зданій по чужому плану и фасаду, копированіе чужихъ проектовъ и изданіе ихъ въ гравюрахъ, литографіяхъ и тому подобными способами.

Не считается преступленіемъ и дозволяется свободно изображать произведеніе живописи посредствомъ рисунка, или наоборотъ, воспроизводить посредствомъ ваянія произведенія живописи и рисованія.

С. *Плагіатъ* *) передается въ 335 ст. ц. у. фразою: *противозаконное заимствованіе* изъ чужаго произведенія. Переводъ этотъ весьма неправленъ, потому что во множествѣ случаевъ заимствованія составляютъ только контрафакцію, если издатель, перепечатывая чужой трудъ, не выдастъ его за свой собственный, не скрываетъ имени автора. Сущность плагіата заключается въ присвоеніи себѣ чужаго литературнаго или художественнаго труда, въ выдаваніи его за свой собственный, при чемъ надобно различать въ этомъ дѣйствіи два элемента: одинъ чисто нравственный — посягательство на чужую славу авторскую, и другой — юридическій ущербъ, наносимый чужимъ правамъ иму-

*) Слово *plagium* обозначало въ римскомъ правѣ порабощеніе и продажу въ рабство свободныхъ людей. Въ XVII столѣтіи это слово употреблено весьма некстати для обозначенія присвоенія чужой литературной собственности. *Joh. Mich. Reinelius,* Diss. philos. de plagio litterario sub praes. Jac. Thomasii. 1669 и 1692. 4-o sex accessionibus locupletata.

щественнымъ. Оба эти элемента могутъ стекаться, но могутъ и встрѣчаться отдѣльно. Положимъ, нѣкто *X.*, не перепечатывая чужаго труда, разглашаетъ только въ публикѣ, что этотъ трудъ его собственный. *X.* даже не плагіаторъ, онъ просто лжецъ, не подлежащій никакой юридической отвѣтственности, или даже клеветникъ, если слова его бросаютъ тѣнь недобросовѣстности на настоящаго автора, а за клевету есть наказанія въ уложеніи (ст. 2096). Измѣнимъ наше предположеніе и представимъ себѣ, что *X.* издалъ подъ своимъ именемъ сочиненіе, въ которомъ нѣтъ ни одной оригинальной идеи, а все содержаніе заимствовано отъ другихъ, и что притомъ *X.*, какъ человѣкъ опытный, умѣлъ однако измѣнить и связать такимъ образомъ выдернутые изъ чужихъ произведеній куски, что обошелъ всѣ постановленія законовъ о контрафакціи и о противозаконномъ копированіи. Поступокъ его весьма неблаговиденъ, но не подходитъ подъ уголовные законы. Судъ и казнь надъ нимъ принадлежатъ критикѣ литературной, которая должна сорвать съ этой вороны павлиньи перья и отхлестать ее своими бичами. «Плагіатъ, говоритъ Эли (*Chauveau et Hélie,* Théorie du code pénal, édition Nypels № 3733), не старается о точной передачѣ, онъ прячется, наряжается; онъ не воспроизводитъ сочиненія, но списываетъ съ рабскимъ подражаніемъ отрывки, которые потомъ выдаетъ за свои собственные. Онъ грабитъ не для того, чтобы вредить, но для того, чтобы кормиться медомъ, похищаемымъ у того или другаго автора, котораго плагіаторъ неспособенъ самъ производить. Плагіатъ причиняетъ вообще немного вреда собственности, не дѣлаетъ ей опасной конкурренціи, не ставитъ сочиненія противъ сочиненія; онъ подсуденъ одной только литературной критикѣ, которая обязана изобличать его и клеймить. Наконецъ, положимъ, что *X.*, не стѣсняясь нисколько законами о контрафакціи, издалъ подъ своимъ именемъ чужое произведеніе, цѣликомъ или въ отрывкахъ, превышающихъ размѣръ заимствованій, который допускается закономъ. Въ такомъ случаѣ *X.* долженъ бы быть наказанъ просто за контрафакцію, независимо отъ плагіата. Приговоръ суда о наказаніи его за контрафакцію огра-

дитъ въ то же время и славу авторскую настоящаго автора, удостовѣряя несомнѣннымъ образомъ, что плагіаторъ воспользовался его трудами. Итакъ, плагіатъ не долженъ бы входить въ область уголовнаго права. Наше законодательство, уклоняясь въ этомъ пунктѣ отъ западно-европейскихъ, считаетъ его дѣйствіемъ уголовно-преступнымъ; впрочемъ, оно опредѣляетъ съ точностью, въ чемъ, по его мнѣнію, можетъ состоять плагіатъ, только въ области искусствъ пластическихъ. По 335 ст. ц. у. плагіатомъ признается:

1. *Въ живописи и рисованіи:* выборъ изъ произведенія группъ, фигуръ, головъ, околичностей перспективы, пейзажа или морскаго вида и проч. и помѣщеніе ихъ художникомъ въ своемъ произведеніи, съ соблюденіемъ того же рисунка и освѣщенія, какое имѣютъ они въ оригинальномъ произведеніи, а также срисованіе подобнымъ образомъ и изданіе оныхъ вмѣстѣ съ другими предметами, въ составъ образцовыхъ рисунковъ входящими, издаваемыхъ художникомъ неавторомъ.

2. *Въ ваяніи:* выборъ группъ, головъ, фигуръ и орнаментовъ, и помѣщеніе ихъ въ произведеніи другимъ, художникомъ-скульпторомъ, неавторомъ прежнихъ, исполняемомъ.

Заимствованія изъ чужаго произведенія не считаются плагіатомъ только тогда, когда уклоненія отъ идеи или отъ формы оригинала столь значительны и многочисленны, что такое произведеніе можно почитать сочиненіемъ новымъ (330 ст. ц. у.).

D. *Публичное исполненіе чужихъ музыкальныхъ и поставленіе на сцену чужихъ драматическихъ произведеній.* Большія произведенія музыкальныя, въ особенности писанныя для цѣлаго оркестра, предназначены главнымъ образомъ для публичнаго исполненія предъ многочисленными собраніями народа; главное назначеніе драматическихъ пьесъ состоитъ въ представленіи ихъ на сценѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ исполнители и представители берутъ обыкновенно деньги съ слушателей и зрителей, наслаждающихся музыкою или игрою. Съ конца XVIII вѣка законодательства положительныя признали необходимымъ допустить и авторовъ къ участію въ барышахъ, которые выручаются или

могутъ быть выручаемы исполнителями, при чемъ законодатели руководились желаніемъ поощрить двѣ отрасли художественнаго творчества, вліяющія сильнѣйшимъ образомъ на развитіе эстетическаго чувства въ народныхъ массахъ.

Законъ запрещаетъ всякое *публичное* исполненіе музыкальнаго произведенія чужаго, слѣдовательно разыгрываніе его въ церкви или театрѣ, на концертѣ или на публичномъ гуляньѣ, артистами, дилеттантами или перехожими музыкантами, играющими на улицахъ и площадяхъ, при чемъ не обращается вниманія на то, было ли исполненіе даровое или возмездное. Хотя бы оно было даровое, все-таки публика его слушала, познакомилась съ нимъ,—и композиторъ лишился той прибыли, какую могъ бы получить или отъ публики непосредственно, или отъ другихъ исполнителей, которые взялись бы исполнить его произведеніе съ платою за входъ, и подѣлились бы съ нимъ своими барышами.

Законъ запрещаетъ *представлять* чужія *драматическія* произведенія публично (ст. 2276 улож.). Отсюда можно вывести то заключеніе, что воспроизведеніе чужаго произведенія посредствомъ живаго слова только тогда преступно, когда вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія условія: a) когда произведеніе принадлежитъ къ числу драматическихъ; b) когда оно представляется сценически, c) когда представленіе его публичное. Ода или лирическая поэма, баллада и т. д. могутъ быть свободно читаемы на сценѣ. Даже передѣлка для сцены поэмы лирической (напр. Руслана и Людмилы Пушкина) не можетъ быть воспрещаема, за исключеніемъ случая, когда она составляетъ контрафакцію. Драматическое произведеніе должно быть представляемо въ лицахъ, дѣйствіи, костюмахъ, при извѣстной сценической обстановкѣ, при чемъ все равно, происходитъ ли представленіе въ театрѣ или въ иномъ какомъ либо помѣщеніи, или на открытомъ воздухѣ, съ платою за входъ или безплатно. Всякій можетъ читать драматическое произведеніе предъ публикою; ограниченіе подобныхъ чтеній стѣснило бы весьма чувствительнымъ и вреднымъ для общества образомъ свободу литературнаго оборота. Запрещеніе

декламировать чужіе стихи было бы столь же тягостно, какъ, напримѣръ, запрещеніе книгопродавцамъ устраивать у себя читальни для публики, со взиманіемъ съ читающихъ платы. Наконецъ, представленіе должно происходить не въ частномъ обществѣ, не въ присутствіи однихъ только знакомыхъ, но передъ публикою, потому что только представленіе передъ публикою можетъ дѣлать замѣтный подрывъ автору, разсчитывающему на вознагражденіе за постановку на сцену своихъ произведеній.

Опредѣливъ главные виды преступленій противу правъ авторскихъ, запрещаемые закономъ, постараемся теперь изучить санкцію этихъ запретовъ, то-есть систему мѣръ, употребляемыхъ противъ нарушителей правъ авторскихъ. Мѣры эти состоятъ: 1) въ пресѣченіи начатыхъ и предупрежденіи возможныхъ нарушеній на будущее время; 2) въ вознагражденіи частнымъ пострадавшаго за понесенные имъ убытки; 3) наконецъ, въ уголовномъ наказаніи преступниковъ.

1. *Мѣры предупредительныя.* Самовольный издатель или копіистъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи снаряды, посредствомъ которыхъ онъ печаталъ: доски, камни, готовый наборъ, наконецъ отпечатанные, уже контрафактные экземпляры. Интересъ автора требуетъ, чтобы преступникъ лишенъ былъ средствъ продолжать и повторять преступленіе, слѣдовательно, чтобы снаряды, служившіе для контрафакціи, были по крайней мѣрѣ подвергнуты секвестру, а контрафактные экземпляры, уничтожены. Такъ какъ всѣ мѣры относительно орудій контрафакціи предпринимаются только въ видахъ огражденія правъ авторскихъ на будущее время, то, повидимому, можно было бы ограничиться: а) заарестованіемъ снарядовъ, продолжающимся до тѣхъ поръ, пока произведеніе не сдѣлалось достояніемъ общественнымъ по истеченіи срока монополіи авторской, или b) передачею ихъ автору въ счетъ слѣдующаго ему вознагражденія, или, наконецъ, если самъ контрафакторъ того требуетъ, c) уничтоженіемъ рисунка или письма на камнѣ, деревѣ и разобраніемъ набора, послѣ чего самъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ былъ снарядъ, мо-

жетъ быть возвращенъ контрафактору. Законоположенія наши по этому вопросу крайне разнообразны и основаны на противоположныхъ началахъ, что объясняется неодновременнымъ изданіемъ постановленій о собственности литературной, артистической и музыкальной. Въ области словесности законъ, умалчиваетъ объ орудіяхъ контрафакціи, хотя уничтоженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ стереотипныхъ формъ, необходимо для охраненія интересовъ автора. Въ области музыки, статья 351 ц. у. постановляетъ, что, по требованію владѣльца авторскаго права, доски и камни, служившіе для гравированія или литографированія композицій, или уничтожаются въ присутствіи его самого или его повѣреннаго, или передаются ему въ счетъ причитающагося ему отъ контрафактора частнаго вознагражденія за убытки. Наконецъ, въ области пластики, заборъ орудій преступленія превращается изъ мѣры предупредительной въ уголовную; по 339 ст. ц. у., снаряды обращаются, по требованію владѣльца авторскаго права, въ его пользу, независимо отъ вознагражденія за убытки *).

Копіи и оттиски, незаконнымъ образомъ составленные, должны быть изъяты изъ обращенія, дабы они не дѣлали подрыва сбыту законнымъ образомъ изданныхъ экземпляровъ того же произведенія. Эта цѣль достигается или уничтоженіемъ контрафактныхъ экземпляровъ, или передачею ихъ владѣльцу правъ авторскихъ въ его распоряженіе. Послѣдняя изъ этихъ мѣръ можетъ имѣть двоякое значеніе: она можетъ быть разсматриваема или какъ часть вознагражденія за убытки, вычитаемая изъ общей суммы убытковъ, или какъ наказаніе. Цензурный уставъ требуетъ, чтобы всѣ контрафактные экземпляры и противозаконныя копіи передавались владѣльцу правъ авторскихъ, по его требованію, въ смыслѣ наказанія преступника (ст. 304 и 339 ц. у.). Это наказаніе не есть однако чисто уголовное, но принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ въ

*) Какъ поступить съ орудіями контрафакціи, уступленными контрафакторомъ третьему лицу?

законодательствѣ, наказаній уголовно-частныхъ (Privatstrafen), которыя взыскиваются съ имущества преступника не въ казну, а въ пользу частнаго обиженнаго. Такъ какъ заборъ контрафактныхъ экземпляровъ въ пользу автора есть наказаніе, а наказаніе можетъ постигать только лица, которыхъ воля была причастна преступному дѣлу, то отсюда слѣдуетъ заключить, что контрафактные экземпляры могутъ быть отобраны только отъ контрафактора и отъ лицъ, получившихъ отъ него контрафактные экземпляры завѣдомо о противозаконности ихъ происхожденія. Если въ извѣстномъ изданіи одна только часть его контрафактная, напр. одинъ томъ, одинъ выпускъ, то одна только часть эта и подлежитъ забору. Если бы контрафактными оказались только нѣкоторые листы въ томѣ или выпускѣ, то эти только листы подлежали бы вырѣзкѣ и отдачѣ ихъ владѣльцу правъ авторскихъ.

II. *Частное вознагражденіе.* Ущербъ, причиняемый контрафакціею автору, есть ущербъ отрицательный, состоящій въ неполученіи авторомъ всей той прибыли, какую онъ могъ бы выручить, если бы продавалъ экземпляры своего произведенія одинъ, безъ конкуррента. При невозможности опредѣлить точнымъ образомъ эти убытки, необходимо основывать разсчетъ на предположеніяхъ и допустить, что сбытъ произведеній уменьшился для автора цѣлымъ количествомъ экземпляровъ, которое пущено въ обращеніе контрафакторомъ, то-есть, что всѣ тѣ покупщики, которые купили экземпляры у контрафактора, купили бы ихъ у самого автора *). Итакъ, слѣдовало бы взять число экземпляровъ, отпечатанныхъ контрафакторомъ, вычтя изъ него число нераспроданныхъ экземпляровъ, обращаемыхъ въ пользу автора;

*) Это предположеніе произвольное и шаткое. Сбытъ зависитъ и отъ мѣста изданія (неодинаково расходятся произведенія петербургскія, одесскія и харьковскія), и отъ многочисленности объявленій въ газетахъ, и отъ цѣны экземпляровъ. Съ пониженіемъ цѣнъ на товары сбытъ усиливается и книгу покупаютъ лица, которымъ средства ихъ не позволяли платить цѣну болѣе высокую.

разность и составитъ основаніе для опредѣленія авторскихъ убытковъ. Число экземпляровъ, отпечатанныхъ контрафакторомъ, не всегда извѣстно. На этотъ случай нѣкоторыя законодательства (въ особенности нѣмецкія *) ставятъ для руководства судьямъ другое предположеніе,—что число контрафактныхъ экземпляровъ подходитъ подъ обыкновенную количественную норму большей части изданій, то-есть, что оно равняется напр. тысячѣ. Число разошедшихся въ публикѣ контрафактныхъ экземпляровъ надлежитъ помножить на цифру, обозначающую убытокъ автора на каждомъ контрафактномъ экземплярѣ порознь взятомъ. Эта цифра опредѣлится, если мы изъ продажной цѣны произведенія, по которой оно продавалось самимъ авторомъ, вычтемъ издержки печатанія, понесенныя авторомъ, и даже ту уступку, которую авторъ дѣлалъ другимъ книгопродавцамъ, закупающимъ у него гуртомъ экземпляры для дальнѣйшей розничной распродажи публикѣ. Таковъ, по моему мнѣнію, наиболѣе раціональный способъ оцѣнки вознагражденія. Законодательство русское даетъ этому вопросу иное рѣшеніе, которое во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно и не выдерживаетъ строгой критики.

По положенію о правахъ сочинителей, 22-го апрѣля 1828 года, частное вознагражденіе за убытки облекалось въ форму уголовную; съ цѣны экземпляра, назначенной контрафакторомъ, вычитались издержки печатанія, послѣ чего разность множилась на предполагаемое число экземпляровъ изданія 1,200. Преступникъ подвергаемъ былъ взысканію этой суммы вдвое взятой; $^2/_3$ взысканія шли въ пользу владѣльца правъ авторскихъ, $^1/_3$ въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія (§ 16-й). Положеніе о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей, 8-го января 1830 года, измѣнивъ характеръ взысканія и обращая его цѣликомъ въ пользу владѣльца правъ авторскихъ, постановило слѣдующее:

«Взысканіе за контрафакцію состоитъ: 1) въ возвращеніи отъ виновнаго законному издателю всего того убытка, который

*) *Wächter*, Verlagsrecht. S. 677.

исчислится по соображенію дѣйствительной платы за все изготовленіе экземпляровъ самовольнаго изданія съ продажною цѣною отъ законнаго издателя, прежде (т. е. при собственномъ изданіи того же произведенія) объявленною; 2) въ отобраніи наличныхъ самовольнаго изданія экземпляровъ, которые и обращаются въ пользу законнаго издателя» (ст. 304 ц. у.).

Нельзя сказать, чтобы эта статья закона отличалась ясностью и вразумительностію. Если намъ удалось постигнуть смыслъ ея, то содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ: число экземпляровъ самовольнаго изданія опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо, безъ всякихъ предположеній и фикцій. Это число должно быть помножено на разность, происходящую отъ вычитанія изъ продажной цѣны, объявленной законнымъ издателемъ, того, во что каждый экземпляръ обошелся контрафактору. Понятно, почему для разсчета берется цѣна продажная, объявленная законнымъ издателемъ: законный издатель продавалъ бы дороже и выручилъ бы большую сумму, нежели та, которую выручилъ контрафакторъ. Настоящій барышъ контрафактора не имѣетъ никакой связи съ вѣроятными убытками законнаго издателя и не долженъ вліять на опредѣленіе этихъ убытковъ. Но непонятно, почему изъ цѣны продажной издательской вычитаются издержки печатанія не его, издателя, а контрафактора. Если контрафакторъ печаталъ неразсчетливо и дорого, то почему эта неразсчетливость должна служить къ уменьшенію вознагражденія за контрафакцію? Эту несообразность можно еще рельефнѣе выставить въ примѣрѣ, доводя ее до очевидной нелѣпости. Положимъ, что издатель продаетъ сочиненіе по 3 рубля, изъ которыхъ одинъ идетъ на издержки печатанія, одинъ на гонораръ и одинъ составляетъ чистую прибыль издателя. Явился контрафакторъ, который продаетъ свое изданіе по той же цѣнѣ (3 рубля), но его изданіе роскошнѣе; издержки печатанія обошлись ему въ 2 рубля. По смыслу 304 ст. ц. у. законный издатель получитъ за каждый контрафактный экземпляръ 3 руб. безъ 2 р., то есть одинъ рубль, иными словами только то, что онъ заплатилъ автору за гоно-

раръ; убытокъ же его, состоящій въ неполученіи издательскаго барыша, останется непокрытымъ.

Бываютъ случаи, къ которымъ неприложимы никакія законодательныя нормы, опредѣляющія вознагражденіе, и въ которыхъ необходимо прибѣгать, для оцѣнки убытковъ, къ пособію экспертовъ, напримѣръ когда контрафакція пустила въ ходъ сочиненіе еще не изданное авторомъ, или когда контрафакторъ перепечаталъ только извѣстную часть чужаго сочиненія или одну какую-нибудь статью извѣстнаго журнала, которая отдѣльно не продается, наконецъ, когда преступникъ виноватъ не въ контрафакціи, а только въ противозаконномъ копированіи чужихъ произведеній.

Законъ нашъ оставляетъ судью въ совершенной неизвѣстности, какъ опредѣлять убытки драматическаго автора за самовольную постановку на сцену его произведеній (ст. 2276 уложенія). Вознагражденіе за самовольное исполненіе чужихъ музыкальныхъ произведеній походитъ болѣе на уголовное, нежели на гражданское взысканіе, и состоитъ въ слѣдующемъ: съ виновнаго взимается въ пользу композитора сумма, равная двойному сбору, полученному за представленіе, изъ коего не вычитаются употребленныя на представленіе издержки (ст. 351 ц. у.).

III. *Уголовныя наказанія.* Эта часть самая слабая въ законодательствѣ русскомъ о правахъ авторскихъ; ее можно упрекнуть и въ непослѣдовательности, и въ излишней строгости. Въ контрафакціи элементъ гражданскій преобладаетъ надъ уголовнымъ, общество заинтересовано въ огражденіи правъ авторскихъ только посредственно; нарушеніе правъ авторскихъ не грозитъ никакою особенною опасностью для общества, обуздывать его можно слабѣйшими мѣрами уголовными, наказаніями не личными, а имущественными, которыя тѣмъ болѣе здѣсь умѣстны, что контрафакція совершается всего чаще съ корыстною цѣлію, слѣдовательно пеня способнѣе другихъ средствъ противодѣйствовать главному мотиву преступленія. Франція полагаетъ за контрафакцію штрафъ отъ 100 до 2,000 франковъ (Code pénal, art. 427); Англія взыскиваетъ съ виновнаго 10 фунтовъ стерлинговъ и

двойную цѣну контрафактныхъ экземпляровъ (5 и 6 Vict., c. 45 sect. 17). Нѣмецкіе кодексы доводятъ штрафы до 1,000 талеровъ или гульденовъ (*Wächter*, S. 697). Въ случаѣ повторенія, контрафакторъ можетъ быть лишенъ права заниматься типографскимъ или литографскимъ промысломъ.

Наше законодательство идетъ противоположнымъ путемъ и, наказывая вообще за преступленіе противу правъ авторскихъ наказаніями личными, довольствуется пенями денежными только въ отношеніи къ заимствованіямъ частей чужаго произведенія въ размѣрѣ свыше дозволеннаго закономъ, которыя контрафакторъ вставилъ въ свое собственное произведеніе. По 2277 ст. улож., лица, которыя, не перепечатывая вполнѣ книги, статьи, музыкальной композиціи или эстампа, помѣстятъ въ своихъ книгахъ, журналахъ, гравюрахъ, какія-либо превышающія законную норму заимствованія, подвергаются за сіе взысканію въ казну (въ тюремный капиталъ, по 46 ст. улож.) двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ ими экземпляровъ книги, нотъ или эстамповъ, вмѣщающихъ въ себѣ части, заимствованныя изъ чужихъ произведеній.

За всякую другаго рода контрафакцію, состоящую въ выпускѣ въ свѣтъ цѣльнаго сочиненія или въ помѣщеніи цѣльнаго сочиненія въ какомъ-либо собраніи или въ изданіи части сочиненія особою статьею, также за всякое противозаконное копированіе пластическихъ произведеній, за всякое представленіе драматическихъ или разыгрываніе музыкальныхъ произведеній въ публичномъ собраніи, полагается заключеніе въ смирительномъ домѣ на время отъ $1^1/_2$ до 8-ми мѣсяцевъ (въ ст. 2276 уложенія всѣ вышеупомянутые случаи подведены подъ одинъ знаменатель: кто, не выдавая себя за автора, будетъ, безъ надлежащаго на то уполномочія, располагать какъ бы принадлежащимъ ему сочиненіемъ или инымъ произведеніемъ...).

Наконецъ, относясь съ неудобопонятною строгостью къ плагіату, статья 2275 улож. подвергаетъ того, кто присвоилъ себѣ чужое произведеніе, издавъ его подъ своимъ именемъ, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ отда-

ленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ заключеніемъ на время отъ 6-ти мѣсяцевъ до 1-го года или отдачѣ въ рабочій домъ на время отъ 6-ти мѣсяцевъ до 1-го года и 4-хъ мѣсяцевъ.

§ 2.

Статья 3.

Судопроизводство по дѣламъ о нарушеніи правъ авторскихъ.

Вопросъ о порядкѣ веденія дѣлъ о преступленіяхъ противу правъ авторскихъ весьма запутанъ; онъ рѣшается неодинаково по разнымъ положеніямъ о собственности авторской литературной, художественной, музыкальной. Постановленія цензурнаго устава идутъ въ разрѣзъ съ постановленіями уложенія о наказаніяхъ, такъ что, основываясь на разныхъ источникахъ законодательства, истецъ можетъ по своему выбору повести дѣло порядкомъ исполнительнымъ, установленнымъ для безспорныхъ взысканій чрезъ полицію, или порядкомъ судебнымъ, и притомъ судомъ гражданскимъ или судомъ уголовнымъ. Статьи 337 и 338 ц. у. предоставляютъ истцу обратиться съ жалобою на нарушеніе права художественной собственности въ полицію (въ столицахъ въ управу благочинія) и просить о наложеніи немедленно ареста на контрафактные экземпляры и на орудія преступленія, какъ-то: на мѣдныя доски, литографическіе камни, формы, краски. Законъ не упоминаетъ о собственности литературной и музыкальной, но это, вѣроятно, недомолвка. Заарестованіе контрафактныхъ экземпляровъ и орудій преступленія есть, по существу своему, мѣра предупредительная, входящая въ кругъ вѣдомства полиціи и могущая предшествовать всякому судебному разбирательству. Полиція не компетентна ни для опредѣленія вознагражденія за убытки, ни для опредѣленія наказанія. То и другое дѣлается посредствомъ судебнаго разбирательства.

При разбирательствѣ дѣла судомъ, прежде всего надобно отдѣлить плагіатъ отъ другихъ преступленій противу правъ авторскихъ. По особенному взгляду нашего законодательства, плагіатъ, считаемый тяжкимъ преступленіемъ уголовнымъ, преслѣ-

дуется независимо отъ частной жалобы правительственными органами правосудія. Дѣла о контрафакціи (а слѣдовательно и о другихъ преступленіяхъ, пріуроченныхъ къ контрафакціи въ 2276 ст. улож., какъ-то: о противозаконномъ копированіи, разыгрываніи и представленіи) начинаются не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы обиженнаго (ст. 1048 ч. 2 т. X св. зак. гражд.). Отъ обиженнаго зависитъ домогаться вознагражденія за убытки или требовать наказанія преступника. Въ первомъ случаѣ дѣло производится гражданскимъ порядкомъ, при чемъ различаются тяжбы по поводу несоблюденія условій, состоявшихся на счетъ изданія книги между сочинителями, переводчиками, издателями, типографщиками и книгопродавцами, отъ дѣлъ, имѣющихъ предметомъ само право собственности авторской на произведеніе. Тяжбы по несоблюденію условій производятся на общемъ основаніи (ст. 1047 2 ч. XV т. св. зак. гражд.). Дѣла о правѣ собственности авторской рѣшаются третейскимъ судомъ. Въ случаѣ несогласія сторонъ на приговоръ третейскій, дѣла эти переносятся въ обыкновенные суды, начиная съ гражданской палаты той губерніи, гдѣ имѣетъ жительство отвѣтчикъ. Гражданская палата въ случаяхъ сомнительныхъ требуетъ заключенія университетовъ. Дѣло, поступившее въ обыкновенные суды, можетъ быть изъ этихъ судовъ, по взаимному соглашенію сторонъ, передано въ судъ третейскій, при чемъ однако стороны теряютъ право обжалованія приговора третейскаго, и приговоръ этотъ получаетъ значеніе окончательнаго (ст. 1050 2 ч. X т. св. зак. гражд.). Судъ гражданскій властенъ присудить автору вознагражденіе съ контрафактора, но наказаніе контрафактора выходитъ за предѣлы его компетенціи. Здѣсь возникаетъ вопросъ: обязанъ ли судъ гражданскій, по окончательномъ рѣшеніи дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, передать самъ собою дѣло въ судъ уголовный для наказанія виновнаго, или переносъ дѣла въ судъ уголовный совершается только по требованію обиженной стороны? Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ можетъ быть слѣдующимъ образомъ рѣшенъ на основаніи уложенія о наказаніяхъ: уложеніе ставитъ въ зависимость отъ требованія обиженнаго только наказаніе за

заимствованіе части чужаго произведенія для помѣщенія его въ какомъ нибудь обширномъ сочиненіи или собраніи (ст. 2276 улож.). Подобныя дѣла могутъ быть, повидимому, переносимы изъ суда гражданскаго въ уголовный не иначе, какъ по требованію обиженнаго. Уложеніе не допускаетъ вліянія воли обиженнаго на ходъ дѣлъ о другихъ видахъ контрафакціи и однородныхъ съ нею преступленій, изъ чего слѣдуетъ заключить, что разъ начатыя производствомъ подобныя дѣла не прекращаются примиреніемъ сторонъ и преслѣдуются въ видахъ уголовнаго правосудія, независимо отъ отказа истца отъ своего иска. Итакъ, по вступленіи гражданскаго приговора въ окончательную силу закона, судъ гражданскій, сообразно 209 ст. 2 ч. X. т. св. зак. гражд., обязанъ препроводить дѣло въ надлежащій судъ уголовный, для поступленія съ нарушителемъ правъ авторскихъ по законамъ.

Обратимся ко второму случаю и предположимъ, что истецъ началъ дѣло уголовнымъ порядкомъ. Такъ какъ судъ уголовный компетентенъ и для присужденія обиженному вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, то онъ можетъ опредѣлить это вознагражденіе количественно или можетъ предоставить обиженному начать искъ о вознагражденіи гражданскимъ порядкомъ, отъ дѣла уголовнаго особо.

Всякіе иски о преступленіяхъ противу правъ авторскихъ погашаются давностью двухъ-лѣтнею для истцовъ, пребывающихъ въ Россіи, и четырехъ-лѣтнею для истцовъ, пребывающихъ за границею, считая срокъ давности со дня выхода въ свѣтъ контрафактной книги или инаго произведенія наукъ и искусствъ (ст. 1049 ч. 2 т. X св. зак. гражд.).

О ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

(Письмо къ редактору журнала „Фотографъ“ А. Фрибесу).

Вамъ угодно узнать мое мнѣніе о томъ, можетъ ли свѣтопись претендовать на такую защиту закона отъ контрафакціи, какою пользуются въ настоящее время живопись, ваяніе, музыка, словесность, иными словами — могутъ ли произведенія фотографическаго искусства быть подводимы подъ понятіе художественной собственности, или нѣтъ, на какомъ основаніи и при какихъ условіяхъ? Спѣшу принести посильную дань моихъ замѣчаній и соображеній по этому вопросу, столь важному для будущихъ успѣховъ и развитія свѣтописи.

Права художественной собственности изложены въ XIV томѣ свода законовъ, въ седьмой главѣ цензурнаго устава. Въ статьѣ 324 этого устава, установляющей 50-лѣтній срокъ пользованія этими правами со дня смерти автора для его наслѣдниковъ и для постороннихъ пріобрѣтателей, въ числѣ прочихъ произведеній, упоминаются *произведенія фотографіи* («произведенія живописи, гравированія, литографіи, фотографіи, скульптуры, архитектуры, искусства медальернаго и другихъ...»). Итакъ статьею 324 цензурнаго устава права авторскія признаны въ области фотографіи; но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что, за исключеніемъ этой вставки, весь цензурный уставъ

какъ будто бы игнорируетъ свѣтопись и не предоставляетъ фотографамъ никакихъ практически-возможныхъ способовъ осуществлять свои права авторскія, защищать ихъ отъ самовольнаго воспроизведенія ихъ продуктовъ другими лицами. Формальныя условія, которыя обязанъ выполнить всякій художникъ, а слѣдовательно и фотографъ, для огражденія на будущее время своего произведенія отъ контрафакціи, столь тяжелы и неудобоисполнимы, что до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не было примѣра исполненія всѣхъ этихъ обрядовъ кѣмъ либо изъ фотографовъ, да едвали и можно ожидать когда нибудь подобнаго исполненія. Вотъ тѣ формальности, которыхъ требуетъ отъ художника-автора 322 статья цензурнаго устава. Авторъ обязанъ: 1) предъявить и записать произведеніе свое у маклера или въ уѣздномъ судѣ съ подробнымъ описаніемъ сюжета; 2) взять изъ маклерской книги или изъ уѣзднаго суда выписку за скрѣпою, въ доказательство того, что право художественной собственности на предъявленное произведеніе принадлежитъ ему; 3) извѣстить о томъ Императорскую Академію Художествъ, съ приложеніемъ засвидѣтельствованной копіи съ выписки и двухъ экземпляровъ произведенія, если оно состоитъ изъ оттисковъ. По полученіи извѣщенія, Академія дѣлаетъ на счетъ просителя публикацію въ вѣдомостяхъ, послѣ чего право художественной собственности на огражденное сими формами произведеніе, утверждается за художникомъ положительно. Трата труда, времени, издержекъ на то, чтобы добиться признанія права собственности на произведенія, столь велика, что процессъ полученія этого признанія походитъ на неодолимыя препятствія, и что у художника пройдетъ охота къ упроченію своихъ правъ, окупаемыхъ столь дорогою цѣною. Онъ предпочтетъ смотрѣть равнодушно на всевозможныя продѣлки, чинимыя въ ущербъ ему его товарищами по ремеслу. Очевидно, что при составленіи цензурнаго устава имѣлись въ виду только живопись, ваяніе, гравированіе, а не свѣтопись, для которой слишкомъ стѣснительны формы, съ коими могутъ еще кое-какъ ужиться другія искусства пластическія. Неполнота цензурнаго устава, неудовлетворительность его

въ отношеніи къ фотографіи объясняются очень просто временемъ его составленія. Глава его, *седьмая*, посвященная опредѣленію правъ авторскихъ на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ, есть не что иное, какъ сводъ слѣдующихъ узаконеній: положенія о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей 8 января 1830 г., положенія о музыкальной собственности 9 января 1845 г. и положенія о художественной собственности 21 января 1846 года. Къ этимъ тремъ основнымъ законоположеніямъ, предшествовавшимъ изобрѣтенію свѣтописи, сдѣлано было небольшое прибавленіе въ недавнее время. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 15 апрѣля 1857 г., срокъ пользованія правами авторскими продолженъ съ 25 на 50 лѣтъ. Въ этой позднѣйшей вставкѣ употреблено мимоходомъ, и то одинъ только разъ, выраженіе: «произведенія фотографіи», которое вошло оттуда впослѣдствіи въ упомянутую выше статью 324 цензурнаго устава, по третьему изданію свода законовъ (1857 г.). Это выраженіе составляетъ до сихъ поръ единственное основаніе для отстаиванія фотографами правъ своихъ на произведенія свѣтописи въ порядкѣ суда. Права эти неосуществимы на дѣлѣ при нынѣшнемъ уставѣ цензурномъ, обусловливающемъ пользованіе ими множествомъ тяжелыхъ обрядовъ, но они могутъ сдѣлаться осуществимы въ будущемъ, когда ненужныя формальности будутъ отмѣнены или, по крайней мѣрѣ, упрощены и доведены до размѣровъ болѣе раціональныхъ, которыхъ требуетъ само существо дѣла.

Сложность формъ для утвержденія за художникомъ правъ на произведеніе не есть единственный недостатокъ устарѣвшей седьмой главы цензурнаго устава. Постараюсь доказать, что этотъ уставъ, не воздавая должнаго свѣтописи, въ то же самое время не защищаетъ надлежащимъ образомъ произведенія литературныя, музыкальныя и даже пластическія отъ разныхъ продѣлокъ со стороны свѣтописнаго искусства, — продѣлокъ, которыя остаются безнаказанными по прямому смыслу закона. Преступленія противъ правъ авторскихъ подраздѣляются по цензурному уставу на слѣдующіе три главные вида: 1) *плагіатъ* или присвоеніе чужаго

литературнаго или художественнаго труда, въ цѣломъ его объемѣ или въ частяхъ, посредствомъ изданія его въ свѣтъ подъ именемъ плагіатора (ст. 335); 2) *контрафакція* или механическое воспроизведеніе чужаго труда литературнаго или артистическаго, посредствомъ печати или иныхъ тому подобныхъ способовъ размноженія произведеній въ неопредѣленномъ количествѣ экземпляровъ, безъ присвоенія себѣ однако этого произведенія (ст. 297, 348, 351); 3) наконецъ, *противозаконное копированіе* или повтореніе чужаго художественнаго произведенія пластическаго, въ цѣломъ его объемѣ, безъ присвоенія себѣ однако этого труда, то-есть безъ выдаванія копіи за собственный оригинальный трудъ самого копіиста (ст. 332—334). Если устранить *плагіатъ*, который приложимъ ко всевозможнымъ видамъ и отраслямъ творчества въ области наукъ и искусствъ, то останутся контрафакція и противозаконное копированіе, которыя разграничивались до сихъ поръ весьма просто, удобно и послѣдовательно по слѣдующимъ двумъ признакамъ: a) по роду творчества, къ которому онѣ относились; b) по свойству употребляемыхъ ими для воспроизведенія пріемовъ. Контрафакція господствовала въ области литературы и музыки; пріемы ея были чисто механическіе, не требующіе со стороны контрафактора особеннаго знанія или сноровки артистической. Копированіе господствовало въ области пластики, причемъ предполагалось, что воспроизведеніе въ копированіи не есть чисто механическое, и что хотя оно подражательное, но все-таки не можетъ обойтись безъ нѣкотораго умѣнья, безъ нѣкотораго содѣйствія и напряженія творческихъ способностей со стороны копіиста. Явилась свѣтопись съ ея пріемами чисто механическими и съ ея почти безпредѣльною примѣняемостью ко всевозможнымъ видамъ творчества умственнаго и эстетическаго. Ея появленіе измѣнило параллелизмъ между контрафакціею и копированіемъ и стерло границы между этими двумя понятіями. Въ 1846 г., когда писалось положеніе о собственности художественной, уже была извѣстна дагерротипія; воспроизведеніе чего нибудь дагерротипомъ отнесено къ копированію (ст. 334 ц. у. п. 1 б.). На этомъ основаніи по

сходству съ дагерротипіею слѣдовало бы всѣ свѣтописныя изображенія приурочить тоже къ копированію, если бы свѣтопись не выходила никогда за предѣлы художествъ пластическихъ. Извѣстно однако, что она можетъ выходить за эти предѣлы, что съ помощью ея можно воспроизвести страницу рукописи или листъ печатной книги съ такою точностью, что нельзя будетъ отличить *fac-simile* отъ оригинала. Въ этомъ случаѣ свѣтопись становится просто контрафакціею и можетъ дѣлать весьма серьезный подрывъ книжной торговлѣ и ущербъ интересамъ писателей, въ особенности, если при усовершенствованіи фотографическаго искусства, оно дойдетъ до того, что негативъ обходиться будетъ дешевле, нежели новый наборъ, и печатаніе позитивныхъ изображеній дешевле печатанія типографскимъ прессомъ. Между тѣмъ законъ не могъ предвидѣть этого случая. Въ статьѣ 351 ценз. уст. запрещается только перепечатываніе, гравированіе или литографированіе, но не фотографированіе чужихъ музыкальныхъ произведеній. Въ области литературы переписываніе, фотографированіе и даже литографированіе чужаго произведенія не считаются нарушеніемъ литературной собственности.

По смыслу 296 и 297 статей ценз. устава контрафакція совершается только посредствомъ *перепечатанія* сочиненія; слѣдовательно, фотографировать его можно сколько угодно, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Фотографія должна измѣнить значеніе закона и относительно *гравированія*. Зная, съ какими трудностями сопряжена перемѣна размѣровъ пластическаго произведенія при его копированіи, статья 334 (пунктъ 3) воспрещаетъ повтореніе гравюры на мѣди, камнѣ, деревѣ и т. п. въ ту же величину, допуская повтореніе въ размѣрѣ увеличенномъ или уменьшенномъ. Вслѣдствіе изобрѣтенія свѣтописи, права авторскія на исключительное воспроизведеніе гравюръ лишились почти всякой защиты со стороны закона, потому что нѣтъ ничего легче, какъ снять съ гравюры фотографію въ увеличенномъ или уменьшенномъ размѣрѣ, потомъ съ фотографическаго рисунка воспроизвести гравюру въ ту же самую, какъ фотографическій рисунокъ, величину.

Наконецъ, къ кореннымъ недостаткамъ законодательства о собственности художественной, дѣлающимъ постановленія этого законодательства неудобопримѣнимыми, слѣдуетъ отнести строгость наказаній, положенныхъ за нарушеніе художественной собственности. Эти наказанія превышаютъ вообще мѣру вины нарушителя. По 339 статьѣ ценз. уст. для удовлетворенія того, чья собственность была нарушена, въ его пользу, *во-первыхъ*, отбираются отъ преступника всѣ невыпущенныя еще въ обращеніе противозаконныя копіи съ произведенія и всѣ *снаряды*, употребленные преступникомъ для составленія этихъ копій. Слово «снарядъ» весьма упругое: можно его толковать, какъ угодно. Иной судъ ограничится передачею собственнику, чьи права были нарушены, одного только контрафактнаго негатива; но могутъ быть и такіе суды, которые, толкуя иначе выраженія закона, присудятъ собственнику весь фотографическій приборъ, всѣ инструменты и всѣ найденныя у фотографа вещества для составленія коллодіона, сансибилизаціи бумаги и т. д. *Во-вторыхъ*, на основаніи той же 339 ст. ценз. устава, виновникъ обязанъ вознаградить лицо, чью художественную собственность онъ нарушилъ, за всѣ его убытки, происшедшіе отъ выпуска въ свѣтъ контрафактныхъ экземпляровъ произведенія; причемъ предполагается, что лица, которыя купили произведеніе у контрафактора, купили эти же произведенія у самого автора или у того, кому онъ передалъ права свои. Оцѣнка этихъ убытковъ предоставлена по закону цѣликомъ благоусмотрѣнію суда. Наконецъ, *въ-третьихъ*, виновникъ въ противозаконномъ копированіи чужихъ пластическихъ произведеній подлежитъ, по 2276 статьѣ уложенія о наказаніяхъ угол. и исправ., заключенію въ смирительномъ домѣ, которое, на основаніи указовъ 17 апрѣля 1863 года, сократившихъ вообще сроки разныхъ видовъ заключенія, простирается на время отъ $1^1/_2$ до 8 мѣсяцевъ. — Не правда ли, господинъ редакторъ, что эти мѣры строгости не помогаютъ фотографамъ? Общество само непосредственно не заинтересовано въ этомъ вопросѣ; порядокъ общественный едва ли можетъ считаться потрясеннымъ вслѣдствіе того, что въ коммерческій обо-

ротъ пущена была незаконнымъ образомъ чья-либо фотографическая карточка; страдаетъ только карманъ фотографа, котораго трудомъ пользуются другія лица, дѣлая чрезъ то ему подрывъ. Фотографъ довольствовался бы однимъ частнымъ вознагражденіемъ за убытокъ, но сажать поддѣльщика въ тюрьму нѣтъ причины и основанія. Если одно частное вознагражденіе недостаточно, то можно бы присоединить къ нему легкій денежный штрафъ, а за совершеніе того же преступленія въ третій или четвертый разъ положить закрытіе заведенія и лишеніе преступника права заниматься свѣтописью. Все, что выходитъ за предѣлы исчисленныхъ мною мѣръ, есть совершенно лишнее. Оно располагаетъ судей къ снисхожденію въ отношеніи къ обвиняемому въ контрафакціи и къ освобожденію его отъ наказанія, хотя бы онъ и былъ виноватъ; оно предубѣждаетъ и публику противъ фотографовъ, заставляетъ ее стоять скорѣе на сторонѣ контрафактора и не желать установленія фотографической собственности на болѣе прочномъ основаніи.

Мнѣ кажется, что приведенныхъ мною фактовъ и замѣчаній достаточно для того, чтобы доказать, что вся седьмая глава цензурнаго устава не соотвѣтствуетъ теперешнему состоянію науки и искусства, что въ особенности постановленія ея о художественной собственности требуютъ преобразованія въ тщательномъ и всестороннемъ просмотрѣ этой части цензурнаго устава. Необходимость подобнаго просмотра, весьма ощутительная въ настоящее время, будетъ становиться сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ новымъ примѣненіемъ этого искусства къ какому нибудь роду явленій, къ какой нибудь отрасли знаній, или къ какому нибудь промышленному производству. Рядъ такихъ примѣненій безконеченъ, будущность фотографіи громадна, успѣхи ея изумляютъ быстротою, матеріальные интересы, которые представляетъ собою это искусство за-границею, и даже у насъ въ Россіи, столь значительны и почтенны, что пришло, кажется, время поставить въ литературѣ вопросъ о фотографической собственности, обсудить его со всѣхъ сторонъ, выслушавъ доводы за и противъ, и придти къ положительнымъ заключеніямъ о томъ,

какого рода гарантій юридическихъ требуетъ для своего преуспѣянія и развитія фотографическое искусство? Полемика литературная можетъ подготовить элементы для законодательства по этой части. Постараюсь опредѣлить, въ какую рамку должны быть, по моему мнѣнію, вставлены соображенія фотографовъ въ настоящее время.

1) Прежде всего совѣтую господамъ фотографамъ не слишкомъ настаивать на выраженіи: *фотографическая собственность*, смотрѣть на него какъ на иносказаніе, употребляемое въ переносномъ смыслѣ. Хотя это выраженіе встрѣчается въ законѣ, но оно не выдерживаетъ строгой критики научной. Оно весьма не точно и можетъ подать поводъ къ ошибочнымъ выводамъ и заключеніямъ. Право собственности есть узаконенное, исключительное господство лица надъ вещью; оно можетъ имѣть предметомъ только вещь, существующую въ пространствѣ, подлежащую чувствамъ, матеріальную. По существу своему, оно есть право, простирающееся на всю будущность, не ограничиваемое никакимъ временемъ, безсрочное. Всѣхъ сихъ существенныхъ условій недостаетъ тому *праву*, которое неосновательно именуется правомъ *художественной собственности*. Когда художникъ продастъ публикѣ отдѣльные экземпляры своего произведенія, то полное право собственности на каждый изъ этихъ экземпляровъ переходитъ къ покупателямъ. Художникъ можетъ только требовать, чтобы никто изъ лицъ, къ кому перейдутъ проданные экземпляры, не воспроизводилъ тоже самое изображеніе и не дѣлалъ ему подрыва этимъ повтореніемъ въ коммерческомъ отношеніи. Выдѣлять изображеніе изъ вещества, изъ котораго оно сдѣлано, можно только мысленно, а на самомъ дѣлѣ изображеніе, разсматриваемое отдѣльно отъ вещества, есть только отвлеченное понятіе, которое лишь посредствомъ фикцій и натяжекъ можетъ быть выдаваемо за предметъ собственности. Притомъ, ни одно положительное законодательство не рѣшилось приписать этой собственности, идеальной, воображаемой, то свойство коренное, вездѣ принадлежащее настоящей собственности, которое заключается въ ея безсрочности. Безсроч-

ность авторскихъ правъ на изобрѣтеніе или произведеніе, ученое или артистическое, противно и условіямъ общежитія, и природѣ человѣка; она затормозила бы общество въ его развитіи и обрекла бы его на неминуемый застой, мѣшая самымъ чувствительнымъ образомъ распространенію идей въ народныхъ массахъ. Право собственности есть предметъ почтенный, достойный уваженія и требованія авторовъ, чтобы имъ можно было исключительно пользоваться въ теченіе извѣстнаго времени плодами своего труда; но смѣшивать эти два понятія, подводя права авторскія подъ категорію собственности, не только не слѣдуетъ, но даже опасно, потому что, когда разберутъ, что это два понятія неподходящія, то могутъ оспорить самое существованіе правъ авторскихъ и настаивать на ихъ отмѣнѣ. Фикція литературной и художественной собственности тѣмъ менѣе нужна, что правамъ авторскимъ можно дать иное, весьма прочное и уважительное основаніе. Права авторскія основаны на той промышленности, которая существуетъ между трудомъ простымъ, механическимъ, и настоящимъ творчествомъ техническимъ, научнымъ или эстетическимъ. Творчество обусловливается знаніемъ и талантомъ со стороны создателя. Всякое новое изобрѣтеніе или созданіе требуетъ продолжительной подготовки, множества усилій, иногда значительныхъ предварительныхъ затратъ и пожертвованій. Но повтореніе того же созданія, по имѣющемуся уже образцу, совершается чисто механически, удобно и легко, безъ всякаго въ томъ участія таланта, изобрѣтательности. Если бы всякій, кому авторомъ проданъ экземпляръ его произведенія, могъ тотчасъ же повторять и размножать это произведеніе, то очевидно авторъ оставался бы въ накладѣ, потому что его конкурренты, пользуясь даромъ его изобрѣтательностью, и пуская то же произведеніе по болѣе дешевой цѣнѣ въ продажу, лишили бы его возможности вознаградить себя за предварительныя затраты и выручить ту долю вознагражденія, которая ему приходится за участіе его таланта въ производствѣ. Для обезпеченія авторамъ приличнаго вознагражденія за творчество и для предотвращенія того, чтобы трудъ простой, меха-

ническій не корыстовался плодами чужаго творчества въ ущербъ создателю, законъ предоставляетъ изобрѣтателямъ и авторамъ срочную монополію на исключительное воспроизведеніе ихъ созданій или изобрѣтеній въ теченіе опредѣленнаго времени, послѣ чего ихъ созданія или изобрѣтенія становятся достояніемъ общественнымъ. Эта временная монополія, составляющая законное преимущество труда творческаго передъ трудомъ механическимъ, не только справедлива, но и политична, потому что она поощряетъ людей даровитыхъ къ дѣланію открытій, къ творчеству и созданію. Если кому не нравятся слова: *монополія*, *привиллегія*, то ему можно замѣтить, что дѣло не въ словахъ, а въ сущности, что не всякая монополія и привиллегія не хороши и ненавистны, что есть монополіи весьма полезныя, къ числу которыхъ принадлежатъ, напримѣръ, всѣ новыя изобрѣтенія въ земледѣліи и фабричной промышленности. Никто не сталъ бы трудиться надъ изобрѣтеніемъ, если бы онъ зналъ, что стая спекулянтовъ ждетъ этого изобрѣтенія съ нетерпѣніемъ, тотчасъ налетитъ на него и станетъ его эксплуатировать, самъ же изобрѣтатель, какъ былъ, такъ и останется голышемъ и горемыкою.

2) Такъ-какъ права авторскія основываются только на творчествѣ и есть юридическая гарантія, предоставляемая закономъ автору за его изобрѣтательность, то отсюда слѣдуетъ, что права авторскія могутъ быть распространяемы только на такія вещи, которыя не суть простыя повторенія существующихъ въ природѣ предметовъ, но запечатлѣны личнымъ творчествомъ автора, то-есть, могутъ быть разсматриваемы какъ новыя созданія, какъ плодъ его индивидуальнаго ума и воображенія. По моему мнѣнію, г. редакторъ, въ этомъ пунктѣ и заключается въ настоящее время весь узелъ вопроса о такъ называемой фотографической собственности. Вамъ извѣстно, что эта собственность имѣетъ многихъ противниковъ въ западной Европѣ, которые утверждаютъ, что фотографія есть простое ремесло, а не художество, что она ограничивается однимъ только повтореніемъ того, что существуетъ въ природѣ, что настоящій артистъ-свѣтописецъ есть солнечный лучъ, который не требуетъ никакихъ привил-

легій и не нуждается ни въ какомъ поощреніи за свое участіе въ производствѣ. Признаюсь, что на первый взглядъ эти возраженія могутъ озадачить и заставить усомниться въ томъ, нужно ли особенное художественное творчество для составленія простой, напримѣръ, карточки свѣтописной? Не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, раздѣлить произведенія фотографіи на два рода, и одинъ отнести къ числу трудовъ художественныхъ, а другой къ числу трудовъ механическихъ? — Однако, эти сомнѣнія исчезаютъ при болѣе зрѣломъ обсужденіи вопроса. Никто, конечно, не станетъ оспаривать того, что есть между произведеніями свѣтописи нѣкоторыя, которыя, по справедливости, должны считаться артистическими созданіями и подлежатъ на этомъ основаніи авторскому праву. Всякое свѣтописное изображеніе, ретушированное артистомъ, должно быть защищаемо отъ контрафакціи на такомъ же основаніи, на какомъ защищаются акварель, гуашъ или картина, писанная масляными красками. Свѣтописное изображеніе послужило только матеріаломъ для дальнѣйшей обработки, при которой кисть или карандашъ артиста наложили на изображеніе несомнѣнную печать индивидуальности, составляющую основаніе авторскаго права. Перейдемъ къ свѣтописи безъ ретушей. Положимъ, что путешественникъ изъѣздилъ извѣстную страну съ фотографическимъ приборомъ, снималъ замѣчательнѣйшіе виды и составлялъ богатую коллекцію пейзажей, дающихъ самое наглядное понятіе объ этой странѣ. Справедливость требуетъ, чтобы за свою счастливую мысль, за неудобства путешествія, трату времени и издержки на осуществленіе этой мысли, собиратель видовъ пользовался правами авторскими въ отношеніи къ своей коллекціи. Положимъ, что другой фотографъ поставилъ живую картину и снялъ ее потомъ на бумагу, посредствомъ свѣтописи. Картина имъ задумана, онъ выбралъ лица, нарядилъ ихъ въ приличные костюмы, далъ имъ художественную группировку. Исключительное право на повтореніе этого произведенія принадлежитъ, конечно, ему, на такомъ же основаніи, на какомъ живописцу — исключительное право снимать копіи съ его картона или фрески. И живописецъ дѣлалъ почти то же самое:

картину онъ писалъ съ живыхъ натурщиковъ и натурщицъ, которымъ далъ видъ героевъ или рыцарей, мудрецовъ или вакханокъ. Даже снятіе хорошаго свѣтописнаго портрета въ большихъ или малыхъ размѣрахъ требуетъ, кромѣ технической сноровки, еще и художественнаго умѣнья и тонкаго вкуса. По свѣтописной карточкѣ можно тотчасъ узнать, изъ какой мастерской она родомъ. Индивидуальность художника-фотографа, его манера, проявляются въ выборѣ позы, въ сообщеніи лицу, съ котораго снимается портретъ, приличной обстановки, въ освѣщеніи этого лица, въ расположеніи складокъ его платья, въ тысячѣ мелочныхъ подробностей, которыя ускользаютъ отъ менѣе опытнаго глаза. Конечно, художниковъ-фотографовъ немного, большинство состоитъ изъ рутинистовъ, механически-исполняющихъ свое дѣло; но талантъ творческій появляется вообще весьма рѣдко и въ литературѣ, и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ ваяніи; оригинальныхъ идей мало, огромное большинство производимаго состоитъ изъ подражаній, повтореній и видоизмѣненій немногихъ, прежде уже подмѣченныхъ типовъ. Не смотря на то, никакому законодательству не приходило на мысль стать судьею въ дѣлѣ творчества, входить въ разборъ, на сколько извѣстное произведеніе самобытно и признавать права авторскія или отказывать въ нихъ творцу произведенія, смотря по оригинальности этого произведенія. Ни законодатель, ни органы правительственные, ни даже эксперты не въ состояніи провести въ литературѣ или въ художествахъ черту, которая отдѣлила бы неискусное отъ художественнаго, новое отъ стараго, заимствованное извнѣ отъ самобытнаго. Самыя безобразныя, лубочныя картинки, самыя бездарныя вирши и нелѣпѣйшія писанія защищаются отъ контрафакціи; точно такимъ же образомъ подъ защиту закона надлежитъ поставить всѣ вообще безъ разбора пластическія изображенія, получаемыя посредствомъ свѣтописи.

3) Если право авторское есть монополія срочная, то какъ великъ долженъ быть этотъ срокъ для свѣтописныхъ изображеній? — Многіе изъ фотографовъ будутъ, вѣроятно, оспаривать надобность въ возбужденіи этого вопроса о срокѣ, и будутъ до-

казывать, что свѣтопись, какъ младшее по времени происхожденія изъ художествъ пластическихъ, примыкаетъ къ нимъ, входитъ въ ихъ среду и требуетъ для себя такого же срока, какимъ пользуется всякая вообще собственность литературная или художественная. По положенію о правахъ сочинителей 22 апрѣля 1828 года, срокъ этотъ положенъ 25-ти-лѣтній; указомъ 15 апрѣля 1857 года онъ удвоенъ, такъ что нынѣ онъ 50-лѣтній со дня смерти автора. Не знаю, таковы ли ваши убѣжденія по этому вопросу; но, г. редакторъ, позвольте мнѣ изложить мое личное мнѣніе, хотя бы оно и не вполнѣ согласовалось съ вашимъ. Я полагаю, что и для литературной собственности 25 лѣтъ было бы весьма достаточно, даже, можетъ быть, слишкомъ много; для фотографической же собственности полувѣковая монополія, не принося никакой существенной пользы фотографамъ, будетъ только вредить имъ въ общественномъ мнѣніи, какъ напрасное стѣсненіе свободы коммерческаго оборота свѣтописныхъ изображеній. Зачѣмъ установлены права авторскія? Затѣмъ, чтобы потрудившійся на своемъ вѣку авторъ былъ обезпеченъ на старости лѣтъ относительно хлѣба насущнаго, чтобы онъ могъ пристроить дѣтей и умеръ спокойно, зная, что семья его не будетъ лишена средствъ къ существованію тотчасъ послѣ его кончины. Эта цѣль вполнѣ достигается не только 25-ти-лѣтнимъ, но даже 15-ти-лѣтнимъ срокомъ монополіи. Требовать большаго, значитъ желать установленія въ пользу внуковъ и правнуковъ автора, лицъ литературѣ и искусству никогда почти непричастныхъ, обременительнаго налога на литературу и искусство; значитъ, поощрять паразитизмъ въ ущербъ труду и ко вреду публики. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ собственность авторскую въ литературѣ, живописи, ваяніи, будетъ ли этотъ срокъ 15, 25 или 50 лѣтній. Смѣю утверждать, что нѣтъ никакой надобности брать этотъ срокъ за норму для свѣтописи, когда вслѣдствіе особенныхъ условій своего существованія, это искусство можетъ довольствоваться срокомъ несравненно короче. Срокъ монополіи можетъ быть иной во всякой особой отрасли творчества. Онъ долженъ соразмѣряться съ творческимъ трудомъ, по-

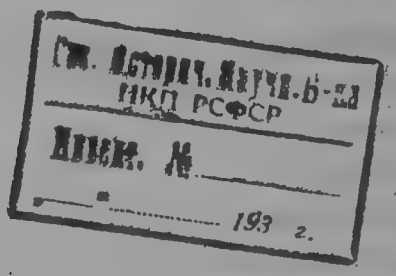
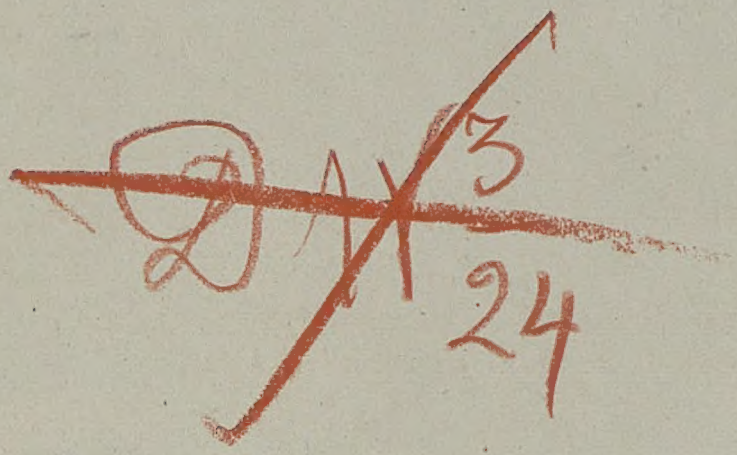
требнымъ для созданія самыхъ значительныхъ произведеній въ этой отрасли. И въ литературѣ, и въ живописи есть безчисленное множество эфемеридъ, но срокъ монополіи долженъ быть выбранъ такой, чтобы онъ пришелся по росту Гёте или Маколею, Иванову или Деляроншу. Согласитесь, г. редакторъ, что самыя трудныя свѣтописныя работы не могутъ выдержать, въ этомъ отношеніи, никакого сравненія съ написаніемъ книги или картины съ высѣченіемъ статуи изъ мрамора. Притомъ, произведенія свѣтописи гораздо менѣе долговѣчны; приглядѣвшееся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изображеніе идетъ въ кладовую, покопится въ коллекціяхъ, перезабывается, пока его не вытащитъ опять какой-нибудь любитель встоши, который пуститъ его въ оборотъ какъ нѣчто новое. Прибавимъ еще одно соображеніе: едва ли современная свѣтопись обладаетъ вполнѣ надежными способами укрѣплять на вѣчныя времена позитивные рисунки на бумагѣ. При невозможности ручаться за то, что фотографическія изображенія не подвергнутся никогда порчѣ, нельзя на цѣлые полвѣка воспрещать повтореніе этихъ изображеній, потому что весьма многіе изъ нихъ пропадутъ безвозвратно, если самъ авторъ не позаботится, а у постороннихъ любителей отнята будетъ законная возможность воспроизводить ихъ во-время. Мнѣ кажется, что и для публики, и для фотографовъ было бы безобидно сократить срокъ пользованія правами авторскими въ области свѣтописи на 10 лѣтъ со дня изданія въ свѣтъ изображенія.

4) Пунктъ самый важный въ практическомъ отношеніи, на которомъ болѣе всего надобно настаивать для того, чтобы права авторскія въ области свѣтописи изъ чисто-идеальныхъ превратились въ дѣйствительныя, состоитъ въ упрощеніи формальностей, которыми обусловлено пользованіе всякою художественною собственностью. Какая цѣль этихъ формальностей? Она заключается только въ томъ, чтобы удостовѣрить: а) кто настоящій авторъ произведенія, и b) съ какихъ поръ считать срокъ авторской монополіи, по истеченіи котораго произведеніе становится достояніемъ общественнымъ? — Не всякій фотографъ дорожитъ

исключительнымъ правомъ повторять свои произведенія; есть произведенія, за которыя нечего опасаться: никто воспроизводить ихъ не захочетъ. Отъ фотографа, желающаго сохранить за собою монополію повторенія, можно требовать, чтобы на каждомъ экземплярѣ пускаемаго въ свѣтъ произведенія онъ ставилъ свое клеймо съ обозначеніемъ какъ фамиліи своей, такъ и времени (т. е. числа и года) изданія въ свѣтъ произведенія. Одной выставки клейма недостаточно, потому что клеймо можетъ быть поддѣльное, имя автора фальшивое, число и годъ могутъ быть означены не настоящіе, смотря потому, желаетъ ли ссылающійся на эти числа, чтобы монополія прекратилась раньше или длилась дольше противъ того срока, который слѣдовалъ бы ей по закону. Посему фотографамъ, желающимъ пользоваться правами авторскими, надлежало бы вмѣнить въ обязанность, подъ страхомъ отказа въ искѣ о контрафакціи, чтобы они являли свои клейменыя изображенія для записки въ нотаріальныя книги мѣста своего пребыванія. Основныя положенія преобразованія судебной части 29 сентября 1862 года полагаютъ, что по всѣмъ городамъ губернскимъ и уѣзднымъ должны быть установлены нотаріусы для совершенія всевозможныхъ актовъ (ч. 1, ст. 91). Выписка изъ книги нотаріальной о явкѣ свѣтописнаго изображенія можетъ служить точно такимъ доказательствомъ принадлежности изображенія художнику на правахъ фотографической собственности, какимъ для произведеній литературныхъ служатъ отзывы цензурныхъ комитетовъ о разрѣшеніи ими изданія въ свѣтъ сочиненій. Нѣтъ никакой надобности усложнять производство, вмѣнять въ обязанность, чтобы свѣтописное изображеніе представляемо было въ академію художествъ. Ни отъ цензуры, ни отъ нотаріуса нельзя требовать ученой или артистической оцѣнки произведенія для опредѣленія его оригинальности; отъ нихъ можно требовать только простаго удостовѣренія въ томъ, что такое-то произведеніе явлено, причемъ противной сторонѣ въ процессѣ принадлежитъ право оспаривать оригинальность произведенія или доказывать, что явившій произведеніе присвоилъ себѣ чужой трудъ, и выдалъ его за свой собственный.

5) Наконецъ, есть одна сторона вопроса, въ которой, по всей вѣроятности, мы съ вами сойдемся, г. редакторъ. Я разумѣю смягченіе уголовныхъ мѣръ, грозящихъ контрафакторамъ свѣтописныхъ изображеній, и освобожденіе ихъ отъ отвѣтственности личной. Наказаній имущественныхъ достаточно для огражденія правъ авторскихъ, которыя будутъ защищены какъ слѣдуетъ, отобраніемъ отъ нарушителя фотографической собственности контрафактныхъ негативовъ, взысканіемъ съ него убытковъ въ пользу фотографа-собственника по оцѣнкѣ суда, наконецъ легкими денежными пенями и закрытіемъ заведенія, въ случаѣ многократнаго повторенія контрафакціи.

16 апрѣля 1864 г.
С. Петербургъ.



13
46
61